

**Администрация города Астрахани
Администрация МО «Приволжский район»
Научно-исследовательский центр этнополитических исследований
Астраханского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Областной методический центр народной культуры
Астраханской области
Астраханская областная общественная организация
«Молодежный центр ногайской культуры «Эдиге»**

**Ногаеведческий сборник
Актуальные вопросы истории
и культуры ногайцев**

Выпуск 1.

Астрахань, 2013.

УДК 94 (470=512.145) (082)
ББК 63.3 (29=632) я 4
Н 76

Редакционная коллегия:

Э.Ш. Идрисов, кандидат политических наук (гл. редактор);
В.М. Викторин, кандидат исторических наук;
И.В. Торопицын, кандидат исторических наук;
В.В. Грибовский, кандидат исторических наук;
Э.М. Идрисова (корректор)

Рецензенты:

В.В. Трепавлов, доктор исторических наук;
А.А. Курапов, кандидат исторических наук

Н 76

Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. – Астрахань: Изд-во «Color», 2013. - 124 с., доп. тир. 30 экз.

ISBN 978-5-9903276-1-0

Сборник составлен из статей отечественных и зарубежных специалистов в области ногаеведения из регионов России: Астраханской области, Дагестана, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, а также из Украины и Казахстана. Издание включает материалы по истории и культуре ногайцев.

Сборник предназначен для специалистов, изучающих социально-экономические и политические процессы в истории ногайцев, их материальную и духовную культуру, а также всем, кто интересуется ногаеведческой проблематикой.

УДК 94 (470=512.145) (082)
ББК 63.3 (29=632) я 4

ISBN 978-5-9903276-1-0

**© Астраханская областная общественная организация
«Молодежный центр ногайской культуры «Эдиге»**

Оглавление

Введение	4
Викторин В.М. Мурзы и эмеки в этносоциальной среде ногайцев-едисанцев (джетисанцев) при г. Астрахани в XVII – XIX веках (к эволюции их сообщества при переходе к оседлости).....	5
Грибовский В.В. Земледелие в структуре хозяйства причерноморских ногайцев XVI – XVIII веков.....	20
Идрисов Э.Ш. Этнокультурные и социальные аспекты взаимоотношения ногайцев-карагашей с народами Нижнего Поволжья в XVIII – первой половине XIX века.....	35
Идрисов Ю.М. Взаимоотношения ногайцев с тюркскими народами Северного Кавказа с древнейших времен до конца XIX века.....	42
Имашева М.М. Династия Адельшиновых (По материалам Государственного архива Астраханской области).....	50
Каноква Ф.Ю. Комплекс традиционной мужской одежды ногайцев-карагашей XVIII – XX веков	55
Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с Узбекскими ханствами в XV–XVI веках	60
Курмансеитова А.Х. Вклад семьи Абдул-Маджида Абдуллина в этнокультуру ногайцев (120-летию Басыра Абдуллина посвящается)	70
Курумбаев А.Ш. Этнические группы Букеевской Орды казахов.....	75
Кусегенова Ф.А. Художественно-стилевые особенности ногайских дастанов.....	78
Очиров У.Б. Попытки объединения калмыцких и ногайских племен в первой половине XVIII века.....	84
Сызранов А.В. «Нормативный» ислам и традиционные народные верования ногайцев-карагашей Астраханской области.....	91
Тепкеев В.Т. Калмыцко-ногайские отношения в 40-е годы XVII века	102
Торопицын И.В. Эрс Магомед мулла – агент российского влияния в среде ногайцев (к вопросу о поселении салтанаульцев в Астраханской губернии в 1740-х годах)	115
Сведения об авторах	123

Введение

Вашему вниманию представляется сборник научных статей, посвященных вопросам истории и культуры ногайцев. Это издание является общественной инициативой нашей организации, которая направлена на активизацию интереса к историческому прошлому и традиционной культуре ногайского народа.

Сегодня историография ногаеведения продолжает активно развиваться, как в России, так и за рубежом появляются интересные труды, посвященные различным аспектам истории ногайцев. Безусловно, значимым фактором роста научного интереса к ногайской теме стала публикация в 2001 году монографии В.В. Тепавлова «История Ногайской Орды». В последнее время вышли в свет новые исследования таких признанных специалистов в ногаеведении, как Р.Х. Керейтова, Д.С. Кидирниязова, А.Х. Курмансеитовой, А.А. Ярлыкапова и др. При этом необходимо отметить, что основной вектор внимания научной общественности до недавнего времени был сконцентрирован преимущественно на вопросах развития средневекового ногайского этноса в рамках государства - Ногайская Орда. В то же время исследований, касающихся развития ногайцев в период после распада Ногайской Орды явно недостаточно. Так, до сих пор нет обобщающих трудов по истории крупных этнотерриториальных групп ногайцев: астраханских, кубанских, крымских ногайцев и др. Определенным шагом в этом направлении можно считать появление интересных фактов в работах таких авторов как М.И. Ахметзянова, Д.М. Исхакова, Ф.Л. Шарифулина и др., касающихся отдельных ногайских групп или «лиц ногайского происхождения», вошедших в состав других народов (казахов, татар и башкир), которые характеризуют судьбу ногайцев после потери ими своей государственности.

В первом выпуске нашего сборника участвуют историки и этнографы России, Казахстана и Украины. Хронологически статьи охватывают период от момента формирования ногайского общества до XX века включительно. В них затрагиваются такие актуальные аспекты исследований, как история этносоциального и духовного развития (В.В. Викторин, А.Ш. Курумбаев, А.Х. Курмансеитова, Ф.А. Кусегенова, А.В. Сызранов), хозяйственной специализации (В.В. Грибовский, М.М. Имашева, Ф.Ю. Канокова), взаимоотношения ногайцев с народами Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Средней Азии (Э.Ш. Идрисов, Ю.М. Идрисов, Д.С. Кидирниязов, У.Б. Очиров, В.Т. Тепкеев), структурами государственной власти Российской империи (И.В. Торопицын).

Надеемся, что наше издание станет систематическим и внесет определенный вклад в развитие ногаеведческих исследований в России и за рубежом. Благодарим за помощь в издании первого выпуска сборника министерство культуры Астраханской области и администрацию города Астрахани.

Благодарим за помощь в издании первого выпуска сборника министерство культуры Астраханской области, администрацию города Астрахани и администрацию МО «Приволжский район».

**Э.Ш. Идрисов, президент АООО
«Молодежный центр ногайской культуры «Эдиге»**

МУРЗЫ И ЭМЕКИ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ НОГАЙЦЕВ - ЕДИСАНЦЕВ (ДЖЕТИСАНЦЕВ) ПРИ г. АСТРАХАНИ в XVII – XIX ВЕКАХ (к эволюции их сообщества при переходе к оседлости)

В.М. Викторин

Своеобразная этносоциальная структура у ногайцев Нижнего Поволжья – глубоко традиционная, характерная для кочевников и полукочевников, близкая к словесной, прослеживаемая после их прихода в низовья р. Волги, с XVII в. – может во многом быть уточнена по архивным документам и, отчасти сохранившимся в памяти потомков этого населения, по полевым (экспедиционным) материалам. Данная статья готовилась автором долгое время, не раз перерабатывалась на протяжении очень многих лет, во взаимодействии и сотрудничестве с другими исследователями¹.

Отметим сразу же важный в теоретическом отношении тезис: по сути своей, кочевой способ производства был достаточно развит, основан на торговых связях, где товаром и монетой служил скот. Но одновременно он оказывался замкнут сам на себя, не создавая перспектив поступательного развития – ни в хозяйстве, ни в общественной, внутренне-потестарной (предполитической) жизни, включая непрочную собственную государственность. Социальная структура общества оставалась довольно ровной (т.н. “средний” слой), расслоение же имело более “генеалогический” (основанный на старшинстве рода, знатности предков) характер². И даже при полном переходе к оседлости бывшие кочевники ещё долгое время сохраняли многие старые традиции, особенности прежнего уклада, хотя и, конечно, видоизменённые, модернизированные.

Нижневолжские ногайцы (с одной стороны, карагаши бывшей Аксарайской степи в Красноярском уезде - районе, с другой – юртовцы вокруг г. Астрахани и утары - алабугатцы на границе с Калмыкией, и ещё, как переходное звено между теми и другими, – кундровцы - тулугановцы в дельте рр. Волги и Ахтубы) вообще представляют собою очень интересный и благодатный объект для изучения.

Но совершенно не исследовалась субэтническая группа, уже почти не прослеживаемая ныне, – едисанцы (джетисанцы), предки, которых присоединились к юртовцам в нач. XVII в. Огорчительно, что недавняя диссертантка – аспирант и докторант – Н.Р. Азизова в рукописях и печатных трудах допустила несколько серьёзных издержек. Наши с ней интересы в этом плане были, казалось бы, близки – но искажать нашу позицию и некритично заимствовать целые тезисы никак не следовало.

Автор попросту проигнорировала факты наличия в среде юртовцев крупной группы, едисанской / джетисанской в своих истоках, как, кстати, и ногайского происхождения и этнокультурной основы всех юртовцев вообще³. Хотя у потомков

¹ Воспользуемся возможностью выразить благодарность нашим давним и добрым коллегам.

Именно астраханец, нынешний доктор социологич. наук в г. Москве, Михаил Николаевич Афанасьев (длит. время – сотрудник Администрации Президента РФ) осенью 1987 г. предложил автору подготовить и представить, как он определил тогда, – «п о з и т и в н ы й» научн. материал (т.е. основанный на собранных фактах). А ведущий историк - ногаевед (тоже из г. Москвы), доктор историч. наук Вадим Винцерович Трепавлов (Институт истории РАН), любезно помог весной 2006 г. своими ценными замечаниями по предварительному варианту.

Текст неоднократно представлялся как доклад и много раз перерабатывался – в отдельных своих частях он был опубликован.

² Викторин В.М. Потестарно - политические и правовые отношения у кочевых народов (взаимосвязь внутренних и внешних факторов) // Философские проблемы государства и права. – Вып. 5. – Саратов, 1988.

³ Азизова Н.Р. Традиционно - обрядовая культура локальных этнических групп в современной России (на примере юртовских татар). – Автореф - т. дисс. ... докт. культурологии. – Краснодар, 2009.

едисан-джетисан ногайские истоки реконструируется заметно легче, нежели чем у остальных юртовцев, чьи предки выделились и переселились под Астрахань почти на век раньше. Одних уже столетие надёжно защищали от невзгод крепость и её гарнизон, было гарантировано их благополучие, а вторые – присоединились к первым уже при непосредственной опасности.

Напомним, что юртовцы бежали под российскую Астрахань в 1557 - 58 гг. из-за Волги и Яика (Джаека), из раздираемой тогда неурядицами Большой Ногайской Орды. Вблизи крепостных стен возникло полукочевое селение “Юрт” (весьма подробно описали эту группу на всех этапах её сложения зарубежные путешественники по Волге – дипломат из Англии Э. Дженкинсон, затем английский же моряк К. Бэрроу, фламандец Й. Стрейс, валлон К. де Бруин, наконец, академик из Германии С.Г. Гмелин и др.)¹.

И в первой пол. XVII в. число ногайцев под г. Астраханью значительно пополнили новые и многочисленные переселенцы (едисанцы - джетисанцы) – причём их этносоциальное устройство (мы убедимся в этом) было более сложным, а полукочевую жизнь они сохраняли дольше юртовцев – вплоть до первых лет XIX в.². Но это была только часть большой орды Едисан (Эдисан), или Джетисан – “куба” (“коьп”), т.е. ”множества, большого количества”, вскоре расселившейся от р. Терек до р. Дуная.

Упомянется Едисан с 1616 г. как совсем самостоятельная единица (В.В. Трепавлов) – вне общей структуры Ногайской Орды и в достаточной независимости от власти её бия. Выделилось первоначально это сильное и боевитое образование к 1503 г., и его название может означать ”семь племён”. Впрочем, здесь возможно и личное имя, полумифический эпоним вождя, жившего тогда ещё в XV в.³.

Автор статьи ранее полагал, что появление и численное увеличение едисанцев (по-мест. – “джетисанцев”) под Астраханью было связано с наступлением калмыков с востока после 1630 г. Однако, В.В. Трепавлов отметил, что это произошло ранее, после произошедшего очередного витка нестабильности, з а м я т н и в Большой Ногайской Орде в 1619 г., после смерти бия Иштерека. А с 1622 г. эту орду (“коьп”) возглавили представители Урусовых и Тимбаевых (по - астр., “Тимбаевых”), с тех пор чаще всего именуемых “едисанскими мурзами”.

Это верно, хотя под Астраханью некоторые из них получили в ведение ещё и собственно юртовские полукочевые “табуны” (“улусы”), а часть здешних “едисанских” (кроме главного – “килинчинского”) управлялись менее знатными “батырами” с титулом “агá” (Арслановыми, Ишеевыми). Мурзам на рубеже XVIII - XIX вв. подчинялись 8 из 15 -и “табунов”, т.е. будущих селений пригородных ногайцев (П.И. Небольсин). Потому здешних Урусовых и Тимбаевых можно бы обозначить как мурз “едисанско - юртовских”.

Экспансия калмыков лишь усилила процессы миграций едисанцев, размежевания подгрупп в их среде и сближения их заметной части с предшественниками - юртовцами. В окрестностях Астрахани и “на взморье” источники отмечают еди-

¹ Не очень широко известно пока и редко учитывается, что юртовцы помнили детали и оттенки своего происхождения уже много позже полного сложения собственной группы и исследований С.Г. Гмелина, П.И. Небольсина.

Так, старшина Царевской волости Исхак Мухаммедов ответил на офиц. опросный лист от 1877 г.: “Предки наш были Юрт - Ногай, из Азии пришедше ..., жизнь вели кочевную”. Оседлые изменения в прошлой жизни своих подведомственных старшина связал с именно “приездом царя Петра” (т.е. после его похода 1722 г. – В.В.) Государственный архив Астраханской области (Далее – ГААО) – Ф. 32. – Оп. 1. – Ед. хр. 382. – Л. 155-156.

Многие споры и дискуссии по поводу юртовцев данное важное заявление, сохранившееся в архиве, право же, прекращает полностью.

² Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. – Волгоград, 1973. – С. 33.

³ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 141, 444, 556-557.

санцев / джетисан в 1643 г., затем в 1683 г. и далее¹. И если в 1619 - 22 гг., похоже, почти вся орда Едисан (Эдисан, Джетисан) временно сосредоточилась в Прикаспии вблизи р. Волги, то с 40-х гг. XVII в. уже складывалась её небольшая, но вполне определённая “астраханская” часть.

В документах сер. XVII в. вновь присоединившихся ногайцев, отделяя их от “юртовских”, именовали иногда ещё и “килинчинскими” (по входившему в орду “джетисан” роду “келечу”) ². И до последнего времени в возникшем позже, основном “джетисанском”, под властью мурз Урусовых, селе Килинчи нами отмечались семьи рода “джетисан - тулга”, хотя у ногайцев вост. Ставрополя (Ачикулак, Нефтекумск) “тувылга” – это род в “кубе” “джетисан” (“тувылга, тулга” – “боевой шлем, каска”).

Остальных едисанских ногайцев, разбитых на мелкие части, калмыки или взяли в плен или вытеснили за Волгу и далеко на запад. Так, ещё одна подгруппа из ветви “тул(у)га - джетисан”, но побывавшая с 1722 г. в калмыцком плену (т.н. “кундуровцы”), перешла в ведение астраханского губернатора к 1743 - 44 гг. Другая часть её, т.н. “кондуровцы”, вместе с ногайцами - “салтанаульцами”, вышедшими из крымско-кубанского подданства, была переселена через год, по царскому указу, под Оренбург для пограничной и казачьей службы – их потомки проживают в пос. Чулпан (ж.д. станция Дубиновка) Кувандыкского р-на Оренбуржья. А оставшиеся при Астрахани составили в 1782 г. “табун” (улус) мирзы Нияза Тимбаева, несколько раз меняли место жительства и сейчас населяют с. Тулугановка (Кундрау - аул) Володарского р-на. Представители семьи Тимбаевых перебрались (после раскулачивания и репрессий) в близлежащие сёла и приграничный Казахстан – с Урусовыми в Килинчах они всегда имели тесные родственные связи.

Эти обе подгруппы, происходящие от данной (условно, “калмыцкой”, с названием, возм., от ойрат. “хөнд - хэрүлх”, т.е. “пасти овец” – Р.Г. Ахметьянов)³ части “едисан /джетисан” – и оренбургская, и астраханская (“кондуровцы” и “кундровцы”), – насчитывают по 300 - 400 чел.

В царствование Петра I (конец XVII - XVIII вв.) ногайские и, конкретно, “едисанские” мурзы приобретали за верность в службе российское княжеское достоинство (об этом ниже – документы тех давних лет, приводимые много позже для подтверждения этих прав). Не разделившиеся ещё тогда “кондуровцы /кундровцы” были захвачены во время петровского Персидского похода в 1722 г. на р. Терек конницей калмыцкого хана Аюки (И.С. Щеглов, Н.Н. Пальмов).

Основная же часть полукочевых юртовцев, по их словам в документах конца XIX в., именно “после приезда царя Петра” (И. Мухаммедов, старшина, 1877 г.) совершила в течение XVIII в. переход к оседлому земледелию, огородничеству - овощеводству⁴.

Что же касается конкретно “едисанцев - джетисанцев”, то они, напомним, совершили данный переход лишь в первые годы XIX в.⁵ После чего они сильно видоизменили и упростили своё этносоциальное устройство – сами и в ходе статистических “ревизий” (переписей населения), под влиянием властей и законов. И, сохраняя некоторые отличия в родовом составе, диалекте. В диалекте, говорах, слились с юртовцами в одну общность – с едиными традициями и праздниками.

¹ Трещавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 139-442.

² Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. – М., 1949. – С. 53.

³ Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (Фонетика и лексика). – М., 1978.

⁴ История Астраханского края. Астрахань, 2000. – С. 214-218, 467, 470, 471.

⁵ Васькин Н.М. Указ. соч. – С. 32-33.

Потому-то в сер. XVIII в. было известно 7 юртовских сел, а в самом конце века – уже 15¹ – как и 15 улусов, или *табунов*², на которые делились юртовцы и едисанцы (джетисанцы) в их кочевой жизни. Получалось, что представители одного и того же рода могли оказаться и оказывались в разных табунах. Можно наверняка утверждать, что в основу каждого села лег соответствующий перешедший к оседлости табун. Помимо этого, в полевой работе было зафиксировано 25 аулов, или *махалля*, на которые делились села.

Социальная стратификация кочевых ногайцев, в том числе и ранних едисанцев (джетисанцев), отражала особенности их жизни – при явном преобладании периодов войн и столкновений над мирными передышками. Происхождение и личные заслуги членов отдельных семей в таких условиях устанавливали их правовой статус, передающийся по наследству, что вело к образованию социальных групп, по типу сословий, с разными функциями в общественной среде.

Эти сословия лишь в дальнейшем, с переходом к оседлости и земледелию, у едисанцев - джетисанцев обнаруживали тенденцию к переоформлению в классы феодального типа и пополнению крепостнической аристократии, рядов помещиков-дворян Российской империи. Но эта возможность, как будет показано ниже, так и не реализовалась. Также и новое расслоение в конце XIX - начале XX вв., по буржуазному, капиталистическому образцу, не получило завершения.

Говоря о внутренней дифференциации в тюркских кочевых сообществах, В.В. Бартольд отмечал: “Насколько нам известно, военное устройство всегда благоприятствует развитию и сохранению аристократических привилегий..., представление о “чёрной” и “белой” кости ещё яснее показывает, с какой резкостью идея наследственной аристократии иногда выражалась у тюрков”³. Как раз именно такого рода деление имело место у юртовских ногайцев, и соответствующая терминология была им хорошо известна.

У оседавших на рубеже XVIII - XIX вв. едисанцев, джетисан выделялись *три основных сословия*:

- предводители табунов – во-первых, потомки родоначальника знати Ногайской Орды бия (эмира) Едигея из разных ветвей его родства, князя-мурзы (*мырзалар*), или “белая кость” (*ак-сияк*); во-вторых, примыкавшие к ним менее знатные, но тоже возглавлявшие табуны лучшие воины - батыры и их потомки, иначе “господа” (*агалар*);
- основная масса – средний слой ногайцев, или “чёрный народ”, “чёрная кость” (*кара-халык, кара-сияк*);
- наконец, неполноправные и зависимые, чаще всего имевшие ещё и особенности этнического происхождения – так называемые *эмеки*.

Господствовавший среди юртовских и едисанских (джетисанских) ногайцев слой мурз - Едигеевичей (Эдигеевичей) формировался в несколько этапов. Имеются некоторые основания, чтобы усмотреть сохранение в их среде “оногаенных” (по родному языку и через браки) потомков правителей - ханов Астраханского ханства – особенно, Ямгурчегя. Приводились также сведения⁴, что в 1555 - 56 гг. на Нижней Волге нашли убежище мурзы - изгои, дети и внуки правившего в Ногайской орде бия Юсуфа, которого сменил сторонник российской ориентации и союзник царя

¹ Васькин Н.М. Указ. соч – С. 32-33..

² Очевидно, что от монг. *тумэн*, в перс. произн. *туман* (войсковая единица).

³ Бартольд В.В. [Рец.] Л. Коэн Введение в историю Азии. // Соч. – Т.V. – М., 1968. – С. 343.

⁴ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.; Л., 1948. – С. 144 и прил. таб.

Ивана IV бий Исмаил. Но наличие впоследствии их потомков в юртовско - джети-санской среде можно лишь предполагать.

Но уже к сер. XVII в. с едисанской волной миграции в состав юртовцев влились и потомки самого бия Исмаила, заняв среди этих ногайцев под Астраханью абсолютно ведущее положение¹. Они, что знаменательно, уже тогда обладали некоторым подобием фамилий, что в те времена не было очень характерно: Урусовы и Тинбаевы, или позже Тимбаевы (по-ногайски, как патронимии, – Урус - улы и Тинбай - улы). Русские источники же неизменно награждали их титулом “князя”, и с конца XVII в. постоянно вставал вопрос о соответствии такого обозначения российскому дворянскому званию.

В ходе одной из краеведческих дискуссий В.В. Трепавлов предложил более строго и документально увязывать генеалогии тех Едигеевичей, что стали православными дворянами России и тех, кто остался под Астраханью в крестьянском и казацком сословии². Согласиться вполне можно, хотя не всегда эта “стадия перехода” оставалась официально фиксированной и чаще передавалась в поколениях устной традицией.

Автор же единственной по сей день монографии по всем народам Нижневолжского края П.И. Небольсин в сер. XIX в. совершенно справедливо обратил внимание на то, что у ногайских князей - мурз Урусовых “было потомство, которого отрасли частью перешли в христианство и вполне усыновились России в соответственном происхождении и благородном достоинстве, частью же остаются донныне юртовцами”³. То же самое он отмечал относительно других обрусевших знатных ногайских фамилий, родственных Урусовым, – известных князей Юсуповых, Шейдяковых и др. Они, правда, происходили из других ногайских местностей (от Яика до Крыма) и жили в столицах.

Но, по занятному совпадению, князя Юсуповы в XVIII - XIX вв. имели владельческие рыболовные участки по побережью Каспия в Астраханской губернии, т.е. совсем вблизи от своих прежних сородичей-юртовцев и рядом с кочевьями других ногайцев – так называемых карагашей (бывших в составе Малой ногайской орды и переселившихся в Нижневолжье позже – в конце XVIII в.).

Любопытно, что в астраханских местностях, судя по архивным документам, одни члены знатной семьи могли становиться христианами, а другие оставаться мусульманами. К примеру, именно об этом свидетельствовал конфликт в 1818 - 19 гг. из-за зависимых эмеков между капитаном князем Козьмой Урусовым и его невесткой Фатьмой Мусеевой⁴.

Имелась определённая генеалогическая связь этих астраханских жителей с известным в сер. XVII в. родом ногайцев в главе с князем Петром Урусовым (Янарслановым, Джанарслановым), убившим под Калугой самозванца Лжедмитрия II и убитым затем в Крыму. Род астраханских Урусовых (обозначим их как “Аксатиевых”) ведут свое происхождение тоже от сына бия Исмаила, Уруса, бывшего в конце 70 - начале 90-х гг. XVI в. бием Большой Ногайской Орды, и сына последнего Ак - Сати (Саты).

Род Тинбаевых (Тимбаевых) произошел от другого сына Исмаила – Тинбая, временно изменявшего в 1558 г. отцу и уведшего к Крыму, вместе с братом Кулбаем-Кутлыбаем, почти все сильное поколение “найман” (представленное затем у

¹ Новосельский А.А. Борьба Московского гос-ва с татарами в первой половине XVII века. – М.; Л., 1948. – С. 144

² См. подробнее: Викторин В.М. Комментарии ученых// Идель. Астрахань, 1998. 19 июня. №25 (313).

³ Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. – СПб, 1852. – С. 54-55.

⁴ ГААО. – Ф. 13. – Оп. 22. – Ед. хр. 297.

юртовцев раннего, полукочевого периода и особенно – у карагашей). Впоследствии и Малая Ногайская Орда Казы-мирзы (“Казыев улус” русских летописей, предки карагашей) отделилась, ушла на Кубань в подданство крымского хана – в свою очередь, вассала турецкого султана, бывших неизменно враждебными Российскому государству.

Восемь юртовских табунов в конце XVIII в. возглавлялись мурзами Урусовыми и Тинбаевыми - Тимбаевыми. При этом, судя по архивным данным и полевым исследованиям, главным улусом Урусовых были Килинчи, а Тинбаевых – Тулугановка; здесь или в соседних сёлах и сейчас живут их потомки, во многом забывшие свою историю и родословную. Некоторые из них волею судеб своих семей расселились вдоль Каспия: часть Урусовых в революционные годы в Красноводске (совр. Туркменбаши), а часть Тимбаевых в послевоенное время – в Гурьеве (совр. Атырау). Но браки между Урусовыми и Тимбаевыми заключались в прошлом достаточно часто, о чем рассказывают сами современные представители этих фамилий. Это, очевидно, объясняется тем, что их кланово-сословное положение (*аксияк*) в ногайском обществе совпадало.

Другие семь табунов у юртовцев возглавлялись *агами* (*агаларами*). Осталось известным имя лишь одного из них, сохранившись в названии населённого пункта. Это батыр Семек Арсланов, основатель Семиковки, о котором помнят уже лишь единицы самых старых жителей этого села.

Архивные документы 70 - 80-х гг. XVIII в. называют еще колоритную фигуру – капитана муллу Абдуллу Джангуршина, верой и правдой служившего царским властям. После откочёвки большей части калмыков в 1771 г. обратно в Китай, он стал табунным головой нового улуса, сборного из “отставших от побега” тюркских кочевых групп, ныне ногайцев - утаров (в нынешнем Каспийском районе Калмыкии). Затем стал он специальным попечителем, ведавшим всеми ногайцами - юртовцами, а позже (после нового переселения кочевников в Астраханский край, из Пятигорья и калмыцких степей) – и над ногайцами - карагашами¹.

Можно предполагать историческую связь этой фамилии с противником России – предпоследним недолговременным правителем Астраханского ханства Ямгурчеем. В пользу обоснованности такой попытки выступают воспоминания о родственных связях с ханом в семье современных представителей данной фамилии – Жингуржиных, а также в прежних веках длительная необходимость “выслуживаться” перед царскими властями, получив лишь право занимать должности унтер-офицеров и офицеров в казачьих войсках.

Возвращаясь к социальной структуре юртовцев в течение XVIII в., можно констатировать, что основную в то время общественную единицу – “улус”, или “*табун*” составляли: отдельная семья мурз или агаларов; оседавшая территориально-кочевая группа ногайцев (из нескольких прежних родов); примыкающая к ним зависимая группа эмеков.

Эмеками называлось одно из крупных древнетюркских племен – есть отдельные данные об их проникновении в Среднее Поволжье еще до XII в.² Однако, есть ли между ними и эмеками (иначе емеками, джемеками, ямеками, у С.Г. Гмелина – ямиаками, часто – эмешными татарами) у юртовцев прямая или косвенная связь

¹ Рахимов С.Т. Ислам на службе царизму // Коммунист Приволжья. – 1984. – 15 марта. Ср. досрочное присвоение старшего офицерского чина в резерве казачьих войск сыну Абдуллы Рахмангулу в 1795 г. ГААО. – Ф. 476. – Оп. 3. – Ед. хр. 609.

² Ахметьянов Р.Г. Указ. соч. – С. 239-240.

или же здесь, что гораздо возможнее, простое совпадение, смогут ответить только дальнейшие специальные исследования.

Эм, ем, джем по-тюркски означает “еда, корм, фураж”. Судить о роде занятий и первоначальном статусе эмеков в юртовских улусах мы можем только приблизительно – по более поздним данным конца XVIII - начала XIX в. и по аналогии с внутренней структурой общества у других кочевых и полукочевых народов.

Очевидно, что в этом случае проявляется распространенная, в т.ч. и в кочевой среде, форма “даннической” зависимости (А.М. Хазанов, А.И. Першиц и др.), причем как внешняя, так и внутренняя – направленная на завоеванные народы и на неполноправные группы, примыкавшие к кочевникам (т.е., в обоих случаях, – на оседлое, чужеродное или этнически смешанное население).

Справедливо и точно указывал П.И. Небольсин: “Эмешные люди были именно то, что у киргизов дальней степи называется “тюленгю”, а у калмыков – “кетчинер””¹. Действительно, и казахские тюленгуты (проявляются как род - *ру* и в разных частях Астраханской области), и калмыцкие кетчинеры – это были группы зависимых, неполноправных жителей, полуслуг - полудружинников, а особенно часто – чужеземцы - пленные и их потомки.

Сходная этносоциальная группа существовала в XVI в. и в Ногайской Орде. Это были так называемые *тумаки* – оседлые земледельцы, наследственно подвластные бию, жившие, кстати, и сеявшие просо именно в Волжской дельте – по реке Бузану; именно из-за них, бежавших под Астрахань, вышел конфликт у царя Ивана Грозного с бием Исмаилом². Слово *тума* (*тумат*, *тумак*), вошедшее и в русские казацкие диалекты, означает “сын чужеродки, пленницы, нвольницы; нечистокровный и неполноправный”³.

Говорить об этническом происхождении эмеков можно с еще большей определенностью. Они формировались на юртовской и даже шире – ногайской и тюркской основе, но с большими добавлениями иноэтнических элементов, т.е. имели в своем происхождении смешанные корни.

По собственному объяснению эмеков об истоках своей группы, данному в конце XVIII в. С.Г. Гмелину, они суть “по большей части беглецы из ясашных татар”⁴, т.е. те же юртовцы, но утратившие своё обычное положение – очевидно, разорившиеся и лишившиеся скота, что всегда влекло снижение социального положения.

Отмечены среди эмеков и другие ногайцы – не юртовцы и не здешние джетисанцы, а переселившиеся из иных местностей. Обратившись в 1783 г. в Астраханский земский суд, некий Хадирберды Мугаев указал, что “прадед его был закубанский татарин..., дед же его за двоюродным братом своим... вышед в Россию, ... его род... поныне находится в ведении ... князя Урусова под именем емешных татар”⁵.

Некоторые данные позволяют усмотреть в э м е к а х ~ я м а к а х явление, более широко распространенное у многих тюркских кочевников в процессе их оседания на землю. Автор статьи выражает глубокую признательность С.Ф. Орешковой, научному сотруднику Института востоковедения РАН, за очень интересное устное сообщение.

¹ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 64.

² Продолжение древней российской вивлиофики. – Изд. Новиков Н.И. – Т. X. – СПб., 1795. – С. 153-160, 190-196.

³ Фасмер С. Этимологический словарь русского языка. – Т. IV. – М., 1973. – С. 119. Ср. также у ногайцев Крыма в XVII в.: если изредка рождаются дети от невольниц, “то таких называют “туман“, и их можно продать, когда захотят, потому что они не считаются детьми” См. Д’Асколи - Описание Черного моря и Татарии. – Одесса, 1902. – С. 114.

⁴ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. – Ч. II. –СПб., 1777. –С. 171-173.

⁵ ГААО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Ед. хр. 194. – Л. 1.

Содержание его в том, что у балканских турокс - юрюков в XVI- XVII вв. предстатели одного социального слоя – *ямаки* – могли откупаться овцами от мобилизации в войско для походов, из-за чего они и их потомки резко проигрывали в общественном уважении и статусе¹.

Астраханские эмеки постоянно занимались земледелием, снабжая кочевников продовольствием, и жили они оседло, составляя постоянное население на *кстау* – зимних становищах теперь уже полукочевой группы.

Более того, имеются основания полагать, что целый ряд юртовских сёл были первоначально основаны и заселены именно эмеками (свидетельства тому можно обнаружить в особенностях топонимии).

Представлены были в числе астраханских эмеков также и потомки попадавших в плен после разного рода столкновений (а, может, и освобожденных или выкупленных у оставшихся в степях кочевников) крымских и казанских татар².

Но особенно интересно (и, очевидно, было более распространенным) наличие в составе эмеков весьма многочисленных потомков военнопленных из различных народов Кавказа, в первую очередь Северного (где сражались предки ногайцев и вела боевые действия Россия). Табунный ага Абдикерим Ишеев уже в 1815 - 17 гг. сообщал, что эмеки – “от колена людей разного рода, приобретенные в давние времена, когда еще предки наши не были во всероссийском подданстве, и по междоусобным браням из разных наций взятые в плен, как-то: лязгиры (т.е. лезгины. – В.В.), чеченцы и тому подобные...”³. При этом крайне интересно упоминание в архивной описи не сохранившегося, к сожалению, документа 40-х гг. XIX в. о горских татарах села Трёх Протоков “⁴.

И действительно, при полевой работе 1983 г. удалось установить, что в этом селе и сейчас проживают отдельные семьи рода *таулы* (“горцы”), даже несколько отличающиеся от окружающих юртовцев внешне, по антропологическому облику. По словам одного из них, информатора - ветерана Хасана Сулейманова, его “предки когда-то с гор приехали” и могли быть этнически связаны с чеченцами. А немногим позже, в 1985 г., стало известно, что в соседнем селе Кулаковка проживает целая родовая группа *джари*, по преданию, имеющая “черкесское” (т.е., видимо, лубое адыгское) происхождение.

Численность эмеков в юртовско - едисанских улусах при Астрахани была достаточно велика. С.Г. Гмелин отмечал, что в сер. XVIII в. их было 330 семей “ямиков” против 1473 семей остальных юртовцев⁵. Перепись же 1782 г. (IV ревизия) определила число эмеков 579 чел. и остальных 5359 чел.⁶. Таким образом, эмеки составляли в тот период 9 - 13% населения, хотя их количество уже не пополнялось извне, а начинало уменьшаться.

Дело еще в том, что, став российскими подданными, предводители табунов – мурзы и аги вносили за эмеков государству подушную подать. На рубеже XVIII - XIX вв. они попытались, действуя по образцу дворян в России, превратить эмеков в своих крепостных. Именно поэтому С.Г. Гмелин, с одной стороны, называл эмеков

¹ Ср. замечательное выступление уважаемой Светланы Филипповны Орешковой на XVII - ой научной конференции “Славяне и кочевой мир” цикла “Славяне и их соседи” памяти проф. В.Д. Королюка, в г. Москве, Институте славяноведения РАН 25 - 27 мая 1999 г., где участвовал и автор статьи. Этот важный фрагмент о “ямáках”, по имеющимся данным, в нашей стране не публиковался.

² География и культура этнографических групп татар в СССР. – М., 1983. – С. 50, 62.

³ ГААО. – Ф.13. – Оп. – 20. – Ед. хр. 338. – Л. 1.

⁴ ГААО. – Ф.13. – Оп. 1. – Ед. хр.1311.

⁵ Гмелин С.Г. Указ. соч. – С. 172, 173.

⁶ ГААО. – Ф. 304. – Оп. 1. – Ед. хр. 5521. – Л. 35-87, 228-229.

(“ямиаков“) “подданными рабами мурз“, а с другой, – отмечал, что эмеки не согласны с этим, “утверждают, что их несправедливо (за) мурзами почитают, ... желают быть независимыми, и для того, как российские подданные, России поголовную подать платить обязуются”¹ Позже П.И. Кёппен в 1835 г. безоговорочно утверждал, будто “емешные татары (die Jemesch Tataren) “ – это “такие, которые должны приносить помещикам мурзам Урусовым, Тимбаевым и другим определенный доход”².

На самом же деле, с окончательным переходом юртовцев к оседлости, в первой половине XIX в. остаточное влияние среди них прежней аристократии начало неуклонно падать. Правительство неоднократно давало им разъяснение, что эмеки не являются крепостными, а принадлежат, как и все юртовские татаро - ногайцы, к разряду свободных государственных крестьян, т.е. “к казенному ведомству, а не владельческому”, являются “свободными от рабства” и могут приписываться, “в какой табун пожелают”³.

В 1811 г. VI перепись - ревизия фактически закрепила данный независимый статус за бывшими эмеками, а в 1833 - 35 гг. VII ревизия включила в разряд государственных крестьян и самих потомков мурз (если они не приняли ранее христианства), уравнивая их тем самым с юртовцами в правах и обязанностях.

Потомки эмеков, очевидно, старались не вспоминать о своём особом происхождении, и в настоящее время сам этот термин *эмек* забыт, и в полевой экспедиционной работе он нам не встречался.

Зафиксировать его бытование в прошлом возможно лишь по косвенным данным, в частности, по топонимии. Упомянутое село Три Протока называется по-ногайски созвучно – Джемене, Джемели, Ямели-аул. Наличие здесь потомков “горских татар“ (*таулы*), совсем недавно ясно осознававших свою такую “родовую“ специфику, свидетельствует также в пользу происхождения названия села от слов *ем*, *емек* (как и рассматриваемой их этимологии).

Название расположенной рядом Кулаковки можно попытаться произвести от *кул* (раб), а находящегося по соседству с Семиковкой села Ярлы Тюбе (русс. Осыпной Бугор) – от *ярлы* (“бедный, бедняк). Выскажем предположение, что здесь (вблизи будущих “престижных”, едисанских, джетисанских сел) жили эмеки и проживают сейчас их потомки (в родах таулы, джари и др.), давно утратившие память о своей связи с “емешной” группой населения.

Сходная, но все же принципиально иная по сути картина – с потомками князей-мурз. Они со временем могли тоже забывать о своей былой знатности (тем более, что разорялись и беднели чуть ли не быстрее других), но за остаточные воспоминания держались прочно, в разной смутной форме сохранили их пережитки. А в дореволюционные времена порой пытались даже доказывать свои особые права на самом высоком уровне. И некоторые льготы, а также право несения особой службы, действительно, получили.

В 1816 - 17 гг. табунный голова Абдикерим Ишеев просил вернуть в его владение 49 эмеков: “... табунные головы имеют происхождение от колена природных мурз, и ежели награждались табунами, то не иначе как за особенно оказанные заслуги при прошедших в давние времена походах с российскими войсками, ... а эмеки под власть нашей проходят наследственно из рода в род, коими мы пользова-

¹ Гмелин С.Г. Указ. соч. – С. 171-172.

² Коерпен Р. (Кёппен П.И.). Die Tataren in Astrakhan // St. Petersburgischen Zeitung. – 1835. – № 72. – С. 514.

³ ГААО. – Ф. 13. – Оп. 21. – Ед. хр. 95. – Л. 1-2; Ф. 13. – Оп. 22. – Ед. хр. 297. – Л. 2 об; Ф. 16. – Оп. 20. – Ед. хр. 338. – Л. 2.

лись и пользуемся на многие веки на точных правах, как бы и российское дворянство своими крестьянами”¹.

А мирза Нияз Бекеев сын Тимбаев в 1817 - 32 гг. жаловался на своего эмека Шабана Смаилова, который ушел в город и записался в торговое общество татар Агрыжанского (индийского, т.е. мултанского и мадрасского из Индии, по месту происхождения этих купцов) двора. Причем оба предводителя упирали на то, что вплоть до 1815 - 25 гг. (сроки VII ревизии) они внесли за эмеков все платежи. В данном случае одно только ходатайство мирзы Тимбаева было удовлетворено².

Поскольку эмеку стало разрешено менять табун, но не “общество”, т.е. крестьянское сословие на купеческое.

В архивном фонде № 13 “Астраханское губернское правление” хранится исключительно любопытный документ – “Сведения о зачислении Урусовых в княжеское достоинство” за 1840 г. В нем приводится (в изложении) другой, гораздо более ранний источник: грамотой от 1 апреля 7199 г. (1690 г.) цари Иван и Петр Алексеевичи предоставили “Едисанскому Казы мурзе князь Алиеву сыну Урусову” княжеское звание³.

И вновь произведенный российский князь, и его отец довольно хорошо известны. В 1682 г. юртовские ногайские татары, кочевавшие “с мурзой Алеем Сатеевым сыном Урусовым” на “Царевой протоке” вблизи Астрахани, подверглись нападению со стороны донских казаков – полон превысил 500 чел⁴.

Отец “мурзы Алея”, Ак - Саты, действительно был одним из сыновей бия Уруса. Сын же Алея (Али), упомянутый в грамоте двух молодых государей, Казы - мирза (князь Касай Урусов), преданно проявил себя по полномочию, данному астраханским воеводой, во главе всех юртовцев и передал эти функции князю Каспулату Урусову, занявшему крайне непоследовательную позицию в Астраханском городском восстании 1705 - 06 гг.⁵

Вернемся к тексту документа из астраханского архива (в нашей его недавней публикации⁶ и связанным с ним событиям (особые лексика, стилистика и орфография сохранены. – В.В.).

Потомок Казы ~ Касая в пятом колене, Мусал - бек Урусов из с. Килинчи, был по VII ревизии поверстан в государственные крестьяне, с чем долгие годы никак не мог примириться. В своем прошении императору Николаю I от 1840 г. он сослался на документ ещё более ранний (и, насколько известно, не сохранившийся даже в копии – царскую грамоту от в 7199 г., т.е. от 1693 г. Р.Х.). По его словам: “...в царствование их Величеств царей Иоанна Алексеевича и Петр Алексеевича в 7199 году велено писаться Казы Мурза князь Алиеву Урусову князем и выдана ему грамота, в которой сказано служить ему с братьями, детьми и племянниками ...”.

Сославшись на Казы - мурзу, бек Мусал, “как состоящий ему по роду ближайшим”, “с приложением с грамоты копии и о происхождении рода за подписом чиновников свидетельства”, излагал собственные проблемы в связи “с лишением природного звания” его и близких родственников тоже из сельской мусульманской аристократии.

¹ ГААО. – Ф. 13. – Оп. 20. – Ед. хр. 338. – Л. 2.

² ГААО. – Ф. 13. – Оп. 21. – Ед. хр. 95.

³ ГААО. – Ф. 13. – Оп. 37. – Ед. хр. 39. – Л. 4; *Викторин В.М.* «Как должны мурзы князья по правилам российским называться». Прошение императору Николаю I «О зачислении Урусовых на княжеское достоинство». 1840 г. (XIX) // Астраханский край в истории России XVI-XXI вв. Сборник документов и материалов. Астрахань, 2007. С. 103-104.

⁴ Дополнения к Актам историческим, собранным Археографической комиссией. – Т. VII. – СПб, 1850. – С. 267-271.

⁵ *Голикова Н.Б.* Астраханское восстание 1705-1706 гг. – М., 1985. – С. 220-221, 233, 291.

⁶ *Викторин В.М.* Указ. соч. – С. 103-104.

Бывший глава Килинчей писал: "... С давних времен, когда еще магометанский народ, обитающий в пределах Астраханских, непришедший Российскому престолу в верноподданство [был], тогда препрадет мой Исмаил Мурза князь Урусов был над тем народом повелительным владетелем, и напоследок потомство этого народа по склонности ближайших моих родственников пришедшия в подданство, тогда мурзы и князья имели наименования род Российских дворян, которые в природе своей и по ныне именования своего непеременили. Но в 1835 году при открытии переписи для изчисления народа... Астраханская Казенная палата, не уважив то имеющегося звание мое, превышающее от прочего сословия, подворили меня в число государственных крестьян, с положением на меня платеж казенных податей и всех касающихся повинностей ...".

Потому он и "... просил [бы] от причисления к государственным крестьянам и [из уважения к] преклонным годам [от] платежа податей и повинностей освободить; детей же моих, значущихся в свидетельствах по молодым летам, определить на службу в Астраханское Казачье войско, с нелишением природного звания, как должны мурзы и князья по правилам Российским именоваться"¹.

Получил ли сам лично Мусал-бек искомое – едва ли, хотя приведенный архивный документ продолжения не имеет. Но отчасти восстановить "связь времен" удалось в проведенных с сер. 80-х гг. XX в. полевых исследованиях, при встречах с людьми, хранящими память – пусть не совсем полную и отчасти фрагментарную – о древних событиях, прошлом своего рода.

Так, старший праправнук Мусал - бека, Гумар (- бек) Исхакович Исхаков (Урусов), проживавший в г. Красноводске Туркменской ССР (ныне г. Турменбаши Республики Туркменистан) и приезжавший в 1983 г. в с. Килинчи, рассказал автору этих строк предание о том, как его прапрадеду пришлось самому ехать к царю, и об этом в селе была даже сложена песня (теперь, судя по всему, забытая). Но предок Мусал, якобы, добился своего и, кроме ногайского мирзы, стал ещё и российским князем. Хотя это звание в любом случае потомкам не перешло, а все мужчины в роду далее служили в казачьих войсках (на приписной основе, без включения в сословие казачества). Это освобождало от податей и давало надёжный доход в виде денежного довольствия.

Белоказачьим офицером оказался в революционные годы и отец информатора, Исхак, сын Ильяса Урусова. Поэтому семье пришлось скрываться, переменить фамилию и место жительства. Сохранился в Килинчах, кстати, и "дом Урусовых" – обычной планировки, но каменный (очевидно, один из первых таких на селе). А сам Г.И. Исхаков помнил и мог назвать, как издавна было положено, семь поколений своих предков (где был представлен, конечно, и "Мусаль - мирза", ездивший к царю). Остальные шестнадцать поколений удалось восстановить по астраханским архивным материалам, сведениям П.И. Небольсина, публикациям исторических материалов А.А.Новосельского и текстам ногайского фольклора В.М. Жирмунского.

В казаках служил и троюродный дед Г.И. Исхакова - Урусова, главный в Тулугановке мирза Батыр Тимбаев. А вот сын его Бакгагали оказался одним из беднейших среди тулугановких ногайцев - кундровцев и был вынужден (после ареста, следствия и ссылки – очевидно-таки, за казачье происхождение) переехать в соседнее село Тумак. По словам сестры Бакгагали Тажихан Акбулатовой (с. Килинчи) и

¹ ГААО. – Ф.13. – Оп. 37. – Ед. хр. 39. Л. 2, 3 и об; Викторин В.М. Указ. соч. – С. 103-104.

сына Бикбулата Тимбаева (с. Тумак), семья помнила лишь о принадлежности своей к слову *ак-сияк* (“белой кости”) и роду - *ру* мирза (чем Тажихан - ханум, впрочем, заметно гордилась – записи 1983 г.).

Казакон был и отец ветерана Великой Отечественной войны Туктамышша Каримовича Жингуржина, жившего в пос. Мошаик (записи 1987 г.). Карим - ага Жингуржин, урядник, нес в Первую Мировую войну службу в Средней Азии, отличался нравом беспокойным и боевым. Старшие родственники рассказывали им с сыном, что в семье “предки дворянами были”, а дед однажды сказал Туктамышшу: “Ямгурчев мост (топоним, сохранившийся в Астрахани на реке Кутум, к бывшей слободе Ямгурчевево / Огурчевево. – В.В.) по нашему имени назван”. Поэтому очень вероятно родство данной семьи с упоминавшимся Абдуллою Джангуршиным (фамилию могли переименовать военные писари) и не исключена всё же её связь с упоминавшимся ханом¹.

В том же пос. Мошаик проживает давно переехавшая из Кишинёва семья Исбулата Акмирзаевича Урусова, двоюродного брата Гумар-бека Исхакова из Красноводска (сохранившая свою исконную фамилию).

Кстати, на кладбище пос. Мошаик (название с арабского можно перевести как “могила шейха, святого”) расположена перенесенная сюда тайно с берега р. Болды в 30-е годы, для спасения от разрушения в зоне строившейся судовой верфи, могила известного по всему тюрко-кипчакскому миру волшебника и наставника-дервиша Баба Туклеса (Тукли - баба) Шашлы-аже – “мохнатого деда Туклеса”².

Во всяком случае, при нашей общей беседе в пос. Мошаик 20 мая 1987 г. И.А. Урусов и Т.К. Жингуржин впервые узнали от автора статьи о древнем родстве между собой, как и о своём вероятном соотношении с легендарным Баба Туклесом ~ Тукли - баба, чья могила была хорошо известна им на кладбище за поселком.

Этим нынешним “Едигеевичам” он мог быть предком в 21 - 22 -м колене. Знаменитый ногайский эпос о “Сорока батырах” числит его одним из главных героев и прапрадедом или прадедом родоначальника династии Ногайской Орды эмира Едигея (события степной истории в самом конце XIV в.).

Заметим, что жить Тукли ~ Туклес мог ещё в домонгольское время, и иногда его имя связывают с событиями перехода кочевников от шаманизма к исламу. Даже почитаемый доселе мусульманами, он, по некоторым эпическим версиям, был в молодости шаманом (весьма брутального облика, запечатлённого в имени и прозвище), а женился он на ведьме - *албасты*. И его “святая могила” – *ауля*, втайне

¹Вероятно, родне капитана Абдуллы Ямгурчевево - Джангуршина удалось все же выслужить себе дворянство России, подтверждённое Екатериной II после присоединения Крыма для всей мусульманской аристократии России. Во всяком случае (и сохранились предания), от татар - дворян Астраханской губернии на Всероссийское дворянское собрание после 1785 г. ездил делегатом мирза Абыз Ямгурчев, иначе Ямгурчиев. См. *Копылова Э.В.* Живое народное слово. История названий сёл астраханских сёл в рассказах старожилов. – Астрахань, 1997. – С. 6; *Листая памяти страницы* (К 25-летию образования Приволжского района. – Астрахань, 2005. – С. 430.

Согласно устным преданиям, записанным автором статьи, Абыз-мирза жил на Мошаике, как и ногайцы эдисанской группы “келеч”. Но по возвращении из столицы мирза Абыз был вскоре убит именно при своей попытке “крепостить” келечинцев и юртовцев – и не только эмеков. Опасаясь санкций со стороны властей, участники конфликта перебрались через реку – там, по преданию, в нач. ноября 1787 г. [Листая ... , 2005. – С. 430] или же двумя - тремя годами позже как совсем оседлое [Васькин Н.М. Указ. соч. – Волгоград, 1973. – С. 33] и возникло селение Кишинёв (Иличинское)

²Данному любопытнейшему персонажу – Туклесу и связанным с ним этнокультурным, религиозным и фольклорным аспектам посвящены специальные монографические исследования известных ученых: Девина Де Виза (США), *А.И.-М. Сикалиева, В.М. Жирмунского*. О культуре Туклеса (Тукляса) ~ Тукли в связи с Астраханским краем см. работу автора [Викторин В.М. Тукли-баба Шашлы-аджи – святое место астраханских мусульман // Этнографическое обозрение. - 2003. - №2], а с тюркским миром вообще – профессора из г. Анкары Исенбике Тоган (Валиди) И. (А-3) [Тоган (Валиди) И. (А-3) Вездесущий святой из степи: Торе Баба Тукляс // Панорама Евразии. Журнал Института гуманитарных исследований АН РБ – №1. – 2008]. Она же очень тонко определила этот образ как “символ преемственности верований” [Тоган (Валиди) И. (А-3). Указ. соч. 2008. – С. 44, 47].

перенесённая в нач. 30-х гг. XX в. на кладбище пос. Мошаик (бугор “Ауля - тюбе”), вместе с другими здесь же, воспринимается населением именно как место мусульманского культа; таковых под Астраханью насчитывается свыше тридцати¹. Так или иначе, род российских князей Юсуповых считал Баба Туклеса одним в числе своих предков².

Племянницей Гумар - бека Исхакова, родившейся в Килинчах, была скончавшаяся в сер. ноября 2011 г. Зульхабира Фаридовна Ишбирдиева, пенсионерка, долгое время работавшая учительницей и директором школы в близлежащем с. Бирюковка, увлеченный краевед и самодеятельная поэтесса, публиковавшая свои стихи (а также семейные воспоминания) на татарском языке и местном диалекте. Мать ее, Ажир Исхаковна была родной сестрой Гумар - бека, и, без мужчин в роду, на них с дочерью в Килинчах перешло прозвище *Урусов кызлары* (“урусовские девушки, дочери”).

Современные потомки ногайских князей-мурз под Астраханью и очень живо интересуются историей своего народа, сообщив нам любопытные и редкостные сведения. Но память о происхождении своего рода у них достаточно размыта и существует в отрывках. Хотя, как убежден автор статьи, исключительно удачно, что до наших дней уцелел в семейных преданиях хотя бы этот важный пласт информации. В целом, Урусовы лучше сохранили эту традиционную память, Тимбаевы – в меньшей мере, Жингуржины – совсем в малой степени. Причины тому различны и связаны с историей жизни каждой конкретной фамилии, её предшествовавших поколений.

Сходным образом с проблемой мурз, хотя и несколько иначе, обстоит дело с изучением сюжета об эмеках. Сейчас, видимо, уже не удастся найти их потомков, помнящих и осознающих связь с предками - эмеками. Но даже в этом случае требуется внимательное рассмотрение всех косвенных данных, а также сличение их с аналогичными фактами в истории и культуре других народов – в первую очередь, поныне кочевых в дальнем зарубежье или бывших кочевников евразийских и иных степей.

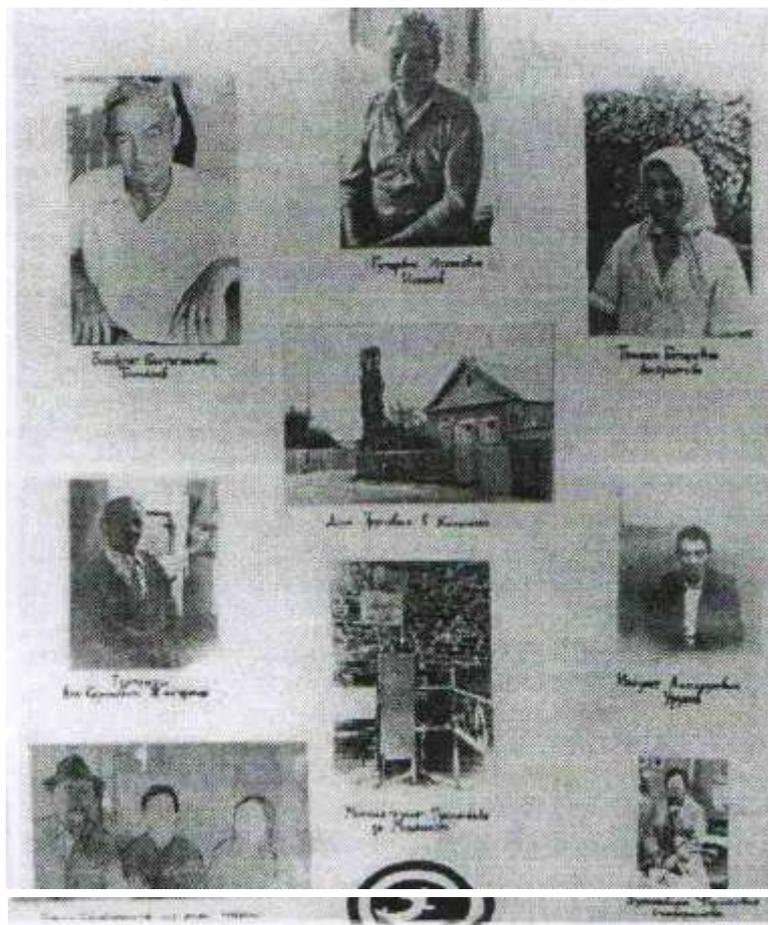
Однако, связь этих двух историко-социальных состояний, мурз и эмеков, налицо: перед нами два элемента одной и той же общественной системы, исчезнувшей более чем 150 лет назад. Эти группы населения существовали и функционировали в рамках единой системы и быстро распадались и трансформировались, исчезали как самостоятельные явления. Дошли они до современности лишь в письменной фиксации, а также отчасти в устной традиции, в отдельных частных воспоминаниях тех, кто был связан с этими образованиями в силу особенностей прежней истории.

Иллюстрация: (Из собственных полевых экспедиц. сборов. Фото автора статьи).

¹ Об этом малоизвестном, самостоятельном и увлекательном, сюжете (*ауля* – святые могилы у мусульман и *мужавиры* – их охранители) см. также [Викторин В.М. Культ святых мест – ауля у астраханских ногайских (юртовских) татар в окрестностях Астрахани: имена мусульманских святых и названия их почитаемых захоронений // Ономастика Поволжья. – Материал IX М/н конференции. – М., 2004. - С. 203-215; Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханской области // Традиции живая нить. Сборник материалов по этнографии Астраханского края. – Вып. 9. – Астрахань, 2004. – С. 19-27] . Особая семья мужавиров была у ауля в начале 30-х годов на прежнем кладбище *Тукли-баба*, где сейчас расположена судоверфь.

² Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л., 1971. – С. 383; Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. – СПб., 1866. – Ч. I. – С. 71.

МУРЗЫ И ЭМЕКИ

Попытаемся выделить *основные этапы* взаимоотношений мурз и эмеков в Астраханском крае XVII - XX вв.

1. Середина XVI - начало XVII в. – переселение к Астрахани сначала юртовских, затем родственных им, но уже прошедших своеобразное развитие едисанских (джетисанских) ногайцев, с их традиционной аристократией (имевших некоторые связи и с бывшим Астраханским ханством), а также, очевидно, с зависимыми от неё людьми.

2. Вторая половина XVII - XVIII вв. – пополнение зависимого слоя в результате столкновений с калмыками, участия в российских войнах на Северном Кавказе. В это время или несколько ранее – появление целостных групп подчиненного, переведенного на оседлость земледельческого населения и общее распространение у юртовцев - едисанцев термина *эмек*.

3. Середина XVIII в. – переход к оседлости всех юртовцев, в самом начале XIX в. – оседание едисанцев (джетисанцев), слияние их в единую ногайскую (иногда – “ногае - татарскую”), юртовско - джетисанскую общность, складывание предпосылок к распаду прежней сословно-правовой структуры.

4. Конец XVIII - первая половина XIX вв. – попытки мурз сохранить своё влияние, закабалив эмеков в личную от себя зависимость.

5. 1811 г. (VI ревизия) – перевод эмеков в разряд государственных крестьян, после чего устранение, в основном, их отличий от основной массы едисанского (джетисанского) населения. Эти отличия ныне предположительно реконструиру-

ются лишь в топонимии и в памяти отдельных семей смешанно - юртовского происхождения.

6. 1833 - 35 гг. (VII ревизия) – поверстание мурз и примыкающего к ним подслоя агалар - батыров и их потомков в разряд государственных крестьян, т.е. окончательный подрыв их властного положения в едисанском (джетисанском) сообществе (если оно отчасти и сохранялось далее – то лишь по инерции, по традиции).

7. Первая половина XIX в. – попытка части мурз прошениями вернуть и сохранить свой отличный от других, привилегированный статус путём внедрения в иную служилую социальную структуру, службу в казачьих войсках, при серьёзных налоговых льготах.

8. Конец XIX - начало XX в. – постепенное забвение потомками мурз своих родословных, особенностей прежнего положения.

9. Рубеж XX - XXI вв., современность – возобновление интереса к прошлому, желание познать и продолжить утраченные знания и традиции родственных связей.

Обращаясь к этностатистическим аспектам проблемы, несложно подсчитать, что ныне из приблизит. 25 – 30 -и тыс. юртовцев потомки “едисан / джетисан“ могут составлять до трети. В т.ч. живущие компактно и сохранившие элементы прежнего наследия насчитывают не менее 5 -и тыс. чел. (в т.ч. в Килинчах и окрестностях – 2,5 тыс. чел.). Добавим около 400 “кундровцев“, подчинённых “емек / джемеков“ не имевших. Число очевидных потомков последних (с. Кулаковка и др.) можно предполагать как достигающее 1 - 1,5 тыс. чел.

Современная жизнь предполагает, конечно, совсем иной характер и стиль жизни и общения, непохожие на уклад, вызвавший существование мурз и эмеков, поддерживавший их роль в кочевом и послекочевом обществе тюрок – жителей окрестностей Астрахани.

Но рассмотренные в статье явления существовали, причем активно, у местных кочевников и полукочевников, отразившись в истории и памяти будущих поколений. Остались потомки – носители этого наследия, сохраняющие частицы традиции или стремящиеся восполнить их. И детали социально-правового строя жителей астраханских степей, затем обитателей дельты пополняют и уточняют закономерности общеисторических и самых специфических этносоциальных процессов.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В СТРУКТУРЕ ХОЗЯЙСТВА ПРИЧЕРНОМОРСКИХ НОГАЙЦЕВ XVI-XVIII ВЕКОВ

В.В. Грибовский

Еще не так давно считалось почти общепринятым связывать с увеличением удельного веса земледелия в хозяйстве кочевнических обществ некие прогрессивные социально-экономические явления, будто бы сигнализирующие о переходе номадов от первобытно-родовой формации к классовому обществу. С того времени, как Б. Я. Владимирцов сформулировал теорию кочевого феодализма и определил значение земледелия как важнейшего индикатора уровня общественного развития номадов¹, советским кочевниковедением были наработаны схемы крупного формата, доведшие стадийный подход к изучению номадных обществ до максимальной логической полноты. Это, собственно, и проявило противоречия, коренящиеся в самой теории.

В создавшейся перспективе имманентной критики стадийно-эволюционистских схем стала более заметной фрагментарность охватываемой ими реальности и произвольность выведения связей между эксплицированными из нее фрагментами. То есть, если с появлением земледелия у кочевников связать возникновение феодальных отношений², получится, что седентаризованная часть, скажем, древнего скифского общества, выращивавшая хлеб на продажу в соседние греческие полисы, окажется стоящей на более высокой ступени социального развития, чем вся рабовладельческая античность. А это абсурд, во многом обусловленный диктатом дефиниций (по Мишелю Фуко). Тот же диктат дефиниций принуждает выделять стадии кочевания, как бы нанизанные на стержневую пружину, приводящую воображаемую социальную модель в движение от “чистого” кочевания к оседлости. Но на проверку выходит, что примеры неотягощенного земледелием кочевания крайне редки³; сами же кочевники нисколько не стремились к оседлой жизни и переходили к таковой чаще всего под внешним воздействием, а не в результате внутреннего саморазвития⁴. Да и стадии вроде “нашествия” и “оседания” (по С. А. Плетневой) зачастую имели периоды гораздо меньшей протяженности, чем стадия, характеризующаяся устоявшимися маршрутами кочевий и наличием зимовников с “зачаточным” земледелием.

Можно, конечно, прислушаться к позиции А. М. Хазанова, объяснившего свое отношение к марксизму американской поговоркой: “Я не хочу хлестать мертвую лошадь”⁵. Но и сам этот авторитетный ученый имел богатый марксистский опыт, отразившийся в его постмарксистских исследованиях, прежде всего экономической

¹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд.-во АН СССР, 1934. – С. 43.

² Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – С. 123.

³ Н. Н. Крадин вполне резонно констатировал: “Сведений о существовании земледельческого и присваивающих укладов в археологических, нарративных и этнографических источниках настолько много, что вряд ли имеет смысл на этом специально останавливаться” (Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток: “Дальнаука”, 1992. – С. 64). Однако нельзя сказать, что эти сведения достаточно хорошо изучены.

⁴ По замечанию О. Латтимора, “бедный кочевник – чистый кочевник”. Н. Крадин, разделяя мнение И. Эчеде, допускает, что данная закономерность проявилась в новейшее время, когда “стесненный политическими границами номад эволюционировал только в рамках собственной экономики” (Крадин Н. Н. Кочевые общества. – С. 64). А. М. Хазанов полагает, что “седентаризация как результат обнищания подвижных скотоводов не является новым феноменом; она очень часто неразрывно связана с кочевым образом жизни. Однако в прошлом массовая и успешная седентаризация обычно происходила тогда, когда кочевники мигрировали в области, благоприятные для занятий земледелием” (Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Издание 3-е, дополненное. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С. 47).

⁵ Хазанов А. М. Указ. соч. – С. 17.

ориентированностью применяемых к кочевничеству классификаций¹, в которых можно рассмотреть формационно-стадиальные черты, хоть и сильно приглушенные экологическим функционализмом. Безусловно, любой научный опыт, не исключая и советского кочевниковедения, должен быть учтен и использован для постановки вопроса, определения параметров работы с эмпирическим материалом и перспектив дальнейшей концептуализации. В нашем случае, вопрос формулируется следующим образом: каков был удельный вес земледелия в структуре хозяйства причерноморских ногайцев XVI – XVIII вв., чем обусловлены его изменения и как эти последние влияли на общественную организацию этого кочевого этноса?

В экономическом отношении кочевничество необходимо рассматривать как монопрофильную хозяйственную систему. Ее крайняя специализированность препятствовала возникновению тенденций к экономической автаркии номадов, обусловила их направленную вовне собственного коллектива мобильность и неизбежную связь с земледельческими обществами, имеющими комплексную экономику². Одновидовые хозяйственные системы являются менее стабильными, нежели многовидовые, и потому они нуждаются в определенном внутреннем стабилизаторе, снижающем экономические риски, но в корне, не меняющем специфики самой системы. Как отметил Н. Н. Крадин, “номадизм редко существовал отдельно от иных форм хозяйственной деятельности”³. Земледелие, собственно, было такой формой, в которую постоянно вовлекалась часть кочевого населения, в силу тех или иных причин терявшая способность к кочеванию, но при этом сохранявшая положение полноправного члена своего коллектива. Далеко не всегда происходило полное оседание этой части номадов. Потеря возможности продолжать подвижное скотоводство (из-за джута, эпизоотий, грабительского отгона скота и др.) часто оказывалась временной; восстановив стадо (например, благодаря помощи родственников или другим формам реципрокции, в результате участия в удачном грабительском набеге), кочевник возвращался к столь желанному кочеванию. Зимовник, будучи важнейшим элементом кочевания, оставлял резервные возможности для тех, кто весной не мог идти кочевать с основной массой своего аула. Вблизи зимовника могла возникать более-менее устойчивая зона временной земледельческой оседлости, но она могла и бесследно исчезнуть, как только изменялся маршрут кочевания. Таким образом, кочевническое земледелие напрямую зависело от подвижного скотоводства, задающего весь ритм кочевнической жизни; его появление далеко не всегда следует рассматривать как предуведомление оседлости. Оно скорее является акцидентальным компонентом кочевничества, изначально включенным в основу его системы.

В качестве распространенного занятия кочевников земледелие упоминалось еще во времена Золотой Орды (мы не берем во внимание более раннее время). Иосафат Барбаро (1431) писал, что обычно в конце февраля по всей орде разглашается о том, чтобы *все желающие* сеять зерно заблаговременно приготовили все, к тому надлежащее; в марте назначается день сбора этих *желающих* для перехода на место, назначенное для посева. *Все желающие* должны были сделать необходимые приготовления и, в определенный день, погрузив семенное зерно на арбы, с рабочим скотом, женами и детьми двигаться к назначенному месту, обычно находящемуся не далее двух дней пути от места зимовки. После окончания вспашки и засе-

¹ Хазанов А. М. Указ. соч. – С. 13.

² Там же. – С. 68–69.

³ Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток: “Дальнаука”, 1992. – С. 58.

ва, кочевники-земледельцы возвращались к своим аулам. Хан постоянно наблюдал за всеми этапами процесса, прямо в нем не участвуя. Когда хлеба созревали, как сеятели, так и покупатели ехали арбами на место жатвы. Барбаро отметил обильное плодородие степной почвы, дающей урожай до сам-сто; случалось, что кочевники оставляли хлеб на полях несобранным, не имея возможности использовать этот избыток¹.

В приведенном свидетельстве есть несколько примечательных обстоятельств. Во-первых, посевом и жатвой хлеба занимаются *все желающие*, т. е. речь не идет о зависимых от кочевников земледельцах, но говорится о полноправных кочевниках; по всей видимости, они были не слишком заняты кочеванием – их “желание” обуславливалось теми обстоятельствами, что обычно вынуждают номада заниматься земледелием. Во-вторых, эти *желающие* не оставались на месте, где был засеян хлеб; земледельческое поселение в таком случае не возникало. В-третьих, место посева находилось в незначительном расстоянии от зимовья. В-четвертых, И. Барбаро описал случай занятия земледелием крупных кочевнических коллективов, что требовало участия ханской власти в руководстве хозяйственным процессом; или наоборот: ханская власть сама инициировала земледельческое предприятие. В. В. Трепавлов вполне резонно отметил в отношении Ногайской Орды, что “своеобразный всплеск внимания властей ... к хлебопашеству наблюдается в пору самого жестокого кризиса, когда кочевой сектор экономики ... полностью деградировал. В то время земледелие приобрело чрезвычайное и в целом несвойственное ногаям значение для их обеспечения”. Когда ситуация стабилизировалась, кочевое скотоводство восстанавливало свои позиции². Однако в описанном Барбаро случае не упоминается о том, что вспышка земледельческой активности кочевников была как-то связана с падежом скота или внутренними усобицами; он представлен как постоянно действующая практика. Важно отметить участие купцов в данном земледельческом предприятии, скупающими зерно буквально “на корню” и, вероятно, участвующими в жатве. То есть речь идет о коммерческом мероприятии, в котором производство и сбыт сельскохозяйственной продукции взаимно обусловлены.

В период существования Ногайской Орды (XV – первая треть XVII вв.) ногайцы относительно стабильно кочевали на междуречье Волги и Эмбы, доходя до Аральского моря на юго-востоке и до р. Кама на севере³. Кочевание осуществлялось преимущественно по меридиональному типу, предполагавшему нахождение основной массы кочевого коллектива летом на севере и зимой на юге. Согласно выводу Е. А. Поноженко, до середины XVI ст. на Нижней Волге существовала “достаточно четко оформленная система кочевания с определенными маршрутами перекочевки и планомерным использованием зимних, весенних, летних и осенних пастбищ, установленных для каждого кочевого коллектива”⁴. В зимовниках каждую весну оставались те, кто не имел достаточного количества скота для осуществления полного цикла кочевания; вот почему поля у кочевников находились, как правило, в местах зимовья⁵.

¹ Путешествие в Тану Иосафата Барбаро // Библиотека иностранных писателей о России. – Т. 1. – СПб.: тип. III отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1836. – С. 36–38 (отделение II).

² Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 520.

³ В Ногайской Орде В. В. Трепавлов выделяет два больших кочевых цикла: арало-уральский (зима проводилась в низовьях Сырдарьи, лето – при р. Урал) и поволжский (Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – С. 510).

⁴ Поноженко Е. А. Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV – середине XVII вв. Дисс. канд. юр. наук. – М.: МГУ, 1977. – С. 68–69.

⁵ Трепавлов В. В. Указ. соч. – С. 513.

Возможно, ногайцам были знакомы более развитые формы земледелия. Н. Рычков в 1771 г. обнаружил в Северо-Западном Казахстане “остатки древних нив и хлебопахотных мест, кои ... были наводняемы нарочно проведенными каналами из источника Кара-Тургая”. На его вопрос о том, кому они могли принадлежать, казахи отвечали, что перед ними, “изстари” здесь жили ногайцы. Восточнее Кара-Тургая Рычков нашел остатки городища, которое казахи тоже называли ногайским¹.

С середины XVI в. начался процесс массовых миграций ногайцев в Северное Причерноморье, активизировавшийся в периоды крупных общественно-политических потрясений Ногайской Орды, а затем поглотившего ее Калмыцкого ханства. Мигранты оказывались в условиях, существенно отличающихся от ситуации, длительное время выдерживавшейся на волго-эмбинском междуречье. Причерноморская степь, включая и равнинную часть Крыма, была просторной и удобной для кочевания. В конце XVIII в. П. С. Паллас отмечал, что степной Крым по качеству почвы и травяному покрову не отличался от приднепровских равнин, “великая часть сей земли способна, исключая чрезвычайно сухие годы, к земледелию и произрастает лучшую пшеницу... Но по всей равнине нарочито редко находится вода; и колодези, которые там татары принуждены были копать, часто бывают очень глубоки”². Прилегающая к речной системе Днепра и Южного Буга степь, в отличие от крымской равнины, изобиловала водой и имела пастбища более высокого качества. Однако именно это обстоятельство и составляло наибольшую опасность для мигрировавших в данный регион ногайцев, поскольку по разветвленной сети степных речек активно передвигались украинские казаки, занятые грабительским промыслом (“луплення татарських чабанів”, “здобичництво”³). Их активность создавала существенные проблемы для кочевого хозяйства и принуждала мигрантов изменять не только привычные способы хозяйственной деятельности, сезонную ориентацию перекочевок, но и приспособлять весь уклад жизни к более подвижному ритму.

По свидетельству Мартина Бельского, казаки причиняли “очень большой вред татарам и туркам., а в полях (в степи, – В. Г.) немало брали добычи, так что теперь и турки, и татары боятся далеко выгонять овец и рогатый скот на пастбище, как они прежде пасли, также не пасут они скот нигде и по той (левой. – В. Г.] стороне Днепра на расстоянии лишь десяти миль от берега”⁴. Как отметил Михалон Литвин (ср. XVI в.) в отношении кочевников Перекопской орды, “острова и лозовые заросли” Днепра становились доступными для их кочевания только зимой; весной же, как только открывалась навигация, резко возрастала опасность нападения казаков⁵. Мартин Броневский более подробно осветил это обстоятельство: “татары эти очень боятся наших низовских казаков, так названных оттого, что плавают в ладьях вниз по реке; также тех стрелков, которые летом и осенью плавают по Борисфену (Днепру. – В. Г.) ... и делают на них нечаянные и сильныя нападения”. Но когда Днепр покрывался льдом, прилегающие к нему степи вновь становились доступ-

¹ Рычков Н. Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г. – СПб., 1772. – С. 58, 64–65.

² Паллас П. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. – СПб.: Императорская типография, 1795. – С. 47–48.

³ В украинском языке понятие “здобичництво” имеет несколько другой смысловой оттенок, чем грабеж, характеризующийся утилитарно-потребительским целеполаганием.

⁴ Цит. по: Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения. – Кн. 1. – М.: Мысль, 1966. – С. 482.

⁵ Извлечение из сочинения Михайла Литвина (1550 г.) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. – Вып. I. – К., 1890. – С. 50.

ными для кочевания¹. Таким образом, активная враждебная среда вынуждала мигрировавших в причерноморские степи ногайцев проводить зиму на севере (среднее течение Днепра и Южного Буга) и лето на юге (морское побережье).

Казацкие рейды препятствовали возникновению крупных кочевнических объединений в непосредственной близости от Войска Запорожского, хотя на значительную часть его территории (особенно степное левобережье Днепра, включая р. Самару) ситуативно распространялась хозяйственная деятельность номадов; Присамарье (иногда с разрешения крымских властей) часто выступало местом сборов всех желающих принять участие в набегах на украинские и российские земли. Однако полноценное кочевание на этой территории было рискованным. Примечателен случай с урмаметевыми ногайцами, прикочевавшими через Дон. В мае 1646 г. на них напали запорожцы, от которых они бежали за Перекоп, в Крым. Только в августе того же года (то есть ближе к осени, когда спадала активность казаков), эта группа ногайцев отважилась расположиться на кочевание возле р. Молочной, что в Северном Приазовье². Очевидно, что находясь в ситуации постоянной угрозы казацких нападений, ногайцы были вынуждены осуществлять кочевание более подвижным образом, чем в Поволжье, и использовать в качестве жилищ большей частью перевозимые на арбах кибитки-отав (отюй), меньшей – большие разборные юрты-терме. Эти последние, в отличие от неразборных кибиток, в источниках практически не упоминаются³.

Долго задерживаться в Крыму ногайцы не очень хотели, поскольку перспектива попасть под прямой контроль ханской администрации, часто применявшей к мигрировавшим на полуостров кочевникам насильственную седентаризацию, не была особенно привлекательной. Поэтому прибывающие с востока ногайцы старались откочевывать на крайнюю западную часть евразийской степи – в Буджак, как можно дальше от Запорожья и Крыма. В Северо-Западном Причерноморье к началу XVII в. сформировалось мощное ногайское объединение, известное как Буджакская или Белгородская орда⁴. Значительная часть ногайцев сосредоточилась вблизи турецкой крепости Очаков, получив название Очаковской орды⁵. Однако, нет оснований считать это образование стабильным и этнически однородным, как это делал А. А. Скальковский, отождествлявший его с едисанцами⁶, в большей массе прикочевавшими в Побужье в 20-е годы XVIII в.

В местах, где сформировались относительно стабильные маршруты перекочевков, возникали зимовники с населением, занимающимся земледелием. Конечно, это было вынужденное и непрестижное занятие⁷. Кочевники традиционно

¹ Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. VI. – Одесса, 1867. – С. 338.

² Донские дела. Книга третья // Русская историческая библиотека. – Т. XXVI. – СПб., 1909. – С. 3.

³ Боплан Г.-Л., де. *Опис України. Мєрїме* // Українські козаки та їхні останні гетьмани; Богдан Хмельницький / Пер з фр. Я. І. Кравця. – Львів: Каменяр, 1990. – С. 52. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка // ЗООИД. – Т. 11. – Одесса, 1879. – С. 485. *Д'Асколи Эмиддио Дортелли*. Описание Черного моря и Татари. // ЗООИД. – Т. XXIV. – Одесса, 1902. – С. 130.

⁴ Автоэтноним этой группы ногайцев – аккермен ногайлар. Буджаком (в переводе означает “угол”) называлась южная часть Бессарабии. Северная граница Буджака, отделявшая его от Молдовы, была определена в 1672 г. (другая датировка – 1666 г.) и называлась линией Халил-паши; она тянулась от устья реки Прут до села Троян, далее – до Верхнего Троянового вала и через р. Ботна шла до устья р. Бык, впадающей в Днестр (*Кантемир Д.* Описание Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1973. – С. 6, 25–27).

⁵ Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка. – С. 485.

⁶ Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Ч. I. География, этнография и народоисчисление. – Одесса: тип. Л. Нитче, 1850. – С. 201.

⁷ Идрисов Э. Ш. Потестарно-политический процесс в традиционалистской этноспецифической среде (на примере народов Нижнего Поволжья). Дисс. канд. полит. наук. – Волгоград: Волгоградская академия государственной службы, 2005. – С. 95–96.

противопоставляли себя “грязным земледельцам”, которые “гадят под себя”, не зная прелести кочевания в, буквальном смысле, чистом поле. Ногайцы очень гордились знатностью своих предков, с презрением относились к персам, называя их “рыжеголовыми”, не очень уважали турок и считали ниже себя крымских татар, с которыми ногайская родовая знать избегала заключать брачные союзы¹. В основании сегрегирующего отношения ногайцев к близким по языку и религии туркам и крымским татарам лежало то, что они не были кочевниками.

Используемые в течение длительного времени зимовники-кишла могли постепенно превращаться в постоянное поселение. Так происходило у астраханских ногайцев, процесс оседания которых, наверное, лучше освещен источниками, чем седентаризация причерноморских ногайцев. Однако следует обратить внимание, что астраханские ногайцы имели по сравнению с ними более ограниченный пастбищный фонд, следовательно – меньшее поголовье скота, что больше располагало к оседлости. К тому же, оседание кочевников Астраханского края растянулось на значительный промежуток времени. Причем это был не столько процесс перехода к интенсивным формам хозяйства, сколько процесс обеднения, деградации кочевнической цивилизации. Как отмечает Э. Ш. Идрисов, переход юртовцев к оседлости происходил в течение всего XVIII в., а закончился в начале XIX в., когда осела их подгруппа – едисанцы. Карагаши, кундровцы и утары окончательно были седентаризованы в 1929 г., в ходе коллективизации². Тогда же, вследствие широкомасштабных репрессивных акций советского государства, произведена седентаризация крупнейшего кочевого народа – казахов³.

Итак, оседлость не является результатом долгого процесса внутреннего саморазвития; долго мог длиться только процесс обнищания кочевников, из последних сил держащихся за кочевание, которое в конце-концов обрывалось репрессивной акцией земледельческого государства. Кроме того, длительное время могли выдерживаться переходные формы, подменяющие оседлость. Например, у астраханских ногайцев одна часть семьи оставалась работать в огороде, другая – уходила кочевать⁴. Кавказские ногайцы к концу XVIII в. придерживались традиций кочевого быта, имея устоявшиеся маршруты кочевий – “почти постоянные места как для летнего, так и зимнего проживания”⁵. Более оседлыми среди них были кубанские ногайцы, в частности, – отмеченные Юлиусом Клапротом мансуровцы и наурус-улу, жившие в домах турлучного типа⁶. Что касается причерноморских ногайцев, к середине XVIII в. постоянные селения имели только буджаковцы, другие группы располагали относительно постоянными зимовниками, расположенные на устоявшихся маршрутах кочевания.

Важно иметь ввиду, что буджакские ногайцы в течении XVII в. неоднократно подвергались репрессиям со стороны крымских ханов; приведение буджаковцев к

¹ Корнис [И. И.]. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Н. Надеждиным. – Ч. XXXIII. – М.: тип. Н. Степанова, 1836. – С. 12–13, 20.

² Идрисов Э.Ш. Хозяйственная деятельность ногайцев Нижнего Поволжья в XVII–XIX^овв. // Историческая и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья: сборник научных статей по материалам научной конференции “Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья”. – Волгоград, 2005. – С.150.

³ Абылхожин. Ж. Б. Сталинизм и номадизм: к вопросу о силовой политике седентаризации в Казахстане в конце 1920-х - начале 1930-х годов // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: сборник материалов Международной научной конференции (Алматы; 19–20 дек. 2005 г.) / под ред. И. В. Ерофеевой, Л. Е. Масановой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 112–132.

⁴ Идрисов Э.Ш. Указ соч. – С. 152.

⁵ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик: “Эль-Фа”, 2008. – С.11.

⁶ Там же. – С.14.

послушанию достигалось главным образом путем уничтожения арб и насильственного поселения в стационарных домах¹. В начале XVIII в. в Буджаке фиксируется около 200 ногайских сел. Впрочем, большая часть их населения продолжала вести полуоседлое кочевание: “А понеже вся Буджацкая степь безводна и лесов нет, а лошадей и рогатого скоту ... и живностей изобилно, и сенами обилно, и рогатой скот и лошадей кормят по полям в степи ... и содержат себя в воровству (т. е. набегах на соседей. – В. Г.), а не в паше, и ремесла не имеют и за пашею ходят немногие, и для того у них в хлебе скудно; кроме проса да ячменя [ничего] не родитца и печеного хлеба не продают, понеже сами не имеют, и питаютца болши мясом и молоком да просяными и ячменными лепешками, которые пекут на навозе, и хаты имеют мазанки, таким же навозом направленные, и те самые малые и смрадные, и дух от навоза весьма тяжкой”². Таким образом, у причерноморских ногайцев (включая и полуоседлых буджаковцев) земледелие оставалось дополнительным занятием, основу хозяйства составляло скотоводство, хоть и разной степени подвижности.

Одно из ранних свидетельств о земледелии “татар” Перекопской орды оставил Мацей Меховский (1517): “Некоторые из них распахивают и засевают просом одну, две или три полосы длиною в три четверти югера и больше”. Этот же автор писал об отсутствии у них пшеницы и овощей, и что основным употребляемым в пищу растительным продуктом было просо, из которого готовился “баирам” (тесто, по Меховскому), а также хмельной напиток – буза³. Мартин Броневский (1578) свидетельствовал о существовании в Очаковской степи “нив, лугов и татарских жилищ”. Последние делались из тонких прутьев, которые обмазывались тиной, “грязью” или кизяком, сверху крылись камышом, т. е. были конструкцией турлучного типа. Описанные Броневским “татары” выходили на кочевание в апреле месяце, а возвращались для сбора хлеба в конце лета, после чего располагались на зимовье. Этот же автор подметил, что современные ему “татары” отличаются от прежних тем, что “многие из них обрабатывают поля и часто собирают сено”⁴. Жан де Люк (1625) отмечал некоторые отличия между хозяйственными укладами крымских (“перекопских”) татар и ногайцев. Первые для обработки земли использовали рабов, хотя сами хлеб употребляли в очень малом количестве, потому в Крыму он был очень дешев. Ногайцы, по его мнению, хлеб вовсе не выращивали, а получали его в торговле с черкесами; хотя этот автор фиксирует выращивание ногайцами проса⁵. Франсуа Ферран (1709) утверждал, что, переходя с места на место, дольше они остаются там, где засевают поля, но по окончании жатвы всегда перекочевывают на другое место⁶.

Изложенные выше данные непрямым образом свидетельствуют о наличии у причерноморских номадов обычного кочевнического зимовника и связанного с ним земледелия. Вместе с тем, приведенные данные позволяют выделить разные типы земледельческих хозяйств, существовавшие в причерноморской степи в изучаемый период. Основываясь на турецких источниках, Галиль Иналджик писал,

¹ Челеби Э. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. – М.: Изд.-во Вост. л.-ры, 1961. – С. 195.

² Цит. по: Русов А.А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков и некоторые данные о Днепре из Атласа конца прошлого столетия. – К.: тип. М.П. Фрица, 1876. – С.35.

³ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М.–Л., 1936. – С. 59.

⁴ Броневский М. Указ.соч. – С. 337–338.

⁵ Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка. – С. 477, 485–486.

⁶ Ферран Ф.. Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар, в 1709 г. // Русский вестник. – 1842. – № 4. Апрель. – С. 45–47.

что “для увеличения производства зерновых и удовлетворения рыночного спроса аристократия Крымского ханства устраивала в степной зоне колонии сельскохозяйственных работников, состоящие из русских¹ пленных. Полуномады Северного Причерноморья также выращивали зерно на экспорт”². Эти “земледельческие колонии”, существенно отличающиеся по своей социально-экономической природе от ногайских зимовников, мы рассмотрим ниже. Здесь же отметим, что экономика причерноморских ногайцев также испытывала влияние рынков Османской империи, которые ориентировали население Северного Причерноморья не только на осуществление набегов на северных соседей, но и на товарное производство зерновых культур. Для переработки выращиваемого кочевниками зерна в муку в портовых городах были построены крупные мельницы, в частности, в Очакове³, Гезлеве (Евпатория)⁴ и в дельте Дуная – Кара-Гарман. Таким образом, причерноморские кочевники XVII – XVIII вв. оказывались в той же ситуации, что и геродотовы скифы-земледельцы. Впрочем, зерновые, выращиваемые в причерноморской степи, по качеству не могли конкурировать с поставляемой в Стамбул пшеницей из Восточного Средиземноморья. Однако, даже в качестве кормов для скота, они составляли важный предмет поставок в крупные турецкие города⁵.

В начале XVIII в. происходят важные изменения в геополитическом положении Крымского ханства, обусловленные возникновением новой модели отношений Османской империи с Россией и Речью Посполитой. Ее основания были заложены в Карловицком (1699) и Константинопольском (1700) мирных договорах, которые в качестве одного из главных пунктов содержали положение о мирных границах. Это предполагало искоренение наезднического промысла как польских и российских подданных (украинских и донских казаков), так как и подвластных Крыму татар и ногайцев. Процесс стабилизации границы включал в себя следующие компоненты: ее четкую маркировку, устранение очагов локальных конфликтов, межгосударственную регуляцию проходящих через границу миграций, создание условий для безопасной жизнедеятельности приграничного населения и регламентацию хозяйственного использования пограничной зоны⁶. Вследствие этого произошло резкое сокращение частоты и масштабности набегов, в которых кочевники принимали самое деятельное участие. Стремительное свертывание работорговли и ее переориентация с Северного Причерноморья на Кавказ создала новую экономическую ситуацию в данном регионе.

После перехода Войска Запорожского из российского в крымское подданство и неудачного Прутского похода Петра I 1711 года русско-турецкая граница сместилась на север, к впадающей в Днепр речке Самара, что привело к значительному увеличению территориальных владений Крымского ханства. В этих условиях ногайцы получили возможность относительно безопасно кочевать вплоть до самой границы и значительно расширить свои пастбищные площади, охватив их стабильными маршрутами перекочевков. Однако в 1720-х годах происходит

¹ Имеются в виду украинцы и русские.

² *Иналджик Г.* Османська імперія. Класична доба. 1300–1600 / Пер. з англ. О. Галенко. – Київ: Критика, 1998. – С. 143.

³ *Челеби Э.* Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. – М.: Изд-во Вост. л.-ры, 1961. – С. 123.

⁴ *Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. и прим. К.И. Раткевича. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. – С. 72–73.

⁵ *Тумманн [И. И.]*. Крымское ханство / Пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Беляевой: Симферополь Таврия, 1991. – С. 43.

⁶ Обсуждение этой проблемы см.: *Грибовский В. В., Сень Д. В.* Фронтальные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.: деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея // *Україна в Централно-Східній Європі.* – Вип. 9–10. – Київ: Інститут історії України НАНУ, 2010. – С. 193–196 и др.

последняя массовая миграция ногайцев из Нижнего Поволжья в Северное Причерноморье¹. Следствием этого стало резкое увеличение численного кочевого населения причерноморской степи, а, следовательно, и усиление нагрузки на ее пастбищный фонд. К тому же, пастбищные площади существенно сократились в результате русско-турецкой войны 1735–1739 гг., закончившейся подписанием Белградского мирного договора. Согласно его условиям, граница смещалась к югу и имела ту конфигурацию, что была зафиксирована в Константинопольском договоре 1700 г. Возросшая плотность кочевого населения (в условиях сокращения степных владений ханства) и его концентрация в небезопасной (с точки зрения государственного управления) пограничной зоне побудили Бахчисарай к созданию специальных административно-территориальных образований. К середине XVIII в. в составе Крымского ханства формируются Едисанская, Едичкульская, Джембуйлуцкая орды, во главе которых (как и ранее возникшей Буджацкой орды) стояли назначаемые из Бахчисарая сераскер-султаны и каймаканы. В сферу их компетенции входили вопросы пограничных отношений и внутреннего управления ногайцами, включая и хозяйственную составляющую².

Новая экономическая ситуация благоприятствовала увеличению удельного веса земледелия в структуре хозяйства причерноморских ногайцев. Несколько изменяется и кочевое скотоводство, в некоторых случаях имевшее тенденцию к превращению в отгонное животноводство (у буджаковцев и ногайцев крымских предгорий); более широкое применение получает сенокосение и строительство стационарных жилых и хозяйственных помещений в зимовниках. Данные Ш. де Пейсонеля (середина XVIII в.) позволяют установить увеличение спроса у ногайцев на земледельческие орудия, прежде всего косы. Их ежегодно привозили с германских земель по Дунаю в количестве более 200 тыс. штук, значительную часть которых покупали ногайцы³. Распространение у ногайцев сенокосения фиксируется и документами архива Запорожской Сечи⁴.

В степных владениях Крымского ханства в данный период наблюдается увеличение количества стационарных сельскохозяйственных объектов, которые, по всей видимости, не имели отношение к ногайцам. В большинстве случаев они принадлежали жителям крымских городов – Перекопа, Гезлеве, Бахчисарая, а также Очакова. Среди их собственников упоминаются крымские татары, турки, армяне, крымские греки, даже сербы и черкесы. В источниках эти объекты фиксируются под названием “овчарских хуторов”, “овчарских зимовников”, “овчарен”, “овчарских прогонов”, “скотских кошей” и “конских табунов”. Работники этих хозяйств вербовались на основе найма из оседлых жителей Крыма, среди которых упоминаются крымские татары, греки, армяне, сербы (“сербские овчары”)⁵. Очень вероятно, что в качестве работников привлекались и ногайцы. Вблизи этих “кошей” возникали зоны земледельческой оседлости – так

¹ Грибовский В. Процесс міграції ногайців до території Кримського ханства у першій половині XVIII ст. // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів/ Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. – Т. 6. – Київ, 2001. – С. 58–70. *Его же*. Формування локальної групи причерноморських ногайців // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – Вип. 4. – Київ: Інститут історії України НАНУ, 2004. – С. 279–306.

² Грибовский В. В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран / Институт восточных рукописей РАН – М.: Изд. фирма “Восточная литература” РАН, 2009. – С. 67–97.

³ Peyssonel M. [Charl], de. Traite sur le commerce de la Mer Noire. – Т. II. – Paris, 1787. – Р. 204–209.

⁴ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. – Т. 1. – К., 1998. – С. 242; Т. 2. – К., 2000. – С. 579.

⁵ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. – Т. 2. – К., 2000. – С. 229–238.

называемые “татарские деревни”, рядом с которыми располагались обрабатываемые поля. Так, в 1749 г. упоминается некий “татарин Махомед-бей”, живущий в “деревни Кышкаре”; он находился “на жнитьбе хлеба в урочище Кюкюн”. В районе того урочища располагались “Чонгарская деревня да деревня же Доганыш отомана”¹. В овчарском хуторе крымского татарина Хасана, расположенном в урочище Токмак, хранился – “один чювал дюгеун (то есть по татарски мука)”². В Степном Крыму земледельческое хозяйство имело, безусловно, более значительное распространение. Примечателен случай с предпринятой едичкульцами попыткой летом 1747 г. переселиться через Крым на Кубань. Так называемые “бедные люди” мигрировали без особых препятствий, но “багатых” едичкульцев, которые, по всей видимости, перемещались с большими стадами скота, крымцы упростили до наступления осени оставаться возле Перекопа, “дабы в тогдашнее летнее время не витопать [в Крыму] хлеба”³.

К середине XVIII в. заметно увеличились объемы и собственно ногайского земледелия. Июнем 1761 г. датируется сообщение: “По степам как на той стороне Перекопа, так и на сей хлеба взростом хорошие, болшие и дожди ежечасъто идут”⁴. На момент присоединения к России междуречья Южного Буга и Днепра в 1774 г. местное население сеяло “озимую рожь и пшеницу, яровые, ячмень, гречу и просо весьма хорошо; и почти рожь и пшеница, и ячмень вдесятеро родится, а просо в тридцать раз выходит”⁵. Впрочем, кочевое земледелие ногайцев возросло только в количественном отношении, не выходя за пределы своего традиционного качества. Запорожский кошевой атаман Иван Малашевич (1735) писал о типичном для кочевников хозяйственном цикле: “ногайцы от реки Молочной к Днепру возвратятся там хлеб жать и чрез зиму стоять будут”⁶. То же видно и по письму Крым Гирей-хана к кошевому атаману Алексею Билицкому от 19 мая 1759 г., где говорится о переселении едичкульских ногайцев из Буджака на степное левобережье Днепра: “Ногайцы по Днепру зимовниками своими жить, скот плодить и землю орать будут”⁷. Хотя хлебные поля ногайцы устраивали не только вблизи зимовников, но, как и в описанном Иосафатом Барбаро случае, в специально отведенном месте. В 1744 г. упоминается нахождение едисанцев в Побужье при самой российской границе – “для жатвы”, двумя годами ранее там же фиксируются поля джембуйлуковцев⁸.

Жатвенная пора становится для ногайцев важным периодом хозяйственного цикла. В августе 1755 г. значковый товарищ⁹ Ф. Коневский, командированный из крепости Св. Елизаветы (современный Кировоград) к буджацкому сераскер-султану, сообщал, что ногайцы перестали охранять свой участок границы: ногайский караул ему не удалось найти в установленном месте (разъезд при р. Чечакля). Позднее Коневский установил причину: “того караула нет для

¹ *Эварницкий Д.И.* Сборник материалов по истории запорожских козаков. – Спб.: тип. И. Н. Скороходова, 1888. – С. 22.

² Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. – Т. 2. – К., 2000. – С. 325.

³ Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 127. “Ногайские дела”. – Оп. 1. – Д. 1. – 1754 г. – Л. 56 об.–57.

⁴ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (Далее – ЦГИАК). – Ф. 229. Оп. 1. – Д. 91. 1760–1761 гг. – Л. 57.

⁵ Цит. по: *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). – М.: Изд.-во АН СССР, 1955. – С. 284–286.

⁶ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. – Т. 1. – К., 1998. – С. 86.

⁷ Цит. по: *Скальковський А. О.* Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. – Дніпропетровськ: Січ, 1994. – С. 378.

⁸ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. – Т. 3. – К., 2003. – С. 241, 244.

⁹ Старшинский чин украинских казаков.

рабочей нынешней поры”. Ему же отказали в предоставлении проводников, что пояснил один мурза: все люди заняты сбором урожая¹. Безусловно, для них это было более важное занятие, чем охрана границы или сопровождение российского посланника. Выращивание хлеба становится настолько распространенным среди ногайцев, что это учитывается в налогообложении. Впрочем, в ханскую казну ногайцы давали не так уж много – 4 кг пшеницы от каждой семьи ежегодно². Если сопоставить данные Иоганна Эриха Тунманна (около 1777 г.) со свидетельствами более ранних авторов, становится заметным возрастание доли продуктов растительного происхождения в рационе питания причерноморских ногайцев. “Обыкновенная их пища, писал Тунманн, – просо, ячмень и гречиха, которые они возделывают; далее – мясо лошадей, скота и баранов, которых они имеют большие стада”. Ячмень и просо, выращиваемые ногайцами, составляли важный предмет торгового вывоза из Крымского ханства в Стамбул. Тот же автор отметил, что буджакотцы занимаются земледелием лучше других ногайцев: “Буджаки сеют пшеницу, рожь, особенно ячмень и просо. Как говорят, ячмень дает урожай самсто”³.

Необходимо дополнительно рассмотреть вопрос о том, какая именно часть ногайского общества была задействована в земледелии. В приведенном выше свидетельстве Жана де Люка упоминаются рабы, занятые обработкой полей. Ряд исследователей, рассматривая неполноправные слои населения Ногайской Орды, утверждают, что они использовались, прежде всего, в земледельческом хозяйстве. В частности, В. В. Трепавлов пишет “о целом слое оседлого сельского населения – тумакан”⁴, а Е. А. Поноженко считает, что тумакан жили отдельными общинами, в отличие от патриархальных рабов-ясырей, которые находились при своих хозяевах в качестве домашней челяди⁵. Впрочем, у причерноморских ногайцев тумакан не обязательно были заняты в земледелии, но использовались и в качестве чабанов. По украинским источникам можно проследить, что среди тумакан (или, по запорожским документам, тум) были не только пленные, но и наемные работники из инородцев, в частности, украинцев. Как, например, очаковский житель Осип, “ходячий з отарами”⁶. Батраки могли находиться в ногайских степях в течение летнего сезона и на зиму возвращаться в Украину; в таком случае их называли аргатами. Тумакан считали тех, кто в силу различных причин оставался на постоянное проживание у тюркских народов Причерноморья. Лица, сменившие православие на ислам, имели в украинском языке дополнительное обозначение – *потурнак*. В запорожских документах XVIII в. значатся “козаки потурченные” и “жены козацкие потурченные”; примечательно, что они далеко не всегда соглашались вернуться в Украину и случалось, что запорожцы их убивали во время нападения на татарские поселения и ногайские зимовники⁷.

Вероятно, тумы, потурнаки, “козаки потурченные” и “жены козацкие потурченные” чаще всего проживали в анклавных поселениях, вроде рассмотренных выше “деревень” при “овчарских” хуторах, кошах и т. д. Среди их

¹ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. – Ф. 9. – Ед. хр. 132–214. 1754–1755 гг. – Л. 104–104 об.

² Скальковский А. О. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. – Дніпропетровськ: Січ, 1994. – С. 370.

³ Тунманн [И. Э.]. Крымское ханство. Указ. соч. – С. 47, 52.

⁴ Трепавлов В. В. Указ. соч. – С. 521.

⁵ Поноженко Е. А. Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV – середине XVII вв. Дисс... канд. юрид. наук. – М.: МГУ, 1977. – С. 102.

⁶ ЦГИАК. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 137. 1762–1763 гг. – Л. 39–44.

⁷ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. – Т. 2. – 324.

владельцев ногайцы не фиксируются. Вполне может быть, что часть хлебных полей ногайцев обрабатывалась неполноправным населением. У начальника поселенных при Молочных Водах ногайцев, Баязет-бия, находилось в личной зависимости 774 чел. м. п. и 597 ж. п.; во время ревизии 1795 г. он безуспешно пытался записать их в крепостное состояние. Примечательно объяснение Баязет-бия их происхождения: они – “живущие еще у предков его вроде подданных называемые негоры и нагайцы, по ... магометанским правам добровольно пожелали остаться за ним как и за предками его в подданстве”¹. Скорее всего, эти “негоры и нагайцы” занимались земледелием возле главного ногайского поселения на Молочных Водах – аула Единохта, а также выпасом стад Баязет-бия². Подобные социальные группы существовали и у астраханских ногайцев. Например, табунный голова Абдикерим Ишеев рассказывал, что еще его отцу “от предков его родства мурз и табунных голов наследственно ... достались дворовые люди, по древнему наименованию разумеются емеки, от колена людей разного рода, приобретенные в древние времена, когда еще предки ... не быв во всероссийском подданстве, и по междуусобным браням в плен [попавшие], как то: лязгиры (лезгины), чеченцы и тому подобное”³.

Технология обработки и хранения продуктов земледелия у причерноморских ногайцев, наверное, не отличалась от той, что была характерна для крымских татар и у которых она лучше отражена в источниках. В Крыму обмолот зерна производился при помощи скота (лошади, быки, волы), который гнали вокруг столба по колосьям хлеба. Для хранения зерна устраивались глубокие ямы (оруз), выкопанные в земле и обложенные сухой соломой, после заполнения они засыпались землей, становясь незаметными для постороннего глаза⁴. Безусловно, такой способ хранения был удобен, прежде всего, для кочевников; для осевшего населения Крыма он, скорее, был данью традиции, в которой отражался давний кочевой быт. Подобный способ молотбы был широко распространен в Золотой Орде⁵, а также практиковался поволжскими ногайцами.

Ногайцы выращивали пшеницу простых сортов и другие зерновые, не требующие сложной обработки земли. Кавказские ногайцы пахали примитивным плугом, к которому приделывалось колесо от арбы диаметром до 2 аршин. После крайне мелкой вспашки применялось незначительное боронование, что было неприемлемым для выращивания озимой пшеницы и годилось только для яровой⁶. Под рожь и просо земля почти не бороновалась. Как утверждал Густав Радде, “на обработку пашен ногайцы и степные татары употребляют столь же мало трудов, как и на уход за стадами... На татарском поле никогда не видно прямой борозды; края же поля бывают взборонены очень неправильно, так что плуг или на 10 шагов перейдет за границу поля, или на 10 шагов не дойдет до нее”⁷. Борона представляла собой конструкцию, состоящую из нескольких перекрестных палок со множеством от-

¹ Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). – Ф. 383. – Оп. 29. – Д. 916. 1804–1812 гг. – Л. 54.

² РГИА. – Ф. 383. – Оп. 29. – Д. 916. 1804 – 1812 гг. – Л. 43 об.

³ Викторин В. М. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII - нач. XX вв.). Дис... канд. ист. наук. – Л.: ЛГУ, 1985. – С. 82.

⁴ Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар (Статья вторая) // Вестник Европы. – 1867. – Т. II. Июнь. – С. 169.

⁵ Путешествие в Тану Иосафата Барбаро. – С. 79. См. также: Трепапов В. В. История Ногайской Орды. – С. 520.

⁶ Архипов А. Ногайцы // Кавказ (газета). – Тифлис, 1852. – № 3. – 12 января. – С. 251.

⁷ Радде Г. Крымские татары // Электронный ресурс: <http://www.kirimtatar.com/Story/Radde/radde6.html> См. также: Радде Г. Крымские татары // Вестник Русского географического общества. – 1856. – Ч. 19. – С. 290–330; 1857. – Ч. 18. – С. 47–64.

верстий, в которые помещались тростинки. Они, как писал Радде, “составляют широкую метлу, которую, при частом передвижении, семя разметается по полю”. Плуг, по описанию Радде, делался из дерева и ставился на большие колеса; во всех полевых работах в качестве тягловой силы использовали быков, хотя ногайцы употребляли и лошадей для перевозки тяжестей. Овощеводство у степных татар и ногайцев Крыма было представлено только выращиванием арбузов и дыни, которые производились в большом количестве¹.

Отсутствие развитой агрикультуры, как у степных, так и осевших в крымских предгорьях кочевников, сполна компенсировалось плодородием почвы. Как писал о кавказских ногайцах Агафангел Архипов, “Благодатная целина, несмотря на несовершенство вспашки, одна производит то, чего невозможно достичь при отсутствии мастерства”². Собственно, ногайцы и не стремились совершенствоваться в этом мастерстве, оставаясь маловосприимчивыми к давлению, что оказывала на них российская власть с конца XVIII и в течении всего XIX столетий, пытаясь посредством чередования кнута и пряника привести их к оседлости. Агафангел Архипов, этот тонкий наблюдатель быта кавказских ногайцев, утверждал, что для ногайца мясо, кумыс, айран и чай – не просто пища и питье, но вещи, которые позволяют ногайцу чувствовать себя ногайцем. “Отнимите от него эти принадлежности вседневного продовольствия, доставьте ему исключительно пищу русского мужика, – что тогда выйдет из ногайца? Он будет сыт, правда, но отнюдь не доволен... Такая жизнь ему надоест и он скоро возвратится в сферу тех малых лишений, которые хотя и изнурительны подчас, но зато знакомы ему с детства”³.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. стала рубежным событием для ногайской кочевой культуры, успешно адаптировавшейся к условиям Северного Причерноморья. В 1771–1772 гг. большая часть ногайцев была переселена российским правительством на правобережье Кубани⁴. Рассмотрение разных форм адаптации различных групп причерноморских ногайцев к новому жизненному пространству, позволяет сделать заключение о том, насколько изменились причерноморские ногайцы в социально-экономическом плане в течении XVII – XVIII вв.

В кубанских степях каждая этническая группа селилась обособленно: едисанцы заняли левый берег р. Кагальник, Чубур, правый берег Еи до р. Калалы; джембуйлуковцы расположились между речками Челбасами и в верховьях Еи; едичкульцы, разделившись на три поколения, заняли междуречье Кирпили и Ангели. Однако буджакотцы расселились вдоль Ейского залива в стационарных поселениях и занялись земледелием⁵. Еще на пути в кубанские степи, во время переправы через Дон, буджакотцы в большом количестве покупали зерно, поясняя: “мы будем сеять хлеб в степи меж Азовским и Каспийским морями”. Седентаризованные еще в XVII в., буджакотцы не стали возрождать свой забытый кочевой быт. Другие же ногайцы, по замечанию капитана И. Ханикова (одного из организаторов переправы через Дон), “хлеба не сеют и травы не косят, хлеб покупают, и ежели им куль удастся ку-

¹ Радде Г. Крымские татары // Электронный ресурс: <http://www.kirimtatar.com/Story/Radde/radde6.html> См. также: Радде Г. Крымские татары // Вестник Русского географического общества. – 1856. – Ч. 19. – С. 290–330; 1857. – Ч. 18. – С. 47–64.

² Архипов А. Указ. соч – С. 251.

³ Там же.

⁴ Грибовский В. В. К вопросу о принятии причерноморскими ногайцами подданства России и переселении их на Кубань в 1770–1771 гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Дикаревские чтения (13). – Краснодар: ООО РИЦ “Мир Кубани”, 2007. – С. 446–473.

⁵ Фелицын Е. Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области) // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. – Т. VIII. – 1884. – № 2. – С. 263–264.

пить, то на 1 и 2 года с семьи его будет, а только кладет по горсте в воду, когда мяса нет”¹.

Таким образом, бо́льшая часть переселенных на Кубань ногайцев вернулась к традиционным формам кочевого хозяйства, до минимума сократив занятие земледелием. Во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. обострились отношения между разными группами ногайцев, которые неодинаково относились к сложившейся перспективе принятия российского подданства. Нарастающая частота и кровопролитность усобиц между ногайцами, их столкновения с адыгскими народами Кавказа превратила земледелие в рискованное занятие. К примеру, едичкульцы в 1781 г. были вытеснены на турецкий берег Кубани. В следующем году они, объединившись с горцами, разграбили едисанцев и джембуйлуковцев. У самих же едичкульцев “зделался ... большой голод по причине прошлогодних у них мятежей не было засеенному [хлебу] снятия и заготовления”².

Российской власти удалось установить мир на правобережье Кубани только в начале 1790-х; это было достигнуто путем радикального изменения этнического контента региона. Значительная часть ногайцев к тому времени мигрировала на левый (турецкий) берег Кубани, оставшиеся кочевники были выселены на Молочные Воды (Северное Приазовье), само же правобережье предоставлено для поселения Черноморского казачьего войска, выведенного из Украины. Во второй половине 90-х гг. XVIII в. на правый берег Кубани стали возвращаться ногайцы, которым не нашлось места в турецких владениях. В контексте исследуемой проблемы небезынтересно рассмотреть вопрос о роли земледелия в восстановлении хозяйства этих последних кочевых мигрантов. Нужно иметь в виду, что это были обыкновенные беженцы, приходившие к российским пограничным постам чаще всего почти без имущества. Черноморское войсковое правительство старалось как можно скорее расселить их для поправления своего крайне расстроенного хозяйства – построить зимовники и заготовить сено для скота. Им даже разрешили ловить рыбу “кармаками” в Бугазском лимане³, на что казаки обычно шли крайне неохотно. Российское правительство считало пребывание ногайцев на землях Черноморского войска временным и требовало от них скорейшего выселения на Молочные Воды.

Но получилось так, что предоставленное из войскового магазина зерно, ногайцы использовали не для пропитания, а для засева полей. Тем самым, они получили аргумент, используя который, можно было оттянуть время столь нежеланного выселения: мол, весной нельзя переселяться, так как засеяны поля, а после сбора урожая от выселения отказывались по причине скорого наступления холодов. Эта из года в год повторяемая хитрость крайне разозлила таврического гражданского губернатора Д. Б. Мертваго, который в апреле 1804 г. приказал во что бы то ни стало переселить ногайцев на Молочные Воды. Но они снова отказались, заявив, что не бросят построенные дома и поля с посеянным хлебом: “Пусть нас здесь всех вырежут или разберут по рукам, а добровольно не пойдем”⁴. Войсковое правительство свидетельствовало, что ногайцы “в короткое время обзавелись ... и обработали немало земли”⁵, и было не против включения их в состав черноморского казачества. Конечно же, у ногайских беженцев не было средств и возможностей для восстановле-

¹ Ханьков И. И. Подлинная записка о донской экспедиции // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 14. – Одесса, 1888. – С. 78.

² Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 52. – Оп. 1/194. – Д. 261. Ч. 2. 1782 г. – Л. 4, 21.

³ Государственный архив Краснодарского края (Далее – ГАКК). – Ф. 250. – Оп. 2. – Д. 67. – Л. 14–15, 21.

⁴ ГАКК. – Ф. 250. – Оп. 2. – Д. 67. – Л. 85.

⁵ ГАКК. – Ф. 250. – Оп. 2. – Д. 111.

ния кочевого скотоводства – ни достаточного количества скота¹, ни земли, достаточной для кочевания. Их рвение к земледелию понятно: нужно было любой ценой закрепить за собой хоть какое-то место под солнцем.

Итак, ногайцы, попадая в разные экологические и политические условия в течение XVI–XVIII вв., продемонстрировали большую гибкость и высокие адаптационные возможности своей хозяйственной системы. Земледелие, находящееся в структуре этой системы, под воздействием внешних факторов могло увеличивать или уменьшать свои объемы. Но даже в случае его максимального увеличения (середина XVIII в.) не произошло окончательного перехода причерноморских ногайцев к оседлости: переселившись на правый берег Кубани в 1771 г., они резко сократили объемы земледельческого хозяйства. Полная седентаризация произошла у буджакских ногайцев, которые во второй половине XVII в. были насильственным образом приведены к оседлости и, переселившись в Восточное Приазовье, уже не пытались восстановить кочевание. Точно так же завершилось кочевание группы поселенных на Молочных Водах ногайцев: в 1808 г. их арбы были сожжены по приказу российского пристава де Мезона. Из этого можно заключить, что только насильственная седентаризация и длительное проживание в стационарных поселениях приводят к необратимому процессу превращения кочевника в земледельца; кочевническое земледелие, само по себе, не является фактором седентаризации.

¹ В каком-то количестве скот все-таки был, что видно по оказываемому черноморцами содействию в постройке зимовников и заготовлении сена.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ С НАРОДАМИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Э.Ш. Идрисов

Расселение ногайцев-карагашей в Астраханской губернии после ликвидации Калмыцкого ханства стало новым этапом их социального и этнокультурного развития. Важным аспектом становятся взаимоотношения с региональными властями, подчинение российским законам и общим правилам поведения, принятым или сформированным в ходе отношений с другими народами.

В дореволюционной литературе и архивных документах ногайцы-карагаши обозначаются как «кундровские татары» или «кундровцы». П.И. Небольсин трактует этот термин как «ногаец-припущеник»¹, в связи с подчинением их калмыкам. Здесь нужно также отметить, что карагаши – это одна из нескольких ногайских групп Астраханского края, которая исторически была связана с Малой Ногайской Ордой (Казыев улус), в отличие от других астраханских ногайских общностей: юртовцев, кундровцев и утаров, которые имели происхождение от Большой Ногайской Орды.

С 1771 г. ногайцы-карагаши находятся в отношениях с русской администрацией Красноярского уезда². Как пишет П.И. Небольсин «Вслед засим они близко познакомились с Астраханью, были подчинены исключительно заведыванию русского начальства, обложены натуральной повинностью и, с 1771 года, в течение не то 15-ти, не то 20-ти лет, отправляли почтовую гоньбу от Астрахани по кизлярской дороге на пространстве четырех перегонов, отчего и назывались они в актах «подводными татарами»³.

Практически до 1788 года тянулся вопрос о расселении карагашей и основании двух селений Ходжетаевки и Сеитовки. В 1774 г. в связи с общим неустройством быта карагашей возникла даже угроза бегства в казахские степи, о чем рапортовал их управляющий капитан-мулла Абдулла Жангуршин⁴.

Региональные власти, в целях повышения эффективности управления, всячески пытались проводить политику обоседления на землю ногайцев-карагашей. Это вступало в противоречие с полукочевым образом жизни карагашского общества. Так, в 1795 году управителю Кавказского наместничества П.М.Скаржинскому поступил рапорт от Красноярского нижнего земского суда о том, что ногайцы-карагаши Ходжетаевского селения продают свои дома, построенные им в 1788 году, «каковой поступок со всем противен прежде заведенному для них в заселении старанию господина бывшего правителя губернии, и кавалера Лариона Спиридоновича Алексеева»⁵. Смысл его заключался в том, что государство вело на свои средства строительство домов ногайцам-карагашам «дабы они сим возчувствуя спокойствие и земледелием занимались»⁶.

В ответ поступило повеление, в котором говорилось, что ногайцы-карагаши не только продавать дома не могут, но их старшины должны всех других «обселять» в дома. Далее следовало указание все проданные дома отобрать и вернуть их преж-

¹ Небольсин П.И. Иностранцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестник Императорского русского географического общества. – СПб., 1851. – Часть 2. Кн.4. – С.8.

² Там же. – С. 3.

³ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 3.

⁴ ГААО. – Ф.394. – Оп.1. – Д.4372. – Л.1.

⁵ ГААО. – Ф. 476. – Оп. 3. – Д. 792. – Л. 1.

⁶ Там же.

ним владельцам и впредь продажу домов ногайцами-карагашами другим лицам воспретить, кроме как самим ногайцам-карагашам¹.

Но, как видно из последующих документов численность стационарных жилищ ногайцев-карагашей возросла незначительно. По данным на 1865 год в селении Ходжетаевском было 169 домов и 930 кибиток, а в Сеитовском селении – 83 дома и 507 кибиток².

В контексте рассмотрения социального развития общества ногайцев-карагашей интересен вопрос об их численности. Согласно данным Н.М. Васькина «по 4 ревизии 1782 года ногайцев-карагашей насчитывалось 2155 человек обоего пола. К концу 90-х годов XVIII века, кроме Ходжетаевки и Сетовки ими были основаны аулы Берекет, Аралык, Найма, Ак Мечеть, Хариван и Канялы и общая численность достигла 11390 человек»³. О значительном количестве аулов карагашей разбросанных по большому пространству пишет и Ян Потоцкий. Эти возникшие укрепленные поселения не имели официального статуса, так как процесс формирования новых аульных административных центров начался только после середины XIX века, о чем будет сказано ниже.

По ревизии 1834 г. ногайцев-карагашей числилось 6281 мужчин и 4876 женщин⁴. Свою цифру на середину XIX в. приводил П.Небольсин. Он опирается на подсчет волостных голов и сельских старшин, и приводит цифру 6950 душ мужского пола⁵. В нашем распоряжении есть данные документа Астраханского государственного статистического комитета за 1855 год. В нем указывается такая численность ногайцев-карагашей: 1386 семей, 6264 мужчин и 4876 женщин⁶.

Поселившись на территории Астраханского края, ногайцы-карагаши продолжали вести полукочевой образ жизни: «зиму проводили, по примеру оседлых жителей, в двух обширных селениях Красноярского уезда: Сеитовке и Ходжетаевке, на реке Ахтубе и на протоке или рукаве ее, речке Берекет, выходящей из Ахтубы и в Ахтубу же впадающей.

Летом выходят они на кочевку и занимают неплодородные степи берега Волги...»⁷.

Весной перекочевки начинались в конце марта-начале апреля и продолжались примерно до октября. Выход на новую кочевку считался важным событием в жизни как общества в целом, так и каждой семьи в отдельности, и поэтому отмечался в торжественной обстановке: «семья зарежет лишнего барана, мужчины побольше напьются ойряна, ребятишки набьют желудки, девки и молодые бабы покрасивее оденутся»⁸.

В сезон летних перекочевок аул часто дробился на мелкие части, по несколько кибиток в каждом. Число кибиток группировалось вместе, находилось в зависимости от условий выпаса скота, наличия воды, близости населенных пунктов, с которыми ногайцы-карагаши поддерживали хозяйственные связи.

¹ ГААО. – Ф. 476. – Оп. 3. – Д. 792. – Л. 2.

² ГААО. – Ф. – 32. – Оп. 1. – Д. 108. – Л. 58.

³ *Васькин Н.М.* Заселение Астраханского края. – Волгоград, 1973. – С. 33. Вместо употребляемого Н.М.Васькиным «Найма» и «Канялы» скорее всего правильнее будет писать «Найман» и «Куянлы», так как указанные населенные пункты у ногайцев-карагашей возникли довольно рано, Куянлы с 1860 года получило административный статус.

⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Астраханская губерния. – СПб., 1852. – Том -5. Часть -5. – С.107.

⁵ *Небольсин П.* Указ. соч. – С.7-8.

⁶ ГААО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 64.

⁷ *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Низовья. – СПб., 1852. – С. 91.

⁸ Там же. – С.91.

Ногайцы-карагаши кочевали по степной левой стороне Ахтубы. На летних пастбищах они по мере использования свежей травы скотом меняли место стойбища: «Во время кочевок, они большую часть стоят на одном месте недели по две, по три и по четыре, пока далеко кругом не исправят всей травы. Поэтому пока кибитки стоят неподвижно, кундровцы скот свой пасут постоянно все далее и далее... Когда на одном урочище все луга будут истравлены, кочевники поднимаются, складывают кибитки и переносятся на новое место»¹.

В течение сезона карагаши то соединялись по несколько кибиток вместе, то напротив, разъединялись. Осенью же, как правило, собирались всем аулом вместе. Расстояние между летними и зимними кочевьями у разных аулов составляло 15-20 км и более.

Во второй половине XIX века ногайские аулы Красноярского уезда, образовавшиеся путем выселения из Сеитовки и Ходжетаевки, стали приобретать административный статус. Здесь можно назвать некоторые даты их оформления: из Сеитовки образовались такие аулы как Лапас в 1850 г., Куянлы в 1860 г., Ясын-Соқан в 1885 г., из Ходжетаевки такие аулы как Малый Арал в 1881 г., Большой Джанай в 1870 г., Малый Джанай в 1885 г., Подчалык в 1885 г. и др.² В памяти старожилов сохранились названия множества мелких аулов, которые ныне исчезли: Тоермалы, Кажгыр, Бакыр-Баш, Игынше, Карт-Кешув и др.³

Список аулов карагашей на начало XX века приводит и Владимир Пятницкий, в частности, он, пишет о том, что в это время образуются выселки карагашей поближе к городу, такие как Кири-Кили, Янго-Аул и Иш-Тамак⁴.

Рассмотрим теперь более подробно вопрос взаимоотношения ногайцев-карагашей с народами Нижневолжского региона. Еще в период кочевания в составе Калмыцкого ханства ногайцы-карагаши имели тесные связи с калмыками. Впрочем, после его ликвидации карагашско-калмыцкие отношения на этом не закончились. По свидетельству польского путешественника и писателя Я.Ю.Потоцкого за 1797 год, рядом с калмыками-хошеутами в Астраханской губернии кочевали ногайцы-карагаши и даже прибежали к суду калмыцкого князя Тюменя⁵.

В Государственном архиве Астраханской области сохранилось дело 1806 года о просьбе калмыцкого князя Тюменя Красноярскому земскому суду для присылки его сыну Сербиджабу двух людей из ногайцев-карагашей. Речь шла о Бегали Мустафаеве и Жимамбете Абиеве, которые приглашались в качестве переводчиков с казахского языка, так как Сербиджаб был отправлен для предохранительных мероприятий против набегов казахов на калмыцкие улусы⁶.

Взаимоотношения с калмыками отразились на материальной культуре ногайцев-карагашей. В заметках о ногайцах-карагашах приводимых немецким исследователем, членом Российской императорской академии наук П.С. Палласом, отмечается, что они под влиянием калмыков стали жить в разборных юртах по типу терме, до этого применяя неразборную малую юрту на колесах – отау⁷.

¹ Небольсин П.И. Указ. соч. – С.91.

² Опросные листы о селах Астраханского статистического комитета. – Астрахань, 1905.

³ Инф: Ракия Ажмухамедовна Утебалиева 1928 г.р.

⁴ Пятницкий В.Д. Карагаши (по материалам поездки 1927 г.). Землеведение. Географический журнал им. Д.А. Анучин. – Том-32. – Вып 3-4. – М., 1930. – С.156.

⁵ Потоцкий Ян Путешествие в Астрахань и Кавказские степи // Исторические путешествия по Волге. – Сталинград, 1936

⁶ ГААО. – Ф.1–. Оп.1. – Д.3651. – Л.2.

⁷ Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том.1 (избранное). – Астрахань, 2008. – С. 91.

С момента присоединения Букеевской орды в 1801 году устанавливаются более тесные отношения ногайцев-карагашей с казахами. Первоначально по причине увеличения контингента кочевых подданных между ними снова обостряется земельный вопрос. Для урегулирования этих отношений в 1806 году от 19 мая было издано Положение «О землях кочевых народов Астраханской губернии». Вопрос о размежевании земель тянулся почти всю первую половину XIX века. По этой причине между ногайцами-карагашами и казахами возникали земельные споры и несогласования.

Так, в деле «О возвращении кундровских татар с земли хана Букея» от весны-лета 1812 г. казахский хан Букей просит местные власти убрать с земли в районе Рын-Песков, отведенной для кочевий его подданных, группу кочующих на ней ногайцев-карагашей из селения Ходжетаевки. В ответ старшины карагашей доказывают свою правоту тем, что они кочевали в этом направлении уже много лет¹. При этом они откладывают свою откочевку с чужих земель, ибо «к возвращению ныне принадлежащей нам земли никаких мер и способов принять невозможно, потому что в Кочетаевском селении у жителей состоит скота конного, рогатого, бараньего, козьего, верблюдов пятьсот сорок восемь тысяч <...> Для одного безмерная жара и мучительность от насекомых да от Рын-Песков, дачи наши состоят не в близком расстоянии <...> исполнение сего повеления к кочеванию обратно можно как чрез один месяц, посему просим»².

Вопрос об окончательном размежевании земель между ногайцами-карагашами и казахами Букеевской орды решался еще в течение нескольких лет. По предложению генерал-губернатором А.П. Ермолова в 1818 г., линия разграничения земель между ними стала проходить «от горы Чапчачей до Телепневой ватаги»³.

Интересным аспектом ногайско-казахских взаимоотношений является факт включения в состав Букеевской орды представителей ногайцев-карагашей. По данным исследователя из Казахстана Н.Курумбаева причиной появления ногайцев-карагашей в Букеевской орде является приглашение их ханом Джангиром для постройки домов в Ханской ставке. Приближенность ногайцев-карагашей к казахским ханам, а также возможные близкие родственные отношения, подтверждают надгробные стелы, расположенные на одном холме с могилой хана Жангира. Возможно, они могли входить в состав рода «туленгут», выполнявшего функцию охраны хана, о чем говорит тот факт, что у них была схожая тамга⁴.

Еще один народ, с которым ногайцы-карагаши имели тесные отношения, являются туркмены. Еще в период основания Сеитовки и Ходжетаевки в конце XVIII века возникли земельные споры между карагашами и туркменами, о чем свидетельствует обширный документ фонда Губернской канцелярии Астраханского областного государственного архива.

Более тесными и менее конфликтными эти отношения становятся в начале XIX века. В Государственном архиве Астраханской области фонда Канцелярии Астраханского гражданского губернатора сохранились любопытные документы, которые свидетельствуют о зарождении этих контактов. Так, в одном из них за 1821 год туркменский старшина 13-ти кочующих кибиток возле Зензелей из племени игдыров Ильмет Ниязов просит Астраханского гражданского губернатора

¹ ГААО. – Ф.1. – Оп.3. – Т.2. – Д.450. – Л.6.

² Там же. – Л.9.

³ ГААО. – Ф.1. – Оп.11. – Д.192. – Л.36.

⁴ Курумбаев Н. Этнические группы Букеевской Орды // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Астрахань, 2006. – С.254.

И.И.Попова разрешение перейти с нагорной стороны на луговую сторону в Красноярском уезде, неподалеку от земли ногайцев-карагашей. Причина смены места жительства – нехватка пастбищных угодий для скота. На что разрешение от властей «по недостатку земель» не было получено¹. Но в документе 1826 года мы находим сведения о том, что в Красноярском уезде кочуют 150 кибиток туркмен из Астраханского уезда, при этом указывается то, что о настоящем числе можно узнать только после прибытия их на место зимовок².

Эти факты подтверждает П.И.Небольсин – исследователь народов Нижнего Поволжья середины XIX века. В частности, он характеризует степень взаимоотношений ногайцев-карагашей и туркмен: «Мангышлакские туркмены до такой степени сблизилась с ними, что трудно найти различия между ними во всем, что касается образа жизни, занятий, нравов и обычаев»³. В составе ногайцев-карагашей до сих пор сохранился род «туркпен», представители которого живут в поселках Кири-Кили, Сенном и, возможно, в других местах. Это, по всей видимости, переселенцы из исчезнувшего ныне села Иш-Тамак, где когда-то жили компактно туркмены (около 15 домов)⁴.

В контексте социального развития общества ногайцев-карагашей в XIX веке интересен сюжет, который прослеживается в архивных документах и литературе. Речь идет о попытке включения ногайцев-карагашей в состав Астраханского казачьего войска, которую можно рассматривать, как один из способов адаптироваться к существующим социальным условиям. Все началось с того, что наказной атаман М.А.Врубель в своем отчете о войске за 1849 год доложил, что численный состав войскового населения мал, в силу чего строевые части страдают неполнотой рядов, а наличные казаки испытывают большое обременение в деле исполнения многочисленных нарядов⁵.

31 декабря 1851 года, войско представило проект об управлении «кундровскими татарами» по обращению их в казачье сословие. Проект предполагал образовать из них отдельный полк, с присвоением ему четвертого номера, а «могущий быть избыток людей в нем, обращать на пополнение некомплекта в остальных трех полках». Для внутреннего управления предполагалось учредить одно полковое и два станичных правления⁶.

Позже предложение о включении ногайцев-карагашей в состав Астраханского войска нашел горячего сторонника в лице наказного атамана Н.П.Беклемишева. Некоторую поддержку он получал от астраханского губернатора Б.В.Струве, который писал главному управляющему Астраханской палаты государственных имуществ: «казачьему начальству представляется больше возможностей к скорейшему сформированию полка или команд из кундровских татар, чем из государственных крестьян, потому, что первые имеют уже лошадей, сбрую, к верховой езде привычны, хлебопашеством и промыслами почти не занимаются, а государственным крестьянам нужно еще очень много времени, чтобы обзавестись всем нужным для службы»⁷.

Поступил также на рассмотрение астраханского губернатора Б.В.Струве проект от некоего А.И.Верегина, который предлагал в связи с учреждением на реке Куме

¹ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 1398. – Л.1, 16.

² ГААО. – Ф. 1. – Оп. 7. – Т. 2. – Д. 2177. – Л. 27.

³ *Небольсин П.И.* Очерки Волжского низовья. – СПб, 1852. – С.147.

⁴ Информатор И.Х.Уразмухамедов, 1927 г.р.

⁵ *Бирюков И.А.* История Астраханского казачьего войска. – Саратов, 1911. –Часть II. – С. 8.

⁶ Там же. – С. 8.

⁷ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 8. Д. – 101. – Л. 4.

населенной кордонной линии от Астраханского казачьего войска переселить туда ногайцев-карагашей, так как «потребуется... усилить Войско в районе его земель»¹.

Основное решение о включении ногайцев-карагашей в состав Астраханского казачьего войска оставалось за Военным советом. Им были затребованы сведения «согласны ли будут эти татары перечислиться в казаки на предлагаемых условиях»², то есть имелось в виду, согласятся ли они войти в состав войска с тем, что бы «земли их обратить в общественное достояние войска»³. Поэтому Военный совет настоятельно требовал «отобрать от всех сказанных татар отзывы»⁴, согласны ли они будут на это присоединение.

Исполнение указанного распоряжения столкнулось с трудностями «по случаю раскочевки татар по разным местам, на далекое расстояние»⁵, которое можно было выполнить не раньше ноября, только после возвращения их на места зимовок. Далее поступил приговор от волостного схода ногайцев-карагашей об отмене желания вступать в Астраханское казачье войско, в связи с невозможностью заниматься своими традиционными промыслами⁶.

Впоследствии, как писал Астраханский губернатор Б.В. Струве «кундровские татары изъявив согласие быть причисленными к Астраханскому казачьему войску с тем условием, что бы за обществом их были оставлены все земли, состоявшие в пользовании»⁷.

Основой хозяйственной деятельности ногайцев-карагашей было скотоводство. В 1825 году они получили земли по новому межеванию границ, утвержденному 19 мая 1806 года, «и если с причислением кундровских татар к Астраханскому казачьему войску земля, находящаяся ныне в исключительном их пользовании, будет обращена в общий состав земель этого войска, с наделом их другим лицам казачьего сословия, кроме татар, и с отдачи части ее в оброчное содержание, то эта мера, лишит кундровских татар значительной части земель их, неминуемо подорвет благосостояние их». По этим соображениям губернатор Б.В. Струве полагал, чтобы при причислении кундровских татар войску, «им было оставлено в исключительное пользование земли, которым они наделены ныне, да полагать должно, что без этого кундровские татары едва ли согласятся на причисление их к Астраханскому казачьему войску»⁸.

В силу многих возникших затруднений и несогласований осуществиться проекту включения ногайцев-карагашей («кундровских татар») в состав Астраханского казачьего войска суждено не было. Рассмотрев все его положительные и отрицательные стороны в июле 1858 года, Военный совет оставил начатое дело без последствий, разрешив в тоже время принимать в войсковое сословие калмыков на основании Положения о них изданным 1847 году⁹. Дальнейший вопрос вхождения в казачье сословие со стороны ногайцев-карагашей решался частным порядком.

Взаимоотношения карагашей с другими группами астраханских ногайцев имели разный характер. Причина была связана с тем, что были существенные различия в их образе жизни. Так, известно, что к моменту расселения ногайцев-карагашей в

¹ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 8. Д. – 101. – Л. 15.

² Там же. – Л. 8.

³ Там же. – Л. 14.

⁴ Там же. – Л. 6.

⁵ Там же – Л. 6

⁶ Там же – Л. 13.

⁷ Там же – Л. 18.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Красноярском уезде Астраханской губернии юртовцы таких сел как Татарская Башмаковка, Карагали, Яксатово и др., перестали кочевать в весенне-летнее время и почти полностью осели на землю. Они строили деревянные дома и, в основном, занимались овощеводством и бахчеводством¹. Хотя при этом занимались скотоводством и сохраняли юрты как летние жилища². К середине XIX века в обществе юртовцев остались только незначительные группы, которые сохраняли полукочевой образ жизни, а все остальные окончательно осели на землю и даже возникла специализация в производстве земледельческой продукции по селам³.

Характер карагашско-юртовских взаимоотношений отразился в терминологическом определении, которое получили юртовцы от карагашей по причине несходства образа жизни. В карагашской среде юртовцев принято называть «кариле» (с ногайского «черные дома»), т.е. в смысле того, что юртовцы жили в деревянных домах. Между этими группами были налажены тесные хозяйственно-экономические связи. Юртовцы вели активную торговлю в карагашских селах, занимались меной кошм на сырые кожи и даже изготовливали арбы и оснастки для карагашских юрт⁴.

Исследователи отмечают культурное влияние этих групп друг на друга. Также отмечается факт проникновения в карагашскую среду через юртовцев татарской музыки и фольклора⁵.

От юртовцев отошла одна группа, которая обособившись, получила свое определение – кундровцы («кундрау-ногайлар») и установила более тесные связи с карагашами. Это выходцы из юртовского села Солянка, которые перешли на жительство на левый берег Волги и основали село Тулугановка на Рыче. Как отмечает П.И.Небольсин: «Тулугановские жители, с весны, отправляются в кочевку на земли Кундровских Татар (карагашей – примеч. Э.Ш.И.), по той необходимости и настоятельной надобности, что все их селение совершенно заливадается весенними разливами Волги»⁶.

В период между концом XVIII века и серединой XIX века окончательно определилась территория ногайцев-карагашей в Красноярском уезде, а также начался процесс образования отдельных менее крупных селений, помимо двух первоначальных – Ходжетаевки и Сеитовки. В хозяйственном комплексе крупных изменений не происходит, доминирует скотоводство с незначительным занятием земледелием. Общество карагашей этого периода сохраняло эндогамность. Этому способствовало правовое определение властями постоянного места жительства.

Ногайцы-карагашаи, включенные в систему межэтнических отношений и социального развития Астраханского края, представляли собой общество, находящееся на стадии полукочевого развития. Неминуемым в этой ситуации является постепенная трансформация кочевого быта, которая проходит под влиянием соседних оседлых народов. Различия или сходства стадиальных уровней существования сказываются на характере отношений с соседними народами, возможности установления связей или наоборот столкновения по причине конкуренции за производственные ресурсы.

¹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. – СПб., 1777. – Ч.II. – С.173.

² Там же. – С. 174, 175.

³ Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. – С.65.

⁴ ГААО. – Ф.1. – Оп. 7. – Т.2. – Д. 2177. – Л. 28.

⁵ См. автореферат канд. дисс. А.Р. Усмановой Этномузыкальные параллели татар и тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов). – Саратов, 2008.

⁶ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 54.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НОГАЙЦЕВ С ТЮРКСКИМИ НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Ю.М. Идрисов

Контакты ногайцев с тюркскими народами Северного Кавказа имеют древнюю и богатую историю. Во второй половине XIII в. асы и, упоминаемые Ибн Хальдуном, «умуки» (видимо искажение этнонима «кумуки») объединились вокруг командующего западным крылом Золотой Орды Ногая¹. Большинство исследователей отождествляют асов с северо-кавказскими аланами. В связи с этим, интересно мнение В.А. Кузнецова о происхождении асов от усуней Семиречья, среди которых крупнейшими родовыми группами считались асиги и гэшу. Название последних в свою очередь обнаруживает очевидную близость с названием киргизских родов ассыг и кучук². Н. Ходнев считал асов прямыми предками кумыкского рода тюмен³, который согласно ногайскому родословному преданию XIX в. имел общего предка с ногайским родом уйшин (уйсун), по имени Майкы-Бий⁴. Последнего в последнее время всё чаще идентифицируют с полководцем Джучи Байку-нойоном, возглавлявшим род хушин (уйшин). Возможно, упоминаемый в ногайских, казахских и кумыкских преданиях, владетель Капчыгая (село, существовавшее до землетрясения 1970 г. на севере Буйнакского района РД) уйсун Айсул сын Амета являлся его потомком.

Любопытно, что после смерти хана Тохты за находившимся на Северном Кавказе огланом (царевичем) Узбеком поехал кият Астай, чьё имя означает «асский»⁵.

Ногайцы называют Эльбрус Аскартау, а кумыки Асхартау, что в переводе одинаково значит «Снежная гора асов»⁶. Значительную роль асов в этногенезе ногайцев отмечает доктор исторических наук Р.Х. Керейтов, так он упоминает среди них большое количество родов с корневым именем ас (шомишли ас, тёрт уллу ас и др.)⁷.

В конце XVI в., несмотря на войны союзного с Большой Ногайской Ордой московского царя с Тарковскими шаухалами, ногайцы продолжали торговать с кумыками, подрывая тем самым блокаду Кумыкии объединёнными силами Москвы и Ирана. Как свидетельствовали русские воеводы города Терки: «И по Терку ногайские люди вызнали броды и перевозы и ездят ногайские люди в Кумыки и в Кизилбашскую землю (Азербайджан и Иран), а кумыкские люди провожают ногайских многих торговых людей в Кумыки и из Кумык»⁸.

¹ Золотая Орда в источниках (арабские и персидские сочинения). – М., 2003. – Т. I. – С. 173.

² Аликберов А.К. Эпоха классического Ислама на Кавказе. – М., 2003. – С.181.

³ Ходнев Н. Кавказской Тюмени и тюменах // Газета «Ёлдаш» – 27. 06. 2008.

⁴ Центральный государственный архив Республики Дагестан (Далее – ЦГА РД) – Ф. 105. – Оп. 5. – Д. 18. – Л. 64.

⁵ Мустакимов И.А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII-XV вв. по данным некоторых арабографических источников // Средневековые тюрко-татарские государства. – Вып. 2. – Казань, 2010. – С. 23-24.

⁶ Биттирова Т.Ш. Тюрки Северного Кавказа: проблемы этнокультурных связей. Известия Карачаевского научно – исследовательского института. – Вып. V. – Карачаевск, 2009. – С. 13.

⁷ Керейтов Р.Х. Асы-Алан в составе ногайского народа // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. – С. 134-135.

⁸ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 651.

В 1604 г. войска Бориса Годунова одновременно напали сразу на двух своих южных соседей Тарковское шаухальство и Малую Ногайскую Орду. Ногайцы и кумыки, объединив свои усилия, отбили агрессию грозного противника¹.

Первое значительное переселение ногайцев на соприкасающуюся с кумыками территорию Северо-Восточного Кавказа произошло, по аргументированному мнению крупнейшего специалиста в истории ногайцев В.В. Трепавлова, в последней четверти XVI в. при зяте шаухала Тарковского бие Уруссе². Этот брак на дочери шамхала (кумык. «шаухала») Тавлу-Бегим ознаменовал его присоединение к прокрымскому военно-политическому блоку Как указывается в русских источниках 1580-х гг. в это время «турской султан и крымский царь, Большие Орды нагаи заволжские и Казыев улус (тоже самое, что и Малая Ногайская Орда, располагавшаяся в междуречье Дона и Кубани), и кабардинские черкасы, и горские кумытские люди, сложась за один безпрестано в государеву землю приходили войною». В 1580-е гг. постоянной юго-западной границей Ногайской Орды, как свидетельствовал сын Уруса и Тавлу-Бегим Хан, являлась река Кума³. К югу от Кумы находилось малолюдное Тюменское княжество, ядро населения которого составляли кумыки из уже упоминавшегося выше рода тюмен⁴.

В первой половине XVII в. Большая Ногайская Орда столкнулась с надвигающимся с востока многочисленным войском калмыцких князей (тайш). Не сумев, в силу очередной внутренней распри, разбить противника, ногайцы вынуждены были постепенно отступать на Северный Кавказ. В частности, ногайский мурза Карашаим Иштереков скрылся в Кабарде у своего тестя князя Алегуки Шеганукова⁵. Узнав нав в 1635 г. о бедствиях постигших ногайцев, правитель Эндиреевского княжества (бийлика) Солтан-Мут (Султан-Махмуд) обратился к ногайскому кейковату Джан-Мухаммеду и мирзам его группировки с посланием, в котором им советовал: «близко быть к горам и к нам, чтобы вместе противостоять врагам, тем более что от отца вашего Исмаиля мы были други и братья»⁶.

Преследуя отступающих из Поволжья на Кавказ ногайцев разгромленной Большой Ногайской Орды, в конце 1643-начале 1644 гг. значительные отряды калмыков под командованием тайшей (князей) Орлюка и Лаузана перешли Волгу и продвинулись на юго-запад. Основные силы калмыков прорвались на территорию Кабарды и были там разгромлены объединённой армией Малой Ногайской Орды и их северокавказских союзников. Меньшая часть калмыков во главе с тайшой Даян-Ерки, 4 января 1644 безуспешно атаковала русскую Терскую крепость, в тот же день отошла от нее, переправилась через Терек на южную «кумыцкую» (так в документах) его сторону. Здесь калмыки двинулись на Брагунское владение, однако, встретив здесь кочевья мурзы Больших Ногаев Карашаима Иштерекова, напали на них и «погромили». Другие ногайские мурзы, Янмамет и Куденет успели укрыться в Эндирее.

¹ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и России в XVI-XIX вв. – Махачкала, 2003. – С. 115.

² Трепалов В.В. Указ. соч. – С. 364.

³ Там же. – С. 365.

⁴ Лавров Л.И. Кавказская Тюмень // из истории дореволюционного Дагестана. – М. 1976. – С.163; Трепалов В.В. Указ. соч. – С.62; Показательно, что в 1917 г. в газете «Горская жизнь», 2 (14) ноября 1917 г., публицист-кавказовед Л. Степанов писал: «кумыки основали в устьях Терека и Сулака два владения, Тюменское княжество и Тарковское шаухальство; См также: Османский (турецкий) реестр мусульманским владетелям Северо-Восточного Кавказа 1574-1586 гг. // Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. – Махачкала, 2008. – С. 143.

⁵ Бегаулов Р.М. Центральный Кавказ в XVII-первой четверти XIX века: очерки политической истории. – Карачаевск, 2009. – С. 105; Необходимо прибавить, что чуть позже его улус размещался вблизи кумыцкого селения Брагуны (равнинная территория современной республики Чечня).

⁶ Трепалов В.В. Указ. соч. – С. 422.

Под Эндиреем отряд Даян-Ерки вступил в бой с ногайцами и эндиреевскими кумыками, возглавляемыми Казаналпом сыном Солтан-Мута и, будучи наголову разбит, отошел в междуречье Терека и Аксая (так тогда назывался вовсе не современный Аксай, а один из протоков в дельте Терека). Приблизительно 20 января 1644 г. калмыки переправились обратно на северный берег Терека и ушли в Поволжье¹. Видя военную мощь пришельцев с востока, Романовы позабыли о своих бывших союзниках ногайцах, и всячески стали укреплять над ними власть калмыцких феодалов.

В 1651 г. по приглашению Сурхай-шамхала в Кумыкию из под Астрахани откочевал со своим улусом ногайский владелец Чобан-Мурза Иштереков. Для возвращения Чобан-Мурзы «под царскую руку» в Тарковское шамхальство было отправлено свыше семи тысяч царских солдат и дружины союзных Москве северокавказских феодалов. На Герменчикском поле, к северо-западу от Тарков, произошло кровопролитное сражение между царской и кумыкско-ногайской армиями, завершившееся победой шамхала и его ногайского союзника. Объясняя свой союз с ногайским правителем, шамхал Сурхай писал астраханским воеводам: «...мы, кумыки, от отцов своих, кунаков имеем и бережём»².

Ногайцы расселились в Кумыкии («на Кумыцком берегу») от устья Терека до устья реки Шура-Озень. Те ногайцы, которые «кочевали близ трёх отдельных лесов, называемых именем Караагач (чёрный лес), из которых один возле Брагунов, другой ниже Андреева (селения Эндирей), третий за Сулаком» получили название карагачи или по-другому кондуры³. В первой трети XVIII в. калмыцкие тайши вместе с казаками увели этих ногайцев к Астрахани в наказание за участие в борьбе против царских войск во время каспийского похода Петра I⁴.

Ногайский поэт Исмаил Маджарлы писал о той суровой поре в истории Северного Кавказа:

Ближайшему другу, отправив письмо,
С Кубани получив ячмень,
Из Кабарды получив конный отряд,
Прогоним врагов наших,
В Карачае наши братья
Пусть нашему войску
Сыр и сушеное мясо готовят,
Из Дагестана многочисленные кумыки
Пусть ко дню схватки не опоздают⁵.

Только сообща малочисленные народы могли противостоять регулярным армиям грозных противников. Кумыков и ногайцев объединяют общие национальные герои: поэт и руководитель народного восстания на Тереке в 1708 г. Аманхор сын Саид-Мухаммеда, герой Советского Союза Халмурза Кумыков, общие освободительные войны под началом Сурхай-Шаухала, Чобан-Мурзы, Мурата Кучукова, вышеупомянутого Аманхора, Адиль-Герей-Шаухала, Шейха-Мансура, Гази-Магомед и др.

В Терско-Сулакском междуречье остались ногайцы, подвластные феодалам, сохранявшим в первой трети XVIII в. российскую политическую ориентацию. Документация коменданта крепости Святой крест упоминает такие иштерековские аулы

¹ Шмелёв А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие политические отношения в XVII в.// Источник: Кавказ. Балканы. Передняя Азия. – Махачкала, 2004. – Вып.2 (9). – С. 228.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки. – Махачкала, 2005. – Т. II. – С. 262.

³ Шихалиев Д.М. Рассказ кумыка о кумыках. – Махачкала, 1993. – С. 22-23.

⁴ Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (Далее рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН). – Ф 1. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 36.

⁵ Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. – Махачкала, 2000. – С. 404.

под властью опального Айдемира Эндиреевского: Каясула, Чижиут, Явгул, и аул Урсеинов¹, который относился к владению шамхала Адиль-Гереея, за нападение на крепость Святой Крест в 1725 г. высланного на Кольский полуостров. По более подробному свидетельству немецкого учёного Гюльденштедта, относящемуся к 1770-м гг. в Кумыкии имелось 44 аула ногайцев, из которых 8 находилось под властью Аксаевских князей, 12 под властью эндиреевских (в их число традиционно включались и костекские)².

После переселения в конце XVIII века большей части кубанских ногайцев в Османскую империю, на Северном Кавказе осталось несколько обособленных групп ногайцев: караногайцы жили в Ногайской степи, населяя её основную часть; кумыкские ногайцы жили в пределах Терско-Сулакского междуречья, по западному берегу Аграханского залива, джембойлуковы, едисанцы и едишкульцы - в западной части Ногайской степи в пределах Ставропольского края; бештау-кумские ногайцы - на территории современных Минераловодского и Кочубеевского районов Ставропольского края; кубанские ногайцы - по долинам рек Кубань и Малый Зеленчук, в пределах современного Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики. Их основными соседями являлись адыги и казаки, в соприкосновении с тюрками Северного Кавказа находились, в основном, только кубанские и кумыкские ногайцы. Появился у ногайцев на Северном Кавказе и новый тюркский сосед – татары, которых царская администрация переселяла из Поволжья наряду с другими государственными крестьянами.

Нет сомнений, что из всех народов Северного Кавказа наиболее тесные литературные связи у ногайцев сформировались именно с тюркскими народами, то есть с кумыками, туркменами, карачаевцами и балкарцами, говорившими практически на одном с ними языке. Не случайно даже поэма «Тахир бла Зухура» карачаевского поэта Шауайланы Дауда-Хажии начинается с зачина:

Бу таурухну эшитдим
Идилни жагъасында,
Ногъай бла Къумукъда,
Бахчисарай къалада.

Это сказание (таварих) слышал я
На волжском берегу,
В Ногае и в Кумыкии,
И в крепости Бахчисарай.

Следует отметить, что контакты эти зародились ещё в период господства дописьменной, устной поэзии. Как пишет в своей монографии М. Джуртубаев: «Чаще других в эпосе встречаются этноним «ногайцы». Есть даже персонаж нартского эпоса Ногайчык, который представлен в нём могучим батыром, намного превосходящим в мощи даже Ёрюзмека»³.

Как пишет доктор исторических наук Д.С. Кидирниязов: «Ногайцы и кумыки – это наиболее близкие по языку, обычаям и истории северокавказские народы, что особенно ярко отражено у дагестанских ногайцев и кумыков. В художественном творчестве наиболее ранняя общность и взаимосвязь у этих народов наблюдается в фольклоре: проникновение к кумыкам сюжетов об Эдиге, Шора-батыре, Мамае, Адиль-Султане и др., а также ряд текстов казачьих песен, толгау и т.д.: влияние на

¹ Дела Андреевской деревни // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. № 560. – Л. 342.

² Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 584. – Л. 41- 42.

³ Джуртубаев М.Ч. Карачаево-балкарский героический эпос. – М., 2004. – С. 36.

ногайцев традиций кумыкского танца, поздних лирических песен. А также письменных произведений и др. так обращает на себя внимание близость во всех отношениях друг к другу ногойских фольклорных произведений из цикла «кыска казак йырлар» и кумыкских «къанка къазак йырлар», пословиц, поговорок и т.д. Широко бытует среди ногойцев и кумыков сказание об Аманхоре – в устной и письменных формах¹. Некий Биннакрадин сын Абдулмуслима перевёл на кумыкский язык ногойские сказания о Тохтамыше и Адиль-Султане Крымском².

Во второй половине XIX в. мусульманское богословие и тюркские языки на восточном факультете Санкт-Петербургского университета преподавал кумыкский поэт Мухаммат-Эфенди Османов. В свободное от преподавательской работы время М.-Э. Османов собрал богатый материал по кумыкскому и ногойскому фольклору, который был опубликован Академией наук в 1883. Это: «Песни», «Предание о Нарине и Чуре Батыре», «Предание о Тохтамыш хане», «Предание о Мирза Мамае», «Предание об Адиль Султане Крымском», «Предание об Эрго Ахмеде, сыне Айсулу», «Предание об Эсен-булате», пословицы, поговорки, современные и исторические песни кумыков. По словам А. И.-М. Сикалиева М.-Э. Османов собрал «полные и лучшие варианты ногойских дестанов» и ему принадлежит «выдающееся место в ногойской фольклористике», а его труд «оказал заметное влияние на последующих исследователей ногойского фольклора»³. Его можно по праву считать отцом кумыкской и ногойской фольклористики.

В середине XIX в. приставом караногайцев и ставропольских туркмен являлся кумык из селения Эндирей Девлет-Мурза Шихалиев, написавший работу «Народные юридические обычаи кочевых мусульман Ставропольской губернии» и «Рассказ кумыка о кумыках», в которых немало сказано о быте, общественном строе и адатах не только кумыков, но соседних с ними ногойцев.

«Прошение кумыкских ногойцев» свидетельствует, что ущемление интересов ногойцев на Кумыкской равнине началось только в конце XVIII – нач. XIX в., при активном соучастии царских административных органов. Конфликт был вызван изменением в структуре сельского хозяйства региона. Если прежде мериллом богатства, в том числе и у кумыков в первую очередь был скот, которым собирали налоги, взымали штрафы, расплачивались с кредиторами и т.д., что ставило ногойцев даже до некоторой степени в привилегированное положение, как лучших на Кавказе скотоводов, то в XIX в связи с ростом населения и проникновением капитализма резко возросла цена земли, ставшей основным объектом купли-продажи, аренды, залога и уплаты долгов. Эти обстоятельства обусловили стремление князей к расширению своих владений за счёт земель сельских общин, причём в первую очередь страдали общины их родных кумыкских и во вторую очередь менее плодородные земли ногойских сёл. Причём получив эти земли, вскоре распродали их в третьи руки (в основном русским, еврейским, немецким и другим предпринимателям и фермерам).

Ответом на такие притеснения была поддержка жителями Кумыкского округа идей газавата и мюридизма. Н.А. Волконский отмечал, что «андреевские и костеков-

¹ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногойцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – начале XX вв. – Махачкала, 2008. – С. 214.

² Там же (с ссылкой на Г.М.-Р. Оразаева).

³ Сикалиев А.И. Вклад русских исследователей в дело собирания и публикации ногойского фольклора//Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (филологические науки). – Вып. 3. – Черкесск, 2004. – С. 113, 117.

ские ногойцы примкнули к осаждающим крепость Внезапную». Многие из них вместе с восставшими эндиреевцами ушли вслед за имамом Гази-Магомедом в горы¹.

Другой формой протеста являлось переселение ногойцев из Засулакской Кумыкии в Шамхальство Тарковское. Они неоднократно заявляли царской администрации о своём стремлении к этому². Как указывает Д.С. Кидирниязов именно в Шамхальство Тарковское с Терека бежала в 1768 г. группа кизлярских ногойцев. В ответ на требование кизлярского коменданта выдать их шамхал написал: «издревле к дедам и к отцам моим от всяких сторон перебежавших людей никогда обратно отдаваемы не были»³. В отличие от кумыкских ногойцев тарковские ногойцы⁴ на своего сюзерена в царскую администрацию жалоб не подавали. Данные факты также доказывают, что имевшее в Кумыкском округе место ущемление носило не национальный, а исключительно экономический характер.

На наш взгляд неправильно смотреть на ногойцев как на пассивных и жертв притеснения. Это было не в их природе. Вот, в частности, что писал о них в начале XIX в. И. Дебу: «Сей народ, а особенно его мурзы, воинственен, неустрашим, способен переносить невероятные трудности и нужды, уметь управлять своим оружием, которое любит, сохраняет более всего; не боясь что-либо потерять, склонен к хищничеству и разбоям, ведёт жизнь подвижную, укладываясь и переносясь с одного места на другое с невероятной проворностью. При малейшей же тревоге в пути делает с величайшей скоростью из телег своих четырехугольное укрепление, внутри которого помещает своё имущество, жён и детей. И обороняется отчаянно, при том же имеет непременно правилом, что ногоец никогда не может быть невольником. Не было ещё примера, чтобы мурза или простой ногоец взят был в плен, ибо сие почитают они крайним бесчестьем, посрамляющим весь их род...»⁵.

Ущемление со стороны князей также никогда ни касалось байской верхушки ногойского общества. Напротив, как отмечала С.Ш. Гаджиева, кумыкские князья нередко отдавали своих детей на воспитание в ногойские семьи. Так аталыками многих из князей Эльдаровых являлись ногойцы. Ещё чаще им на воспитание отдавали своих сыновей князья Каплановы. В частности, в Мужукае воспитывался Салим-Солтан Капланов. Аталыки и эмчеки (молочные братья) Каплановых по богатству даже превосходили некоторых князей. Например, мужукайский ногоец Темирболат был состоятельнее владельца хутора Ахай-Отар костекского князя Ахая Хамзаева, чих сестёр и дочь он воспитывал в своей семье. По выражению информатора этнографа С.Ш. Гаджиевой старожила Ильяса Камбулатова: «Темирболат имел в два раза больше богатства, чем владелец отара Ахай-бий, сколько хотел, столько пахал, сколько хотел, столько косил, сколько хотел, держал скот»⁶.

В XIX в. крупнейшим селением ногойцев Терско-Сулакского междуречья являлось Тамаза-Тюбе. За ним шли по численности населения Геме-Тюбе, Тота-Юрт (часть населения переселилась из него в Каплан-Юрт (ныне Баба-Юрт)), Мужукай, Хасанай, Токсанак, Караяр-Аул, Кара-Озек, Оразгул-Аул, Янглибай, Иргаклы, Борла-аул, Казан-Кулак, Омар-Аул, Хабжай-аул, Карасакал, Найман, Аликазган-аул, Ялан-Гечув, Махмуд-Аул, Абдуразак, Имангазы, Балык-Аул, Бакыл-Куб, Толма-

¹ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногойцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. Махачкала, 2003. – С. 179.

² Центральный государственный архив Республики Дагестан (Далее ЦГАРД). – Ф.105. – Оп. 5. – Л. 30.

³ Кидирниязов Д.С. Указ. соч. – С. 177-178.

⁴ Термины «кумыкские» и «тарковские» ногойцы носят исключительно географическое значение, также как кубанские и астраханские и поименованы так по Кумыкскому и Тарковскому владениям.

⁵ Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь, 2008. – С. 54.

⁶ Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. – Махачкала, 1995. – С. 38, 57.

Куб, Золки, Байтыге, Князя Хамзаева и другие. Немало их жило тогда и живёт сейчас в общих с кумыками селениях Хасанай, Туршунай и Бабаюрт, в связи, с чем показательно, что два старейших квартала Бабаюрта и сегодня носят название Кумукавул и Ногайавул.

Сходство менталитета и родство обычаев, языков и комфортное соседство на Кавказе обусловили и то, что эмигрировавшие в XIX в. в Турцию кумыки, карачаевцы, балкарцы и ногайцы часто основывали общие селения. Например, в вилайете Токат в селении Джиханкой жуют кумыки и ногайцы. Совместные кумыкско-карачаевские поселения это Доган-Гайлы, Турхал (Торкали), Бахчи-Ташли, Ортакой в том же вилайете Токат, а также Доганджи в вилайете Хатай. В вилайете Адана существует селение Татарлар, в котором живут кумыки и ногайцы. Совместными кумыкско-ногайскими поселениями являются также сёла Атакой и Учгёзен в Токате¹.

Большое распространение получили смешанные браки между ногайцами и другими тюркскими народами Северного Кавказа. Например, известно, что ещё в 1552 г. ногайский эмир Исмаил женился на дочери кумыкского шаухала, От этого брака родился основатель княжеского рода Кутумовых Кутум-Мурза. Эмир Урус женился на дочери шамхала Тавлу-бегим. В середине XVII в. тарковский правитель Сурхай-Шаухал III женился на дочери ногайского князя Чобан-Мурзы. От этого брака родился Келемет, основатель кумыкских княжеских родов Келеметовых и Казаналиповых-Капчугайских².

Подобные браки были нередки не только между семьями правителей. Среди кубанских ногайцев известны кумыкские фамилии: Кумуковы, Муцалхановы, Мурзаевы, Нухнухаевы, Крымшамхаловы; родом из карачаевцев такие фамилии как: Хубиевы, Узденовы, Казаковы, Джазовы, Качиевы, Шамановы, Эбзеевы, Байрамуковы. Кумуковы большой дворянский род - сыйлы объден, по преданию являются потомками кумыкских мулл. В то время, когда многие князья имели по 100-200 кв. десятин земли, прапорщик Кумуков Абубекир, проживавший в 1870 в ауле Тохтамышевский, имел 500 кв. десятин. Род Кумуковых и по сей день имеет родовой квартал в ауле Икон-Халк (Тохтамышевский) - Кумук-ара³.

В свою очередь, среди карачаевцев есть фамилия Ногайлиевых (Карамурзиных), ведущая начало от ногайской аристократии. У кумыков существует фамилия Ногаев. К ногайским мурзам возводили свой род отдельные кумыкские аристократы⁴.

Учёным этнологом Б.Х. Кучмезовым в ЦГАДА обнаружено обращение Чегемских таубиев к царской администрации, в котором говорится о том, что они издревле происходят из Большого Ногая⁵.

Разнообразные контакты сложились у ногайцев со ставропольскими татарами, что получило отражение в заимствовании татарами значительного процента лексики и даже правил грамматики, что обусловило формирование особого говора у ставропольских туркмен. В частности, татарами были заимствованы у ногайцев причастные обороты и глаголы с окончанием «жак» (например, кияляжак, кюражак, табажак, баражак и др.). От ногайцев же они заимствовали послелог «сонг», окончание «ган» в глаголах прошедшего времени и такое емкое слово как «зат» - вещь, предмет», отсутствующее в литературном татарском языке. Как отмечал тюрколог Л.Ш.

¹ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: История и современность. – Махачкала, 2001. – С. 245-251.

² Алиев К.М. Корни нашего родства // Газета «Ёлдаш». – 20.05.2005.

³ Аслан-Герей. О кумыкских и карачаевских родах среди кубанских ногайцев// Алан-Хазар. – Махачкала, 2011. – С. 44-45.

⁴ Данный факт нуждается в детальном изучении, ввиду противоречия архивных и фольклорных данных по генеалогиям кумыкских дворян (сала-узденей).

⁵ Биттирова Т.Ш. Указ. соч. – С. 14.

Арсланов, влияние ногайского языка было обусловлено тем обстоятельством, что в момент переселения татар на Северный Кавказ (XVIII в.) ногайцы являлись самым многочисленным народом в регионе. Таким образом, автор, прямо не указывая на факт переселения ногайцев в Турцию в XIX в.¹, подводит самого читателя к мысли об этом. Л.Ш. Арсланов подчёркивает, большинство заимствованных слов относится к бытовой лексике и к словам, выражающим абстрактные понятия. Особенно это ощущалось в речи селения Камыш-Бурун и Куликовы Копани, в которых наряду с татарами проживали ногайцы и туркмены. Любопытно, что в 1786 г. вновь основанное татарское селение Малые Чапурники по невыясненным причинам покинуло шесть татарских семей, которые переселились на земли улуса ногайца Ильясголова и записались ногайцами².

Такие национальные блюда ногайцев, как бешбармак, шашлык, кумыс, йогурт, айран встречались и встречаются у карачаево-балкарцев и кумыков и, наоборот, некоторые их блюда вошли в быт ногайцев. Так, у бабаюртовских и костековских ногайцев популярными блюдами стали «долма» и «кюрзе», заимствованные у кумыков, а у кубанских ногайцев карачаевский «хычин».

Взаимоотношения ногайцев с другими тюркскими народами Северного Кавказа были плодотворными для всех контактирующих сторон. В общении друг с другом каждый из народов обогащал собственную культуру и равно одаривал взамен.

¹В 1970-е гг. подобные упоминания, выделявшиеся из общего хора трудов о «добровольном присоединении» народов Кавказа и их «вечной» дружбе с Россией, по меньшей мере, не приветствовались.

²Арсланов Л.Ш. О влиянии ногайского языка на татарские говоры Ставропольского края. – М., 1972. – №5. – С. 25, 26, 27, 28, 29.

ДИНАСТИЯ АДЕЛЬШИНОВЫХ (по материалам Государственного архива Астраханской области)

М.М. Имашева

Предреформенные десятилетия характеризуются ростом предпринимательской активности в стране в целом, и в отдельных регионах, в частности. Все активнее в предпринимательскую деятельность включаются крестьяне, представители различных национальностей, в том числе и тюркских народов Российской империи¹. Проявлением этого процесса в Астраханском регионе стала история астраханского купца Валита Адельшинова.

22 декабря 1842 года в Астраханской казенной палате был зарегистрирован Указ «о причислении в Астраханское 3 гильдии купечество юртовского татарина Валита Адельшинова (1790 г.р.) с сыном Ахметом (1826 г.р.), из юртовских татар Царевского селения»². С этого указа и начинается история династии купцов Адельшиновых.

В 1843-1862 гг. Адельшинов Валит состоял в 3 гильдии астраханского купечества. После изменения сословного законодательства в 1863-1889³ гг. Адельшинов Валит (до своей смерти в 1883 или в 1884 г.) и его старший сын Адельшинов Ахмет Валитович (до исключения в 1890 г. в мещане) состояли в постоянных астраханских 2 гильдии купцах.

О торговых интересах Валита Адельшинова позволяют судить книги записи кредитных доверенностей, представляемых астраханским купцам 3 гильдии, отложившиеся в фондах Астраханского архива. В 1842, 1843 и 1845 гг. он выдал три доверенности на торговлю мукой, «красным аршинным и иным бумажным товаром». Выданы они были «Киргизскому татарину» Шамету Айтуганову, приказчику купеческому брату Мустафе Измайлову и, приказчику, татарину Бухарского двора Исмаилу Кутлаеву. Адельшинов, как и все предприниматели-мусульмане этого времени, стремился в своих торговых операциях взаимодействовать только с единоверцами⁴. В дальнейшем, в 1857-1889-м гг., Исмаил Кутлаевич Кардашев сам являлся крупным астраханским предпринимателем, купцом 2 гильдии, гласным Городской Думы⁵, основателем собственной купеческой династии. По сведениям 1856 г., В. Адельшинов производил торговлю кирпичными чаями в 4 участке города. Там же, в 4 участке, 2 квартале он и проживал с семьей, в собственном двухэтажном доме, под №10⁶.

¹ См., например: Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань: Татар. Кн. Изд-во, 1999; Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татар. Кн. изд-во, 1977; Клейн Н.Л. Предпринимательство и предприниматели в России. – Самара, 1994.

² ГААО. – Ф.480. – Оп.2. – Д.194. – Л.1; Ф. 687. – Оп.1. – Л. 199; Д.2. – Л.2; Ф.687. – Оп.1. – Л.238; Д.14. – Л.1; Ф.542. – Оп.1; Д.9. – Л.1; Ф.480. – Оп.1. – Д.1620. – ЛЛ.1-52; Ф.94. – Оп.8. – Д.3. – Л. 4об.-5; Ф.480. – Оп.1. – Д.2005, Л.20об; Ф.480. – Оп.1. – Д.2006. – Л.12.

³ ГААО. – Ф.480. – Оп.1. – Д.2957. – ЛЛ.8, 1аоб; Ф.542. – Оп.1. – Д.13. – ЛЛ.1, 27, 53, 78; Ф.94. – Оп.1. Д.3430. – Л.47об; Ф. – 94. – Оп.1. – Д.5148. – Л.18; Ф. 94. – Оп. 1. – Д.31466. – Л.1.

⁴ Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. Сб. арх. Документов. – Ашхабад, 1963. – С.170.

⁵ ГААО. – Ф.542. – Оп.1. – Д.13. – Л.10; Д.15. – Л.21; Ф. – 480. – Оп.1. – Д.915. – Л.1; Ф.480. – Оп.1. Д.1044. – ЛЛ.117-119об., Ф.480. – Оп.1. – Д.1620. – ЛЛ.1-52.

⁶ ГААО. – Ф.94. – Оп.8. – Д.3. – Л.4об.-5.

В 1870 г. Валит Адельшинов зарегистрировал свидетельство купца 2 гильдии 2 класса и 3 торговых билета 4 класса, 1 торговый билет 2 класса. Его старший сын Ахмет – свидетельство купца 2 гильдии 2 класса и 1 торговый билет¹. В 1878 г. Валит Адельшинов зарегистрировал за собой свидетельство купца 2 гильдии 2 класса, 3 торговых билета 4 паспортных свидетельства сыновьям. Ахмет Адельшинов – свидетельство купца 2 гильдии 2 класса и 1 торговый билет².

Валит Адельшинов был грамотен, уверенно подписывал по-татарски³ и, даже, по-русски⁴ (для этого периода очень редкое явление для мусульман) различные документы, участвовал в делах городского управления. Так, в трехлетие 1849-1852 гг., он состоял членом Астраханской Торговой депутации, вместе с другим депутатом – видным астраханским купцом Осипом Мадатовым, составлял ежегодно ведомости и отчеты по «поверке торговли, производимой в городе»⁵. В 1860-70-х гг. в числе других астраханских купцов, участвовал в сословных собраниях в доме, занимаемом городской управой⁶.

В 1871-1874 гг. В. Адельшинов и его старший сын Ахмет были гласными Астраханской Городской Думы⁷. В это четырехлетие общественной деятельностью активно занимался уже последний. 14 января 1871 г. он был выбран членом торговой депутации Астраханской Городской Думы и вошел в комиссию по переоценке домов для поземельного сбора⁸.

Вместе с тем купец придерживался традиционных устоев ислама. У него была большая семья. Согласно записям 1859-1879 гг. у него было 4 жены: Марьям Салимжанова, Хатима Набиева, Гульсум Абдуллаева, Арифа Махмутова (все юртовские татарки); 2 дочери – Урхия и Зхария; и сыновей – Ахмет, Мухамет Амин, Ибрагим, Аджи Мухамет, Муся, Искак, Мухамеджан. В традициях шариата он воспитал и своих сыновей. У старшего сына Ахмета в 1886 г. было 3 жены, 4 дочери и сын⁹. У Мухамет Амина – 3 жены, 3 дочери и 2 сына¹⁰. Как правоверный мусульманин в 1857 году Валит Адельшинов на год покинул Астрахань и Россию, чтобы совершить хадж в Мекку¹¹.

На рубеже XIX и XX веков в предпринимательство включаются сыновья и внуки Валита Адельшинова. Среди лиц, выбравших из астраханской городской управы документы на право торговли и промысла по мелочному торгу в 1891-1892 гг., значатся: Адельшинов Ибрагим Валитович, Адельшинов Ахмет Валитович и Адельшинов Мухамеджан Валитович, астраханские мещане¹². Но торговые обороты, видимо, в результате раздела отцовского капитала, у младших Адельшиновых были небольшими.

Четыре сына Валита Адельшинова и Марьям Салимжановны Адельшиновой: Иска, Ибрагим, Муся и Мухамеджан, получили после смерти отца общую долю на четверых. Она включала в себя следующее недвижимое имущество (по описи 1908 г.), находившееся в 6 участке города Астрахани, на берегу р. Царев, в 17 околотке

¹ ГААО. – Ф.480. – Оп.1. – Д.2959. – ЛЛ, 5об., 41, 68 об.

² ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.34339. – Л.13.

³ ГААО. – Ф.480. – Оп.1. – Д. 915. – Л.1.

⁴ ГААО. – Ф.480. – Оп.1. – Д.3008. – Л.11.

⁵ ГААО. – Ф.480. – Оп.1. – Д.1346. – Л.14.

⁶ ГААО. – Ф.480. – Оп.1. – Д.3008. – Л.11.

⁷ ГААО. – Ф.480. – Оп.1. – Д.2984. – Л.1.

⁸ Астраханские губернские ведомости. – 1871. – №4.

⁹ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.6630. – Л.72-73.

¹⁰ ГААО. – Ф.480. Оп.1. – Д.2005. – Л.20об; Ф.94. – Оп.1. – Д.34295. – Л.3об; Ф.94. – Оп.1. – Д.4561. – Л. 53об.

¹¹ Астраханские губернские ведомости. – 1857. – №21.

¹² ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.32696. – Л.1-4, 8.

(между Затонной и 23-Поперечно-Царевской улицами): 1) дворовое место, размерами 38 сажени 2 аршина в длину и 34 сажени в ширину; 2) на нем каменная кузница в 3 двери и с тремя трубами, «мерою по улице 8 сажений, длиною и шириною 3 сажени, высотой 1 сажень» (сдавалась в аренду за 12 рублей в месяц); 3) 4 амбара с 8 дверями, крытые на два ската, длиною в 18 сажен, шириною 17 сажен, высотой 4 сажени; 4) 4 флигеля из днища, обшитых тесом, крытые на два ската с тесовыми коридорчиками (отдавались в наем под квартиры от 3 до 5 руб. в месяц); 5) со стороны Затонной улицы два амбара из днища, крытые на два ската, с полами и дверями; 6) большие ворота, двух растворные, тесовые¹.

После смерти матери те же четыре брата, совместно, унаследовали недвижимость в 5 участке, 78 околотке, по 1-Армянской улице (по описи 1908 г.): участок 9 на 8 сажений, на дворе два флигеля из днища, крытые на два ската, в две комнаты каждый, с печью, внутри не крашенные (приносили доход до 10 рублей в месяц); два небольших тесовых амбара, без полов. На соседнем участке располагался дом Ибрагима Адельшинова².

Коммерческие интересы семьи, судя по архивным данным, так или иначе, были связаны с обработанными продуктами скотоводства. Видимо, у Адельшиновых сохранялись достаточно прочные связи с юртовскими татарами пригородных селений, которые и поставляли им сырье. Занимались они также и торговлей кирпичным чаем и другими бакалейными товарами.

Действительно, в 1891-1893 гг. Ибрагим Валитович Адельшинов торговал простыми мерлушками и кошмами во 2 участке в доме Репина по Паробичебугорной улице, годовой оборот его предприятия составлял 6000 рублей в год и давал 900 рублей дохода. В этом же доме арендовал помещение и Ахмет Валитович, осуществлявший торговлю войлочным товаром и кирпичным чаем. Его торговля простиралась на 7000 рублей в год и давала 1050 рублей. Мухамеджан Валитович содержал мануфактурную и мелочную торговлю на Буткалинском промысле в Астраханском уезде, с годовым оборотом в 5000 и доходом в 350 рублей в год³.

В 1896-1897 гг. Мухамеджан Валитович Адельшинов торговал кошмами во 2 участке города и арбузами на Малых Исадах в 1 участке. Мухамет Амин Валитович Адельшинов с сыном Аликбером содержали кумысные лавки в 4 участке, на Больших Исадах. Сын Ибрагима Валитовича - Адельшинов Даут Ибрагимович по-прежнему торговал чаканами и кошмами во 2 участке, в доме купца Репина. Сын Ахмета Валитовича – Адельшинов Закир Ахметович там же содержал торговлю мерлушками. Сын Искак Валитовича – Сагит, содержал мелочную лавку в 5 участке, в собственном доме.⁴

В 1907 г. у Мухамеджана Валитовича Адельшинова в 5 участке г.Астрахани была зарегистрирована тулупная мастерская, на основании промыслового свидетельства 7 разряда⁵ и торговля теми же тулупами во 2 участке, по свидетельству 3 разряда⁶. Также тулупами торговал Мухаммед Амин Валитович, во 2 участке города⁷.

В 1907-1909 гг. в Астраханской Городской Управе промысловые свидетельства 3 разряда на торговые предприятия выбрали астраханские мещане Адельшинов Иб-

¹ ГААО. – Ф.33. – Оп.1. – Д.1425. – Л.4-4об.

² ГААО. – там же. – Л.10-10об.

³ ГААО. – Ф. 687. – Оп.2. – Д.2769. – Л.1.53.

⁴ ГААО. – Ф.94. – Оп.13. – Д.37. – Л.7; Ф.94. – Оп.1. – Д.32973. – Л.1об-8об.

⁵ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.33463. – Л.3.

⁶ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.33466. – Л.6об.

⁷ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – О.35054, 1-9об.

рагим Валитович и Адельшинов Даут Ибрагимович (для торговли чаканами, кошмами, мерлушками и «другим товаром» во втором участке города, в собственном доме, склады располагались там же). Всего 2 торговых свидетельства и 2 свидетельства на содержание складов¹.

Ибрагим Валитович Адельшинов имел довольно значительную недвижимость в Астрахани, кроме дома во 2 участке, занятого под торговлю и склады, он владел также домом на Набережной канавы, где проживал с семьей, и большим домом в 5 участке на Старо-Заливной улице. В начале XX века помещения этого дома сдавались разным лицам (в основном, татарам) под лавки, магазины и мастерские. В 1904 г. помещения здесь занимали: Бахтияр Хусяинов, крестьянин Казанской губернии, под бакалейную лавку, с платежом 144 руб. в год; Шарафетдин Багаутдинов, крестьянин Казанской губернии, под бакалейную лавку, с платежом 108 руб. в год; Абузякир Абдрафиков, крестьянин Пензенской губернии, под портновскую мастерскую, с платежом 180 руб. в год; Амирхан Гайнуллин, крестьянин Нижегородской губернии, под портновскую лавку, с платежом 120 руб. в год; Нугайбек Усманов, крестьянин Пензенской губернии, под чуречную, с платежом 204 руб. в год². Нетрудно подсчитать, что только от сдачи в наем помещений Ибрагим Адельшинов имел 756 руб. в год чистого дохода.

Как российские подданные старше 25 лет, владевшие в городе недвижимым имуществом и содержавшие торговые заведения, Адельшиновы имели право участвовать в выборах в городское самоуправление³. В списках избирателей гласных в Астраханскую Городскую Думу на четырехлетие с 1891 г. по 3 разряду числятся сразу 8 представителей этой семьи, сыновей и внуков основателя династии: Адельшинов Ахмет Валитович, купец; Адельшинов Аджи Мухаммед Валитович, купец; Адельшинов Валит Аджи Мухаметович, купеческий сын; Адельшинов Ибрагим Валитович, купеческий брат; Адельшинов Мухамеджан Валитович, купец; Адельшинов Измаил Мухамеджанович, купеческий сын; Адельшинов Мухамет Амин Валитович, мещанин; Адельшинов Муся Валитович, мещанин⁴. Здесь мы можем видеть начало перехода представителей семьи из купеческого сословия в мещанское.

Видимо, после смерти главы семьи в 1883 или 1884 гг., произошел раздел имущества между 6 сыновьями, что привело к измельчению капитала и потомки Вали-та Адельшинова, не выдержав конкуренции, вынуждены были изменить свой словесный статус. После городской контрреформы 1892 г. и изменения Городового Положения⁵, Ибрагим Валитович Адельшинов со своими сыновьями попал в списки избирателей, имеющих право участвовать в избрании Гласных Астраханской Городской Думы на четырехлетие с 1897 г. по 5 полицейскому участку, составлявшему 5 избирательное собрание, г. Астрахани на основании имущественного ценза. Недвижимое имущество его составило всего 1760 руб.⁶

Ибрагим Валитович, Даут Ибрагимович и Закир Ахметович (1869 г.р.) Адельшиновы, как домохозяева и торговцы, состояли в списках лиц, «имеющих право участвовать в выборах гласных Астраханской Городской Думы» по 5 участку в 1900, 1904, 1908 и 1912 годах, уже как мещане⁷. В первые десятилетия XX в. ни

¹ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.33466. – Л.4. – Д.33517. – Л.4.

² ГААО. – Ф.687. – Оп.1. – Св.375; Д.16. – ЛЛ.14 об.-15, 32об.-33, 39об.-40, 59об.-60.

³ Городовое положение 16 июня 1870. – СПб; М., 1871.

⁴ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.34574. – Л. 28-28об.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 3-е. – Том XII. – № 8708.

⁶ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д. 34685. – Л.15.

⁷ ГААО. – Ф.480. – Оп.1. – Д. 3171. – Л.112-117об.

один из Адельшиновых уже не состоял в купеческом звании. Тем не менее, своим детям старшие представители фамилии старались дать достойное образование. Сыновья Искака, Мухаммед Амина, Муси, Ибрагима в начале XX века уверенно писали по-русски, составляли прошения в различные учреждения¹.

Еще один сын – Адельшинов Муся Валитович, также значившийся в астраханском мещанстве, в 1911 г. взял свидетельство на личные промысловые занятия 5 разряда, он служил приказчиком у торговца кожами Ахметова². Внук Адельшинов Якуп Мухамеджанович в 1906 г. в 4 участке города завел кумысную торговлю³, другой – Адельшинов Сагит Искакович, в 1907 г. открыл кухмистерскую в 4 участке на Набережной реки Кутум, в доме Тимофеева. Это было небольшое заведение, с которого взимался налог в 65 рублей в год⁴.

В 1901 г. умер Аджи Мухамет Валитович⁵, Искак Валитович Адельшинов скончался в мае 1908 г. После него осталась вдова Камбур, сын Ильяс (1885 г.р.), три дочери – близнецы Уммугульсум и Рукия (1897 г.р.), Хава (1907 г.р.). Астраханский Сиротский суд установил опеку над имением умершего, ввиду несовершеннолетия наследниц. Из материалов дела видно, что активное участие в судьбе семьи дяди принял Ахмеджан Аминович Адельшинов, составлявший прошения от имени вдовы, участвовавший в качестве понятого при составлении описи имущества⁶.

Имущество Искака Валитовича на момент его смерти составляла недвижимость: 1/4 часть от унаследованного совместно с братьями, о которой мы говорили выше; а также дворовое место в 5 участке города по 1-Беломечетной улице на правой стороне под №56, длиной 8,5 сажений, шириной 10,5 сажений. На дворе месте располагались: 1) деревянный одноэтажный дом, о пяти окнах, частью обшитый, крытый на два ската тесом, состоял из одной комнаты с коридором, теплым амбаром и кухней о шести дверях, с двумя печками и жилой комнатой внутри; 2) одноэтажный флигель о четырех окнах из днища, не обшитый, крытый на два ската тесом, при нем каретники с двумя распашными дверями с полом, с одной русской печью; 3) три тесовых амбара, «построенные глаголем», крытые на один скат, без пола. Из описи движимого имущества следует, что Искак Адельшинов занимался ростовщичеством, так как в описи перечислены 5 векселей (от разных лиц, мусульман) и заемное письмо на общую сумму 708 рублей, а также перина, подушки, самовар, ковер, сбруя, лошадь, тележка, принятые Адельшиновым в обеспечение долгов от заемщиков⁷.

После 1916 г. в фондах архива о представителях династии сведений не отложилось. Но нам представляется, что все они, как и остальные жители империи, стали участниками последующих событий, которые до основ потрясли Россию. Не исключаем также мысли, что и сегодня в Астрахани живут потомки этой семьи.

¹ ГААО. – Ф.33. – Оп.1. – Д.1425. – Л.1, 6, 7.

² ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.33714. – Л.3об.

³ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.35054. – Л.1-9об.

⁴ ГААО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.33468. – Л.46.

⁵ ГААО. – Ф.33. – Оп.1. – Д.1791. – Л.1.

⁶ ГААО. – Ф.33. – Оп.1. – Д.1425. – Л.1, 7, 10.

⁷ ГААО. – Ф.33. – Оп.1. – Д.1425. – Л. 7-7об.

КОМПЛЕКС ТРАДИЦИОННОЙ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ XVIII – XX ВЕКОВ

Ф.Ю. Канокова

Национальная культура и искусство - это многокрасочный портрет народа, его история. И, как потеряв свои корни, гибнет дерево, так и народ становится безликим и бездуховным, утратив связь с прошлым, культурой. По-своему ярка и самобытна традиционная культура ногайцев-карагашей, представителей Малой Ногайской Орды, с конца XVIII века населявших Астраханский край. В течение многих веков формировалось их мировоззрение, мировосприятие, уклад жизни, традиционные занятия, нормы этики и морали, народное искусство. Национальная одежда карагашей вобрала в себя все лучшее, что смогли создать искусство и талант народных умельцев на протяжении веков. В ней нашли отражение образ жизни народа, уровень его производства, эстетические идеалы, отчетливо прослеживается влияние тех этнических компонентов, из которых исторически сложился ногайский народ. Безусловно, на традиционный костюм ногайцев-карагашей большое влияние оказал, прежде всего, кочевой образ жизни. Народные «дизайнеры» создавали одежду такой, чтобы она была удобна для езды на коне, согревала в зимнее время года и не была жаркой и тяжелой летом.

В отличие от одежды некоторых других групп ногайцев, костюм карагашей лаконичен, прост в композиции, целесообразен и отличается строгой нарядностью. Древнейшими традиционными материалами для изготовления одежды у ногайцев-карагашей были шкуры, кожа, шерсть домашних животных, тонкий войлок, сукно, которые они изготавливали сами. Использовали, в основном, овчину, реже шкуру коз и жеребят, головные уборы шили также из меха или сукна. Обеспеченные люди шили одежду из привозных материалов – шелка (наиболее распространенными были шелка красного и желтого цветов), парчи, бархата. Широко в одежде использовались хлопчатобумажные ткани. От контактов со среднеазиатскими купцами в среду карагашей стали проникать узбекские халаты и ткани для женской одежды. Также проникали в карагашскую среду и предметы татарской одежды, такие как женская расписная обувь или мужские тюбетейки¹.

О мужской одежде астраханских ногайцев, составили представления авторы XVII в. А. Олеарий, Я. Стрейс. «Все они, - пишет Олеарий, - носят длинные кафтаны частью из серого сукна, частью - особенно ногайцы – шубы и шапки из овечьей кожи, вывернутым наружу мехом»². Аналогичные сведения передает и Я. Стрейс, проезжавший через земли ногайцев спустя примерно 30 лет после А. Олеария.

Полный комплекс мужской одежды середины XIX в., по описанию одного из первых исследователей ногайской культуры А. Архипова, выглядит так: «Люди богатого и посредственного состояния надевают обыкновенно сверх белья бешмет или архалык (къаптал) желто-полосатого, зеленого или синего цвета, а в холодное

¹ Идрисов Э.Ш. К этнокультурному развитию ногайцев-карагашей // Традиции живая нить (сборник материалов по этнографии Астраханского края). – Вып. 11. – Астрахань, 2005. – С.32.

² Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. – Спб., 1906. – С. 404-405.

время года шубы (тон-шуга), покрытые синим или черным сукном и даже плисом; летом какой-нибудь халат, нередко шелковый и на шелковый же бешмет, стянутый ремненным поясом (бельбеу), а чаще кушаком, с привешанным к нему ножиком (пшяк) в черных или красных ножнах. Синие нанковые демекитоновые штаны (стан), баранья шапка (боьрк) с круглою верхушкой, крытою сукном, иногда под него аракетин или ермолка, шитая мишурою, черные сафьяновые чулки, а на них черные или красные сафьяновые с толстыми подошвами и увесистыми подборами башмаки... вот общий характерный костюм ногайцев... некоторые из молодых людей носят черкески или чекмени из белого и желтого сукна домашнего изделия, без газырей и даже порой с газырями на груди...»¹ Одежда бедняков по утверждению автора, грубая, изношенная, изготовленная из материалов домашнего производства, а обувь – «мужицкие или солдатские сапоги, купленные где попало»².

В. Пятницкий (по материалам поездки в 1927г.) тоже оставил описание мужского костюма карагашей: «По костюму мужская половина карагачей частью походит на татар, частью одевается на городской манер. На стариках можно еще увидеть характерные шапки с околышем в виде толстого обруча. Носят их и старухи. Разница лишь в материале. У первых они из овчин, а у вторых — бобровые. Вешают такие шапки до 4кг и больше»³.

Мужской костюм карагайских ногайцев окончательно сформировался к середине XIX в., к этому периоду он приобрел основные формы и художественный облик. Одежду этого периода можно подразделить на нательную, верхнюю, а также повседневную, праздничную и ритуальную. Карагайские мужчины обычно носили шаровары, жилетку, поверх неё бешмет, подпоясанный кожаным или матерчатым кушаком. На ноги надевали кожаные калоши или сафьяновые «ичиги»⁴.

Тип нательной одежды мужчин-карагашей до второй половины XIX в. неизвестен. Предположительно они могли носить рубахи, но распашные. С.А. Плетнева, изучавшая половецкие каменные изваяния XI-XIII вв., писала, что «у половцев и мужчины, и женщины носили под кафтаном длинную исподнюю рубаху с длинными рукавами»⁵. Известно, что именно от степных кочевников идет обычай ношения штанов как мужчинами, так и женщинами. Этот обычай, когда-то связанный с необходимостью езды верхом, сохранился у многих народов.

Мужчины носили нательные рубахи двух типов, нижние и верхние штаны. **Рубаха** туникообразной формы, доходившая до колен, получалась в результате одного из древних приемов кроя. При этом складывалось целое полотнище ткани; в плечах она не сшивалась, а делался просто разрез для головы. Под прямым углом к основному полотнищу пришивались сложенные вдвое рукава с ластовицей – ромбовидным клином под мышкой. Рубахи шили из ситцевых, хлопчатобумажных тканей и бязи, они были настолько искусно сшиты, что их невозможно было отличить от фабричных. Д. Шлаттер с удивлением писал, что «ногайцы носят белые холстяные рубашки, которые сшиты так, что нигде никаких складок нет»⁶. Подобный способ шитья назывался «онълеп тигуьв». Нательная рубаха ногайцев-

¹ *Архитов А.* Этнографический очерк ногайцев и туркмен. Кавказский календарь 1859. – Тифлис, 1858. – С. 353.

² *Архитов А.* Указ. соч.. – С. 353.

³ *Пятницкий В.* Карагачи (по материалам поездки в 1927 года) – Землеведение. Географический журнал им. Д.Н. Анучина. – Т. 32. – Вып. 3-4. – М., 1930. – С.158.

⁴ *Викторин В.М., Идрисов Э.Ш.* Астраханские ногайцы. // Республиканский научно-популярный журнал «Возрождение. Прошлое, настоящее и будущее народов Дагестана» №9. – 2006. – С. 25.

⁵ *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния. САИ, вып. Е 4-2 – М., 1974. – С.25.

⁶ *Schlatter D.* Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem Südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. – St. Gallen-Bern, 1836. – P. 218.

карагашей была широкой и длинной, имела воротник. Основным материалом для мужских рубаш был домотканый белый холст или пестрядь, которые с распространением фабричных тканей заменяются преимущественно ситцем и сатином.

Нательные штаны (балакъ) по покрою представляют собой широкоизвестную поясную одежду, характерную для многих тюркоязычных народов, получившую в этнографической литературе название «штаны с широким шагом». Они были весьма удобны для верховой езды, без чего не обходился кочевой скотоводческий быт. Их шили из легких тканей - холста, бязи, сатина, обычно использовали одно-тонные покупные ткани или материю в полоску. Шили такие штаны без боковых швов, в верхней части широкими, собранными на вздержке и сужающимися книзу. Штаны делались с прямыми штанинами – балакъ, с широкой вставкой (явлыгав) между ними четырехугольной формы (36x40см); кроме того, от большой вставки по обе стороны почти до нижнего края штанины шла еще узкая вставка треугольной формы. Штаны делали на вздержке из самодельной тесьмы – ышкыр ыстанбав – из шерстяных ниток, шириной в 4-5см, стягивались штаны на бедрах. Тесьма имела на концах кисточки. Иногда использовали толстый шнур или веревку с кисточкой на концах.¹

Нередко нательная одежда выполняла функцию верхней. В ней ногаец мог выйти летом на улицу, сходить в дом односельчанина, пойти в поле. Особенно это касалось поясной одежды. Поэтому ее старались шить из плотной ткани. Богатые ногайцы, носили **верхние штаны** – шалбыр. Они имели такой же покрой, как и нижние, но шились из более добротных фабричных полушерстяных и хлопчатобумажных тканей или из сукна лучшего качества². Из обработанных овечьих, чаще жеребчых или козых шкур шерстью внутрь шили зимние штаны (сакьсыр). Штаны заправляли в сапоги (этик)³. Верхние штаны шили из верблюжьей домотканной материи и кожи. Их расшивали шелковыми узорами растительного орнамента, концы нередко обшивали красивой тесьмой, галуном, оторачивали мехом. Кожаные нарядные штаны носили навывпуск.

Одним из основных элементов верхней одежды ногайца, который носили поверх рубашки осенью, зимой и весной, считался **бешмет** – къаптал. П.Небольсин так описывал в середине XIXв. костюм ногайцев, известных под именем кундровских или карагаш-ногайцев, кочевавших по реке Ахтюбе близ Астрахани: «Верхняя одежда состоит из бешмета или коротенького полукафтання, на него надевают куртку, тот же почти бешмет, только подлиннее первого».⁴ Бешмет, имеет описание и в книге «Ногайцы» - богатые у степных ногайцев носили бешмет (къаптал), сшитый из хорошего сукна и служивший летом верхней одеждой. Он шился в талию, а ниже пояса расширялся за счет шести клиньев (атлы шабув). По бокам делали разрез (йырмаш) длиной 12-14см. Къаптал имел стоячий воротник и застегивался пуговицами из тесьмы – туьйме. Мужчины, независимо от возраста, носили длинные бешметы.⁵ Шили бешметы из сукна домашнего изготовления или (чаще) из покупных тканей – ластика, сатина, шерсти, атласа, шелка, бедные – главным образом из бязи (боьз), выкрашенной в черный и серый цвет. Бешметы обычно простегивали. Они имели матерчатую подкладку, нередко утепленную тонким слоем шерсти.

¹ Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М., 1976. – С. 99.

² Там же. – С.102.

³ Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. – М., 1957. – С. 99.

⁴ Небольсин П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестник Императорского русского географического общества. – СПб., 1851. – Ч II. – Кн.4. – С.9.

⁵ Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Ставропольское книжное издательство, Карачаево – Черкесское отделение. 1988. – С. 121-122.

Поверх бешмета в холодную погоду надевали *черкеску* (шепкен). Ее шили при-таленной и цельнокройной, сильно расклешенной ниже талии за счет вставных клиньев. Изготавливали ее преимущественно из домотканого сукна темного цвета. Черкеску обычно подпоясывали ремненным поясом (белбав), к которому прикреплялся большой азиатский нож (пышак). В более ранний период ногайцы пользовались и матерчатыми поясами – кушаками. С.Г. Гмелин отметил локальные особенности черкески астраханских ногайцев. Он, в частности, писал, что рукава их верхнего кафтана, т.е. черкески, «сделаны при сгибе локтя прорезями»¹, имея в виду, очевидно, откидные рукава. Судя по тем же описаниям, ногайские черкеска и бешмет в более ранний период не имели застежек, а запахивались и подпоясывались ремнем. В качестве пояса повязывали платок, сложив его по диагонали.

Верхняя выходная одежда ногайцев - карагашей различалась главным образом по материалу: халаты шили из ткани, плащи - из домотканного сукна и войлока, зимнюю одежду - из меха. Многие ногайцы, особенно среднего и старшего возраста на рубаху, под кафтан, надевали доходящую до талии *безрукавную куртку* – кыыспа, куурте тон – типа татарского, башкирского камзола и казахского «дженсиз»².

Одним из главных предметов одежды ногайца был просторный длинный халат, его шили из разнообразных тканей, легких и плотных, различных расцветок, но преимущественно однотонных или более темных. Внутри его утепляли слоем шерсти или ваты. Парадный халат шили из бархата, украшали аппликацией, кистями, а также галунами. Такой халат был частью гардероба богатых ногайцев.

Тон - нагольный тулуп был обычным предметом одежды в зимнее время. Шили его из дубленых овчин шерстью внутрь, зажиточные карагаши - из шкур четырех-пятимесячных ягнят. На тон уходило 5-6 шкур взрослой овцы. Судя по источникам XVIII-XIX вв., у ногайцев наиболее широко бытовали два типа шуб. Характеризуя типы меховых шуб у астраханских ногайцев, С.Г.Гмелин в XVIII в. отмечал, что один тип «подобен верхним кафтанам, с тем только различием, что рукава у них цельные и длиннее, а другой российским тулупам»³. Ногайские женщины, как указывалось выше, были большими мастерицами по обработке овчин и изготовлению из них шуб.

Ногайцы пользовались разнообразными головными уборами: тюбетейками, меховыми шапками, войлочными шляпами, башлыками и т.д. Все традиционные мужские головные уборы изготавливались из меха, ткани и войлока. Головные уборы разделялись на нижние и верхние. Нижние шапочки *тюбетейки* (топтай и арахчин), круглые, облегающие голову шапочки из ткани на подкладке. *Топтай* и *арахсин* имели почти одинаковый покрой. Та и другая состояли из неширокой тульи и пришитого к ней плоской или полусферической формы доньшка и шились обычно из однотонных тканей: для пожилых людей – темных тонов, для молодежи – ярких. Тюбетеи надевали под выходную меховую шапку, они так же являлись у молодежи легким летним головным убором. Арахсин шили из сукна и более дорогих тканей. Его богато украшали вышивкой из золотой и серебряной канители или просто галуном. Топтай же делался из более простых тканей, его не расшивали, а прострачивали узорами.

¹ Гмелин С.Г. Указ. соч – С. 178.

² Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М., 1976. – С. 102

³ Гмелин С.Г. Путешествие по России. – Спб., 1777. – Ч. II. – С. 178.

Самым распространенным верхним головным убором у мужчин всех возрастов была *меховая шапка* (боърк). Зимой она предохраняла от холода, а летом – от жары. Шили боърк обычно из овчины, шкур молодых барашков, а также из каракуля. С начала XIX в. обязательной принадлежностью степняка зимой был *башлык*, сшитый из грубой домотканой шерсти. Среди представителей духовенства бытовала *чалма* (шалма), ее носили из белой ткани, поверх папахи.

Обувь ногайцев была разнообразной по видам. Ногайцы-карагаши издавна ходили дома в стеганых *ватных сапогах*. С начала XIX в. известны широко бытовавшие и в Средней Азии мягкие *домашние сапожки* "мес", чаще черного цвета, *глубокие туфли* "аягкап" (называвшиеся иначе и калошами, очевидно, уже под русским влиянием) надевали на сапожки "мес", выходя на улицу. Они встречались также и у татар, и в Средней Азии. С начала XIX в. в дождливую и холодную погоду носили *сапоги* из жесткой кожи красного или черного цвета.

Одежда мальчиков мало чем отличалась от одежды взрослых мужчин, но была проще и удобней. Детям старались шить костюмы из более ярких тканей и обильно украшать их вышивкой, галунами, аппликациями, а также металлическими, по возможности, серебряными, подвесками из монет и блях, бусами и т.д.¹

Многие элементы национальной одежды ногайцев сохранились и по сей день, что свидетельствует о бережном отношении народа к своим традициям, этот факт говорит о жизнестойкости народного искусства, ведь оно будет существовать до тех пор, пока хоть кто-то проявляет к нему интерес.

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. – С. 114.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НОГАЙЦЕВ С УЗБЕКСКИМИ ХАНСТВАМИ В XV-XVI ВЕКАХ

Д.С. Кидирниязов

В результате распада Золотой Орды и усилившихся феодальных междоусобиц, как в самой Золотой Орде, так и в империи Тимуридов в 20-х гг. XV в. в восточной части Дешт-и-Кипчака¹ возникло государство кочевых узбеков. Уже в начале XV в. появляются первые упоминания об узбеках². Это государство просуществовало более 40 лет, но сыграло большую роль в дальнейших судьбах народов Центральной Азии. Основателем этого государства был хан Абу-л-Хайр, дед завоевателя империи Тимуридов Мухаммеда Шейбани-хана. В середине XV в. это государство объединяло под своей властью огромную территорию, включавшую Юго-Западную Сибирь и часть современной Республики Казахстан³.

В истории Узбекского ханства мангиты (ногайцы) играли весьма значительную роль. Уже при возведении на престол в 1423 г. Абу-л-Хайра, как об этом свидетельствует «Абулхайр-ханская династия», значительное число мангитской знати присутствовало на происходившем в г. Таре пышном торжестве. Позже мангиты участвовали в походах Шейбани-хана⁴.

Судя по сведениям Абу-л-Гази, Шейбан кочевал летом на обширном пространстве между предгорьем Урала и реками Тобол, Урал (Яик), Илек, Ирғиз, а зимой – в бассейне Аральского моря по рекам Чуй-су, Сары-су и в низовьях Сыр-Дарьи⁵.

В 20-х гг. XV в. в улусе Шейбана правили несколько независимых ханов. Один из этих правителей, хан Джумадук (1425–1428 гг.) ханствовал по соседству с Мангитским юртом. Можно полагать, что улус этого хана находился к северу от Аральского моря, между реками Сары-су и Эмбой. В те годы в Мангитском юрте правил бий Гази, сын Эдиге.

В 20-х гг. XV в. смута, послужившая толчком к крупным феодальным междоусобицам во всех улусах Шейбанидов, имела место и в Мангитском юрте.

Джумадук-хан выступил против мангитских повстанцев, но в кровопролитном сражении потерпел поражение. Многие предводители его войска и он сам попали в плен и по решению главных мангитских мурз были казнены. В плен попал и юный Абу-л-Хайр, командовавший тогда левым крылом. Но ему не только была сохранена жизнь, но и оказана поддержка при приходе к власти, в частности Сары-Османом и Алаша-бахадуром⁶.

Мангитские кочевые феодалы играли большую роль в политической жизни Дешт-и-Кипчака в конце XIV в. и на всем протяжении XV в. Эдиге в течение 20 лет держал в своих руках всю власть в Золотой Орде, а его сыновья правили отдель-

¹ Восточная часть Дешт-и-Кипчака включала обширные земли, расположенные к востоку от Волги и к северу от Сыр-Дарьи.

² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях. – СПб., 1864. – Ч.2. – С.139, 152.

³ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – С.5.

⁴ Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков /Родоплеменная структура и расселение в XIX – начале XX в. – М.; Л., 1950. – С.123.

⁵ Абу-л-Гази хан. Родословная древо тюрков. – Казань, 1906. – С.176.

⁶ Ахмедов Б.А. Указ. соч. – С.45.

ными ее областями и занимали высшие государственные посты при ханах Джучидах. Старший брат Эдиге Иса-бек в период господства Тохтамышша (1381–1395) был одним из его темников¹, а при хане Фуладе (1409–1411) занимал должность старшего эмира. Большую роль в политической жизни Дешт-и-Кипчака XV – начала XVI в. играли потомки Эдиге – Ваккас-бий, Муса-мурза, Ямгурчи и др. Мангитские эмиры сажали на престол лишь того из чингизидов, кто проводил их политику, а в противном случае смещали его с престола².

Спустя два года после избрания Абу-л-Хайра ханом, накануне похода кочевых узбеков на Хорезм (1430/1431), с ним объединился Ваккас-бий, внук Эдиге, предводитель мангитов. «Сближение между Абу-л-Хайром и главой ногайцев Ваккасом, – писал П.П. Иванов, – объясняется, по-видимому, стремлением последнего найти поддержку среди узбеков против своих противников в ногайском улусе»³. Ваккас-бий опасался, с одной стороны, чтобы его не постигла участь его предшественника Гази-бия, а с другой – побаивался в какой-то степени соседнего с ногайцами хана Мустафы.

При помощи ногайского Алаша-бахадур и знати его владения Абу-л-Хайр собрал крупный отряд и весной 1429 г. прибыл в свое владение. Многочисленные междоусобные войны заставили кочевых владетелей сплотиться вокруг сильного правителя. Все это нашло отражение в образовании государства кочевых узбеков во главе с ханом Абу-л-Хайром⁴.

Хан Абу-л-Хайр поставил перед собой задачу не только объединить улус Шейбана, но и распространить свою власть на все земли, расположенные к востоку от р.Урал, некогда подчиненные Золотой Орде. В том же 1428/29 г. состоялся его успешный поход на Туру. Тура стала столицей государства Шейбанидов и оставалась ею вплоть до 1446 г.

Упорная и кровопролитная междоусобная борьба феодальных владетелей шла в Золотой Орде и в период господства Кичик-Мухаммеда. Эта борьба происходила с активным участием ногайцев, о чем свидетельствует следующее сообщение летописца: «Тое же осени (1440 г.) царь Махмет Большая Орды (Кичик-Мухаммед – Д.К.) убил большого своего Князя Ордынского Мансура (Мансура – Д.К.)⁵ и многого татар тогда избиена бысть в Орде, не точию же тамо»⁶.

Абу-л-Хайр умело воспользовался усилением междоусобиц и смут в Золотой Орде и значительно укрепил свое положение в западной части Дешт-и-Кипчака. В течение 15 лет (1431–1446) Абу-л-Хайр не вел больших войн с целью расширения своего владения. Это объясняется следующими причинами. Джанибек, Гирей и др. правители не повиновались Абу-л-Хайру и вели с ним борьбу с первого же дня его возвышения. Самым ярким противником Абу-л-Хайра был хан Мустафа, которому позже удалось склонить на свою сторону большую часть ногайцев⁷.

Незадолго до начала военных действий между Абу-л-Хайром и Мустафой предводитель ногайцев Ваккас-бий, находившийся при Абу-л-Хайре с 1428 г. тайком покинул последнего и, объединившись с Мустафой, начал подстрекать его к войне с Абу-л-Хайром. Ваккас и Мустафа собрав большое войско пошли против Абу-л-Хайра. Сражение между ними произошло на левом берегу Атбасара и было очень

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.; Л., 1941. – Т.2. – С.153, 168.

² Ахмедов Б.А. Указ. соч. – С.45.

³ Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии. – М., 1958. – С.32.

⁴ Ахмедов Б.А. Указ. соч. – С.46.

⁵ Мансур, сын Эдиге.

⁶ Полное собрание русских летописей (Далее - ПСРЛ). – Т.12. – М., 1965. – С.30.

⁷ Ахмедов Б.А. Указ. соч. – С.55.

ожесточенным. Хан Мустафа потерпел полное поражение. Успех Абу-л-Хайра в этом кровопролитном сражении подготовил в некоторой степени переход на его сторону ногайского бия Ваккаса. Мустафа бежал в Мангышлак¹.

Вскоре же после смерти Абу-л-Хайра (1468/69 г.) государство кочевых узбеков распалось. Если до этого времени ногайцам приходилось сталкиваться с отдельными претендентами на их территории, не имевшими поддержки со стороны какой-либо устойчивой группы населения, то с образованием Узбекского ханства положение ногайцев значительно ухудшилось. Теперь узбекские ханы опирались на большую политическую и военную силу, составленную из кочевников, заинтересованных в пастбищах Аральского моря, отличающихся своим удобным местонахождением и обилием трав. В свое время Абу-л-Хайр был разгромлен (и узбеки распались на отдельные орды, а казахи находились далеко на востоке), ногайцам удалось на короткое время вернуть себе эти территории.

Однако, положение вскоре изменилось. Казахские правители, используя междоусобие узбеков, начали продвигаться на запад в поисках новых пастбищ, вытесняя оттуда ногайцев. В связи с этим, ногайцам нужен был союзник, который был врагом казахских султанов, и поэтому они начали поддерживать другого потомка Шейбанидов – Едыгер-хана, соперника дома Абу-л-Хайра. Сын хана Едыгера – Берке, султан хорезмский, участвовал в свое время в заговоре против Шайх-Хайдара совместно с предводителями ногайской знати.

Ни одно из вновь образованных мусульманских государств, за исключением Ногайской Орды, не могло располагать таким количеством воинских людей, которым располагал правитель Большой Орды хан Ахмат. Наличие большого количества воинов давало возможность хану вести агрессивную политику по отношению к своим соседям. Ахмат был инициатором образования коалиции ханов сибирских, казахских и ногайских князей и мурз против узбекского хана Шайх-Хайдара, сына и преемника Абу-л-Хайра. Совместный поход хана Ахмата, ногайского бия Мусы, закончился полным разгромом войска узбеков, а сам Шайх-Хайдар был убит. Когда малолетний сын последнего, Шейбан, провозглашенный ханом узбеков, бежал в Астрахань и нашел убежище у астраханского хана Касима, то по инициативе хана Большой Орды Ахмата участники коалиции осадили Астрахань и вынудили Касима удалить из Астрахани Шейбана².

Едыгер был провозглашен ханом вместо наследников Абу-л-Хайра и, таким образом, возникла новая династия. В связи с тем, что ногайцы во главе с мурзой Мусой оказали большую помощь Едыгеру, он в свою очередь оказал помощь Мусе в его борьбе против мурзы Куджаша, захватившего владения Мусы³.

В такой ситуации отношения к Шейбану могли быть только враждебными. Ногайцы и хорезмский султан Берке, вероятно, решили окончательно уничтожить дом Абу-л-Хайра. Ногайские мурзы совместно с Ибаком осадили Астрахань, где Шейбан нашел убежище, и потребовали его выдачи. Касим, астраханский хан вынужден был пойти на уступки, но Шейбана не выдал, а дал ему возможность бежать⁴. Покинув Астрахань, Шейбан с 40 приверженцами, нашел убежище в степи. Вскоре узбеки вновь стали сосредотачиваться вокруг Шейбана и вторично провозгласили его ханом. Шейбан свои первые шаги внешней политики направил против ногайцев и Ибака. Узбеки осадили Орду Ибака, убили младшего брата Ибака и его сына.

¹ Там же. – С.64.

² Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. – М.; Л., 1936. – С.65.

³ Абу-л-Гази хан. Указ соч. – С.299.

⁴ Березин И.Н. Библиотека восточных историков. – Казань, 1854. – Т.1. – С.63.

Вскоре Шейбан сосредоточил вокруг себя большинство узбеков. Берке-султан, ставленник ногайцев, был разбит Шейбаном, а узбеки вновь объединились вокруг дома Абу-л-Хайра. Ко времени победы Шейбана над Берке-султаном на восточных окраинах уже преобладали казахи. К этому времени они настолько укрепились, что при казахском хане Бурундуке, особенно, при Касиме, вновь вытеснили ногайцев на запад¹.

Попытка ногайцев при помощи хана Едыгера вытеснить казахов с восточной окраины Ногайской Орды, таким образом, не удалась, что заставило ногайских правителей изменить свое отношение к дому Абу-л-Хайра, ища пути сближения с ним. Поводом к этому послужило поражение Шейбана, которое нанесли ему казахи при Сауране, после чего был заключен союз между ним и ногайским князем Мусой. Это сближение диктовалось еще и тем, что Бурундук, казахский хан, шел на Ногайскую Орду с 50-ти тысячным войском. Правитель кочевых узбеков Мухаммед Шейбан со своими войсками оказал помощь ногайцам. Совместными силами казахский хан Бурундук был разбит². После этого установились дружественные связи между ногайцами и узбеками. Дочь бия Мусы была отдана замуж за Мухаммеда Шейбана.

Как указывалось выше, власть Абу-л-Хайра унаследовал его сын хан Шайх-Хайдар. Его правление было недолгим. Джанибек, Берке-султан, Ибак объединившись с ногайскими мурзами Ямгурчи и Мусой, начали военные действия против Шайх-Хайдара. Однако их неоднократные усилия не имели успеха и они терпели поражение за поражением от последнего. Затем противники Шайх-Хайдара объединившись с ханом Большой Орды Ахматом в конечном итоге нанесли поражение Шайх-Хайдару. Такова история распада государства кочевых узбеков.

В начале 1406 г., после смерти Тамерлана (1405 г.), Эдиге, эмир ал-умара Шадибека (1400–1407) захватил Хорезм³. Эдиге назначил правителем Хорезма эмира Инка. В 1410/11 гг. правителем был назначен малолетний сын Эдиге Мубарак.

В 1408/9 г. Шахрух победил Халил-Султана и водворил свою власть и в Мавераннахре. По случаю этой победы на торжествах в Самарканде и в Херате присутствовали и послы, направленные из Хорезма Эдиге от своего имени и от имени хана Фулада. Послы были встречены Шахрухом с большим почетом, а затем вместе с ними были отправлены в Хорезм и Дешт-и-Кипчак послы Шахруха во главе с эмиром Хасаном⁴. С хератскими послами были отправлены караваны подарков хану Фуладу, Эдиге и Иса-беку (старший брат Эдиге в те годы занимал пост старшего эмира при дворе золотоордынских ханов). Шахрух просил Эдиге согласия на брак его дочери с Мухаммедом Джуки⁵. Нам неизвестно, состоялся ли этот брак, но сам факт сватовства свидетельствует о стремлении обоих государств к установлению добрососедских отношений.

Весной 1410/11 г. к Шахруху прибыл Абакан-таваджи, направленный ранее вслед за эмиром Хасаном в «виллает узбеков» (т.е. Улус Джучи), к эмиру Эдиге. Он вручил Шахруху дары и письмо Эдиге. Характерно, что этот ловкий политик в своем письме выразил готовность признать над собой верховную власть Шахруха и открыто называл его своим повелителем. Это и понятно. Как известно, после смерти Фулад-хана (середина 1410/11 г.) престолом Золотой Орды завладел Тимур-хан.

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. – Т.2. – С.139.

² Березин И.Н. Библиотека восточных историков. – Т.1. – С.64, 65.

³ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. – СПб., 1884. – Т.1. – С.472.

⁴ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.; Л., 1950. – С.397.

⁵ Там же. – С.397.

Тогда между Эдиге и Тимур-ханом началась острая борьба. Вот что писал об этом Муин ад-Дин Натанзи: «Идику (Эдиге – Д.К.) также по необходимости посадил на престол царства Тимур-султана из-за согласия, которое было (у него) с его отцом... Затем Идику дал ему свою дочь, дабы благодаря родству сузился доступ для разговоров подстрекателей. Так прошло некоторое время, и Тимур-султан совсем понравился людям, они склонились к нему, чтобы уничтожить Идику. Между ними возникла вражда и озлобление, так что они один-два раза сражались (друг с другом)... Идику по необходимости распрощался со своим государством и бежал в Хорезм»¹.

Таким образом, победа досталась новому хану, которого поддержала феодальная знать, а Эдиге бежал в Хорезм, а затем в Ургенч, где ему пришлось сидеть в осаде в течение 6 месяцев. Согласно Абд ар-Раззаку Самарканди, бегство Эдиге в Хорезм имело место в начале 1411/12 г.² В это время в Золотой Орде произошел очередной государственный переворот. Тимур-хан был свергнут султаном Джалал ад-Дином, сыном Тохтамыша, и бежал, так же как и Эдиге, в сторону Хорезма. Однако в пути был убит зятем Джалал ад-Дина Газаном. После этого Газан, по указанию Джалал ад-Дина, вступил с Эдиге в переговоры, и последний согласился на поставленное им условие мира: беспрекословно повиноваться Джалал-ад Дину и послать к нему одного из сыновей аманатом. После этого Газан, заключив с Эдиге мир, направился в сторону Дешт-и-Кипчака³. Однако Джалал ад-Дин вскоре отказался от мира с Эдиге и направил против него 3-х тыс. отряд под начальством Куджулая. Несмотря на малочисленность своих сил, Эдиге вышел из Ургенча и наголову разбил отряд Куджулая. В руки Эдиге попало около 1 тыс. человек пленными и богатая добыча⁴. Пленных заковали в цепи и распределили среди населения Ургенча и под угрозой смертной казни предписали горожанам охранять и содержать их. Несомненно, это не могло не вывести из терпения и без того подавленное тяжелыми поборами и бесконечными войнами население Хорезма, которое вскоре же восстало против Эдиге и его сына. Мубарак, вероятно, удалось тогда подавить восстание, ибо он еще год после него правил Хорезмом.

Шахрух зорко следил за событиями в Хорезме и, улучив момент, в 1412/13 г. направил туда огромное войско⁵.

В то время Эдиге в Хорезме не было. Им правил его сын Мубарак. Где находился в то время Эдиге? Об этом источники не сообщают. Н.А. Карамзин считал, что он в то время находился в Крыму, а позже разорил ряд литовских владений. В 1416 г. он дошел до Киева и разграбил его окрестности. Однако, опасаясь войны с Витовтом, Эдиге направил к нему послов с подарками, навьюченными на трех убранных верблюдов, и 27 быстроходных породистых коней⁶. В своем послании Витовту он, как сообщает Карамзин, писал: «Князь знаменитый! В трудах и подвигах честолюбия застигла нас обоих унылая старость, посвятим же миру остаток жизни. Кровь, пролианная нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, коими мы друг друга огорчали, развеяны ветром; пламя войны остыло сердца наши от злости, вода угасила пламя»⁷. Карамзин далее говорит, что якобы Эдиге и Витовт заключили между собой мир⁸. Эдиге играл еще значитель-

¹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. «Аноним Искандера». – Т.2. – С.134.

² Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. – С.397.

³ Там же. – С.402.

⁴ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. – С.401.

⁵ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. – С.401

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1988. – Кн.1. – Т.2. – С.100–101.

⁷ Там же. – С.101.

⁸ Там же.

ную роль в Золотой Орде и при других сыновьях Тохтамыша – Кепеке и Чекре и погиб в борьбе с Кадыр-Берди¹. Согласно Ибн Араб-шаху, Эдиге, раненый в сражении с сыном Тохтамыша Джалал ад-Дином, утонул в Сыр-Дарье². По словам одного из историков Крыма В.Д. Смирнова, Эдиге также раненый утонул³.

В 1413/14 г. Шах-Малику удалось склонить на свою сторону знать Хорезма и изгнать оттуда сына Эдиге Мубарака и его сторонников. С этого времени Хорезм вновь был включен в состав государства Тимуридов и правителем сюда был назначен Шах-Малик⁴.

В 1418/1419 г. власть над Узбекским улусом оспаривалась Бараком и Улуг-Мухаммедом (в восточных источниках Мухаммад-хан). В конечном итоге в феврале 1419 г. победил Улуг-Мухаммед.

В 1483 г. с помощью Моголов⁵ Шейбани-хан овладел городами – крепостями на Сыр-Дарье – Аркуком, Узгендом и Сыгнаком, но спустя три года Бурундук, Касим-султан и Атик-султан в союзе с мангитским владельцем Хамза-беком вытеснили Шейбани-хана из этих городов⁶.

В 1505 г. Хорезм окончательно был завоеван узбеками и с этого года, не считая недолгого правления здесь Сефевидов (1510–1512), он остался под властью узбеков Шейбанидов.

В 50-х гг. XV в. часть кочевых узбеков под руководством Джанибека и Гирея – сыновей Барака осталась на территории современного Казахстана и, объединившись с другими племенами и родами, основали Казахские ханства, другая часть в конце XV в. под главенством Мухаммеда Шейбани-хана вторглась в Мавераннахр и свергла господство Тимуридов.

Шейбани-хан и кочевые узбеки за очень короткое время (1501–1506) установили свою власть над Мавераннахром и Хорасаном. Однако вскоре же после гибели Шейбани-хана в 1510 г. в стране усилилась междоусобица. Вследствие чего Хорасан перешел под власть Сефевидов, а Мавераннахр распался на мелкие уделы Шейбанидов. Абдулла-хану (1583–1598) после долгой и кровопролитной борьбы, начиная с 60-х гг. XVI в., удалось объединить страну, но после его смерти, в стране вновь победила феодальная раздробленность. С этого времени Мавераннахр распался на два самостоятельных ханства – Бухарское, где к власти пришли предводители мангитов, и Хиву во главе с кунгратами⁷.

В 1510 г. после поражения, нанесенного узбекам Шах-Исмаилом и Бурундуком, узбекское государство распалось на два самостоятельных ханства: Самаркандское и Хорезмское. Эти ханства постоянно враждовали между собой. Ногайская Орда не могла одновременно оставаться в дружественных отношениях с двумя ханствами. Будучи союзником одного, приходилось враждовать с другим. Так, например, в 1534 г. за поддержку Хорезмского ханства Самаркандский правитель «послов к Сеид-Ахмету не послал и гостям его не велел купить ни луков, ни стрел. А с Ургенчем были друзьями ногайцы»⁸. Дружественные отношения Ногайской Орды с Хорезмским ханством были закреплены брачными союзами. Дочь Исмаила была

¹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. – Т.1. – С.532.

² Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. – Т.1. – С.473.

³ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. – СПб., 1881. – С.175.

⁴ Ахмедов Б.А. Указ. соч. – С.119.

⁵ Моголистаном назывались страны на восток от Мавераннахра и Туркестана.

⁶ Ахмедов Б.А. Указ. соч. – С.146.

⁷ Там же – С.152.

⁸ Продолжение Древней российской вивлиофики (Далее - ПДРВ). – СПб., 1793. – Ч.7. – С.276.

замужем за ургенчским царевичем¹. Мухаммедкул, хивинский хан был женат на дочери ногайского мурзы Кучука и во время нашествия бухарского хана Абдуллы нашел убежище в Ногайской Орде². Юсуф «две дочери свои дал... замужи за Баракова царева брата, да за сына»³. Исмаил в 1551 г. выдал свою дочь за сына ургенчского хана⁴.

Менее ясно отражены в дипломатической переписке более далекие от интересов России среднеазиатские связи и отношения Ногайской Орды. Однако в 1535–1537 гг., как указывалось выше, есть ряд упоминаний о брачных союзах ногайцев с правящими династиями узбекских ханов и о военных столкновениях на востоке, преимущественно с казахами. Сведения эти значительно пополняются восточными источниками.

В сентябре 1535 г. московский посол Данило Губин сообщает о подготовке военных действий между ногайцами Ших-Мамай и казахами: «А пришла весть к Ших-Мамай мирзе от Юргеньского (Ургенчского) царевича, а сказывают, Государь, что казаки доволна хотят идти Ногаи воевать. А сказывают, Государь, казаки сильны и Колмаки им предалися, и Ших-Мамай и Юсуп (Юсуф) и иные Мырзы, кои с ними кочуют, стоят в заставе за Яиком на реке на Еме (Эмбе), всю зиму берегутся от Казатцкой орды»⁵.

В том же 1535 г. казахи осаждают Ташкент. Узбеки совместно с ногайцами выступили против казахов⁶. Эти события подтверждаются донесением того же Данило Губина (25 сентября 1536 г.): «А Бухарской, Государь, Бибей царь и Юргеньские царевичи, сказывают, ныне друзия Нагаем, а Казаки, Государь, сказывают, добре сильны, а сказывают, Государь, Тешкен воевали, и Тешкенские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а Казаки их побивали. И пришел, Государь, к Шийдяку князю посол от Кестен-горы Салтана (один из казахских ханов – Д.К.) от Шамаркат (Самарканд) Бухарь, а сватался, Государь, Кестень-гора царевич у Шийдя(ка) дочь взять за себе. И тот, Государь, посол сказывал доволна де и берегитесь быти вас Казаком воевати...»⁷. «А с Тешкенья, Государь, по князю и к Мурзам посол пришел, чтобы князь и мырзы пошли на ка(за)ки, а Тешкени, Государь, от Казак, сказывают, добре нужно. Чают, на сем лете на зиме ее возьмут. По тому, Государь, казаки сказывают, на Нагаи не идут, что Тешкень воюют»⁸.

Поход казахов на Ташкент заключился неудачно. А в 1537 г. узбекский хан Рашид нанес казахам страшное поражение, при котором пали их хан Тугум, брат Тагира, и с ним 37 султанов⁹. Участие ногайцев в этих событиях подтверждается грамотой Юсуфа московскому великому князю (25 сентября 1537 г.): «Казатцких людей ходили есмя воевати, и дошли есмя их»¹⁰.

Нужно отметить, что взаимоотношения ногайцев с соседями строились исключительно на интересах торговли и охраны своих пастбищных земель. Среднеазиатский рынок был труднодоступным из-за войны между казахами и Ташкентом, пре-

¹ Там же. Ч.7. – С.276; Ч.8. – С.228.

² ПДРВ. – СПб., 1793. – Ч. 7. – С. 276; Ч. 8. – С. 228.

³ ПДРВ. 1793. – Ч.8. – С.176. Ташкентский хан Барак (Науруз Ахмед-хан (1551–1556)).

⁴ Там же. – С.228.

⁵ Там же. – Ч.7. С.244.

⁶ Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Соч. – Т.2. – Ч.1. – М., 1963. – С.94.

⁷ ПДРВ. – Ч.7. – С.276.

⁸ ПДРВ. – Ч.7. – С.284.

⁹ Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. – С.94.

¹⁰ ПДРВ. – Ч.8. – С.29–30.

пятствовавшим проходу караванов¹. Небывалые стихийные бедствия зимы-весны 1557–1558 гг. повлекли за собой массовый падеж скота, смыв пашен, голод. Дженкинсон вспоминал июль 1558 г: «Во время моего пребывания в Астрахани население страдало от сильного голода и мора; в особенности они свирепствовали среди татар и ногайцев, которые в это самое время пришли сюда в большом числе, чтобы отдаться своим врагам русским и искать их помощи вследствие того, что, как ... вся страна их была опустошена. Однако их плохо приняли и мало им помогли: большое число их умерло от голода; их мертвые тела кучами валялись по всему острову, непогребенные, подобно зверям; жалко было смотреть на них. Многих из оставшихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали с острова»². Об этом же писал князь А.М. Курбский³. Кровавые междоусобные войны усугубили положение и были одной из причин разорения масс и наступления экономической катастрофы 1557–1558 гг.

Ногайские улусы, кочевавшие к востоку от Яика (вначале улусы Юсуфа и его детей, а со второй половины XVI в. Шихмамаева орда, альтыульская орда), также поставляли свои товары на среднеазиатский рынок. Важную роль в торговле ногайцев со Средней Азией играли присырьдарьинские города. Фазлаллах ибн Рузбихан, рассказывая о городе Сыгнак и его округе, выделял его торговое значение: «В эту страну со стороны Дешта, из Хаджи-Тархана доставляют множество благ, жирных овец, коней, верблюдов и другие ценные товары, как-то: шубы из меха киша и тина, то есть из соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия. Так как Сыгнак является началом благоустроенности центра того владения по отношению к обитателям Дешта, то купцы владений и местностей Дешт-и Кипчак до пределов реки Адил ... сделали город Сыгнак местом складов своих (и) привозят сюда торговые товары»⁴. О другом присырьдарьинском центре торговли – Яссы (Туркестане), ставшем в XVI–XVIII вв. резиденцией казахских ханов, – он пишет: «В город Иасси привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг и он (город) является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам»⁵.

Когда Бухарскому хану Абдулле удалось подчинить себе Хорезм, он прежде всего столкнулся с ногайцами, решил и их поставить в зависимое от себя положение. Вначале он прервал торговые связи: «Не отпустил ни одного человека, и ногаи стали наги»⁶. За некоторым перерывом торговых связей последовали военные столкновения. Ногайцы, потерпев поражение от бухарского хана, просили помощи у России для устройства крепости на Яике «от тесноты бухарского хана»⁷. Из влиятельных ногайских мурз Урмагомед, в конце 70-х гг. XVI в. проводил самостоятельную политику. В его послании в 1579 г. в Москву есть интересное сообщение о том, что ему одновременно пожаловали по городу «бохарской царь» Абдулла II и «ташкынской царь Боба султан»⁸. Очевидно, в противоборстве бухарского хана Абдуллы и ташкентского Баба-султана определенное значение имела позиция

¹ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию// Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – М., 1937. – С.185.

² Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. – Махачкала, 1999. – С.118.

³ Там же. – С.133.

⁴ Фазлаллах ибн Рузбихан *Исфагани. Михман-наме-йи Бухара (записки бухарского гостя)*. – М., 1976. –С.116–117.

⁵ Там же. – С.141.

⁶ Российский государственный архив древних актов (Далее – РГАДА). – Ф.127. – Сношения России с ногайскими татарами. – Кн.1. – 1586 г. – Л. 28–29.

⁷ Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. – СПб., 1895. – Т.1. – С.366.

⁸ РГАДА. – Ф.127. – Оп.1. – Кн.9. – 1579 г. – Л.28об.

влиятельных ногайских мурз. Не случайным является тот факт, что в 1582 г., отступая от Абдуллы, Баба-султан ушел к ногайцам.

По рассказу русского посланника в Ногайскую Орду Афанасия Болтина, в 1579 г. ногайские мурзы обменивались послами с Ташкентом, Бухарой, Ургенчем и Сибирским ханством¹.

Связи ногайцев с Бухарским и Хивинским ханствами строились, как указывалось выше, на торговых отношениях. Ногайцы, кочующие вокруг Аральского моря, находились в тесной связи со среднеазиатским рынком. Из архивных источников видно, что торговые люди ногайского бия Юсуфа ходили торговать в Бухару². Бухарские и хивинские торговые люди приходили к ногайцам за лошадьми³. Из Бухары в Ногайскую Орду и Россию, как мы можем судить по сведениям Дженкинсона, поставлялись, прежде всего, изделия из хлопка и шелковые материалы⁴.

Участвуя в посреднической торговле, ногайские торговые люди обменивали ряд труднодоступных для Поволжья восточных товаров, получаемых ногайцами из России. У Герберштейна есть указание на «обмен вещами» между населением «татарских» орд: «... Если живущие вокруг их имущества, то покупают на них платье и другое необходимое для жизни. Границ друг с другом (я говорю о степных татарах) у них нет никаких»⁵.

Во время смуты, когда ногайцы перешли с ногайской стороны Волги на крымскую, их торговые связи со Средней Азией почти прекратились. Вот тогда и приходили к Иштереку посланники Бухарского и Хивинского ханств с просьбой перейти на ногайскую сторону Волги, чтобы вновь оживить торговые связи⁶.

О возможной этнической близости ногайцев и каракалпаков в прошлом свидетельствует так называемый «ногайский пласт» каракалпакского эпоса (связанный с именами Эдиге, Ормамбета и др.), а также родовой состав ногайцев и каракалпаков.

С серединой и концом XVI в. связано появление на исторической сцене столь популярных в сказаниях каракалпаков Орус-бия и Ормамбет-бия – ногайских мурз. В 1743 г. каракалпакские посланники в Россию рассказали о своей истории следующее: «каракалпаки происходят от ногайцев, вместе с ногайцами в прежние времена «жили на ногайской стороне Волги-реки между Астраханского и Казанского царства», оттуда они ушли 260 лет назад (т.е. в 1483 г. – Д.К.) вследствие завоевания Казани... русскими, перейдя на левый берег Волги, каракалпаки постепенно дошли до Аральского моря...»⁷.

Где-то в 50-х гг. XVI в. часть каракалпаков покинула кочевья Ногайской Орды. Эти перемещения были связаны экономическим и политическим кризисом, развившимся в Ногайской Орде, как отмечалось выше, в середине XVI в.

По информации, записанной в 1945 г. Т.А. Жданко со слов 86-летнего старца Б. Мирзаева, «когда племя кыпшак отделялось от ногаев, первой отделилась группа каракыпшак, а из нее в свою очередь выделилась жабы-кыпшаки, жившие в Каракуме...»⁸.

¹ РГАДА. – Ф.127. – Оп.1. – Кн.9. – 1579 г. – Л.28об.

² ПДРВ. Ч.9. – С.102.

³ РГАДА. – Ф.127. – Сношения России с ногайскими татарами. – Кн.2. 1588 г. – Л.44.

⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – М., 1937. – С.184.

⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. – СПб., 1908. – С.144.

⁶ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. – Т.2. – С.170.

⁷ Рычков П.И. История Оренбургская. – Оренбург, 1896. – С.72; *он же*: Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С.123–124.

⁸ Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. – М.; Л., 1950. – С.46.

Выше отмечалось, что в середине XVI в. среди ногайской знати возникают две враждебные партии. Одна из которых, во главе с Исмаилом, тяготеет к России, другая же, во главе с Юсуфом, связанная с восточными улусами – к Средней Азии и Казахстану. В одном из показаний русского посла, очевидца состояния западной части ногайских улусов в 1558 г., сообщается: «А ногаи пропали... немного их с Исмаилом осталось, да с детьми его, да и те в розни. Дети Исмаила не слушают. А шесть братьев Шихмамаевы дети на Яике, а с Исмаилом не в миру, а Кошумовы дети в Крым пошли»¹.

В этом документе для нас особый интерес представляет не столько упоминание о Крыме, сколько сообщение об уходе на Яик рода «шесть братьев» (собственно – шесть сыновей) – алтыулы. Это ногайский род, теснейшим образом связанный с каракалпаками. Русские документы XVII в. говорят о совместных набегах алтыульцев с каракалпаками на Российское государство, из чего Ховорс, а за ним и П.Иванов² заключают, что каракалпаки и ранее (в XVI в.) входили в состав располагавшегося на Яике, а впоследствии – на Эмбе алтыульского улуса ногайцев.

В 80-х гг. XVI в. ногайцы сталкиваются на Яике с русским казачьим войском. Борьбу с яицкими казаками вел ногайский мурза Орус (Урус). Оруса же, в качестве правителя «Больших Ногаев», упоминает Ховорс, считая название рода алтыулы происходящим от имени сына Уруса – Алта³. Таким образом, есть основания полагать, что имя Уруса (Оруса), упоминаемое в каракалпакских легендах, сохраняет память о пребывании в XVI в. некоторых каракалпакских племен в составе ногайцев на Яике, под властью этого ногайского мурзы.

Имя другого известного ногайского бия Ормамбета, встречается в исторических документах конца XVI в. Так, в 1582 г. к ногайцам бежал один из противников могущественного бухарского хана Абдуллы, в связи с чем тот направил во владение ногайцев свой отряд за беглецом. Опасаясь бухарского войска, правитель «Больших Ногаев» бий Ормамбет просил у царя Федора Ивановича построить на Яике укрепление для защиты «Большого Ногай» от бухарцев⁴. Н.М. Карамзин писал, что в 1604 г. Иштерек был объявлен главным князем ногайцев и кочевал в астраханских степях, по реке Тереку, Куме, Волге и около Царицына; вторая группа ногайцев – Малые Ногаи (Казыев улус) – кочевала около Азова и третья – Алтыульский улус занимал окрестности Синего или Аральского моря⁵.

¹ ПДРВ. – Ч.7. – С.289.

² Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков: (Каракалпаки до XVIII в.)// Труды Института востоковедения АН СССР. – М.; Л., 1935. – Т.7. – С.30.

³ Там же. – С.29.

⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. – Т.2. – С.49-50.

⁵ Карамзин Н.М. Указ. соч. – М., 1988. – Кн.1. – Т.2. – С.76–77.

**ВКЛАД СЕМЬИ АБДУЛ-МАДЖИДА АБДУЛЛИНА В ЭТНОКУЛЬТУРУ
НОГАЙЦЕВ
(120-летию Басыра Абдуллина посвящается)**

А.Х. Курмансеитова

Семья Абдуллиных внесла значительный вклад в духовную культуру ногайцев, многочисленные архивные документы и обширная историография хранят сведения об их деятельности на благо народа. Глава семьи Абдуллиных – Абдул-Маджит был «мулла в звании имама» в мечети Урусова, которой в 1901 году исполнилось 150 лет¹.

В конце XIX – начале XX века Абдул-Маджид Абдуллин был активным участником просветительского движения мусульман Нижнего Поволжья. Он печатал статьи на страницах газеты «Терджиман» («Переводчик»), бывшей популярной среди российских мусульман². Известный просветитель Исмаил Гаспринский издавал эту газету в Бахчисарае, она распространялась и среди астраханских ногайцев, а некоторые из них печатались на страницах этого издания. До Октябрьской революции семья Абдуллиных жила в селении Каргалык в Астраханском уезде. В семье А.-М.Абдуллина росли сыновья Басир, Кабир, Гафур и дочь Рабига. Гафур погиб в возрасте 5-6 лет³. После смерти родителей Басир взял все заботы о брате и сестре на себя. Он вместе с братом Кабиром и сестрой Рабигой переехал в Тиек. Здесь Басир помог им получить образование.

В 1920 годах братья Абдуллины и их сестра Рабига со своими семьями жили в Туркменистане. Сохранились сведения о жизни и деятельности Б. Абдуллина в Туркмении. Известный писатель Иса Капаев свидетельствует о работе Б. Абдуллина журналистом в республиканской газете в Ашхабаде. О творческой деятельности Басира в Туркмении пишет и известный книговед Алмаз Язбердиев. Басир в Ашхабаде издал несколько книг на туркменском языке. В 1927 году в Ашхабаде вышла в свет пьеса Б. Абдуллина «Неравенство» («Денъсизлик») в переводе Бекмурада. На титульном листе указан автор: «Басир Аштарханлы». Туркменскую историческую поэму «Солтан Санжар мази» Б. Абдуллин написал в жанре пьесы, она была напечатана в 1927 году, тираж 1000 экземпляров. В том же году Басир выпустил в свет пьесу «Юсуф-Ахмет» (5000 экз.), в основу которой был положен одноименный туркменский эпос. На титульных листах вышеуказанных книг напечатано: «Басир», также как и на художественных произведениях, выпущенных им в Даггосиздате в Махачкале. Пьеса Ланского «На революционном пути» вышла в свет в 1928 году, на титульном листе книги напечатано: «На туркменский язык перевел Абдуллин». Несмотря на то, что инициалы переводчика отсутствуют, Алмаз Язбердиев предполагает, что переводчиком был именно Басир⁴.

В годы культурного строительства в Нижнем Поволжье начались репрессии против ногайской интеллигенции. Поэтому они были вынуждены покинуть свою малую родину. В Среднюю Азию выехали Булат Салиев, Наджиб Гасри Мавлю-

¹ Государственный архив Астраханской области (Далее ГААО). – Ф. 13. – Оп. 61. – 1901 г., вязка 4001. – Д. 32. – Л. 15.

² ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1а. – 1900 г., вязка 160. – Д. 3459. – Л. 9.

³ Информатор Шабанова С. К. 1929 г. Образование среднее специальное. 20.08. 1989 г. г. Астрахань.

⁴ Язбердиев А. Туркменская книга на арабской графике. – Ашхабад: Ылым, 1981. – С. 57.

бердиев и другие. Некоторые астраханские ногайцы уехали в Дагестан, сохранились сведения, что они выехали в Караногай по инициативе Басира Абдуллина. Здесь астраханская интеллигенция активно включилась в выполнение программы ВКП (б) и советского правительства по культурному строительству.

Софья Шабанова, дочь Кабира Абдуллина, сообщила о жизни семьи Абдуллиных в Дагестане в с. Терекли-Мектеб. В конце 1920 годов её родители, Кабир и Амина Абдуллины, выехали в Дагестан для ликвидации неграмотности. Архивные документы подтверждают о проживании семьи Абдуллиных в указанный период в Дагестане в а. Терекли-Мектеб Караногайского района ДАССР. По свидетельству С. Шабановой её отец - Кабир Абдуллин работал заведующим Караногайского отдела народного образования, мама - Аминат Абдуллина была завучем в сельской школе в а.Терекли-Мектеб. В этой школе работала и Рабига Абдуллина вместе с супругом и сыном.

Басир Абдуллин работал ответственным секретарем Караногайской районной газеты «Кызыл байрак» («Красное знамя»), об этом в штатном расписании указано: «Абдуллин Б., крестьянин, ногаец, беспартийный, 1890 г., образование среднее, стаж газетной работы 27 лет. Ответственный секретарь»¹. Несмотря на то, что стаж работы Басира Абдуллина был опытным журналистом, тем не менее его назначили лишь ответственным секретарем. В то же время редакторами газеты «Кызыл байрак» назначали лиц с «низшим образованием» практически неопытных в газетном деле. Фактически в 1930-х годах советское правительство проводило активную политику вытеснения интеллигенции, получивших образование до Октябрьской революции и имевших опыт работы в царское время. В связи с этим в редакции газеты «Кызыл байрак» постоянно снимали с должности безграмотных редакторов. На протяжении нескольких лет ответственным секретарем данного органа печати работал лишь Басир Абдуллин, именно он выполнял всю основную работу по выпуску районной газеты «Кызыл байрак». Он также активно работал в авторской группе вне штата в Даггосиздате в Махачкале. Переводил книги и учебники на ногайский язык. Почти все учебники, изданные А.-Х.Джанибековым в Махачкале, вышли в свет под редакцией Басира Абдуллина.

В Махачкале в Даггосиздате печатание оригинальных произведений на ногайском языке начали с издания художественных книг Басира Абдуллина. Он внес значительный вклад в становление художественной литературы на ногайском языке, им в 1932 году был издан первый ногайский роман «Герой степей». В том же году вышли в свет его пьесы «Батрак», «Как улучшился колхоз» и «Враг побежден».

В 1934 году Басир Абдуллин издал роман «Активист», пьесу «Когда победит труд» и повесть «Байлык эсириклигинде» («В опьянении богатством») и эссе «Красные цветы» о жизни ногайских женщин в период коллективизации. Известна судьба книги Б.Абдуллина «Ак-Бекей», которая числится в числе изданных книг, но не зарегистрирована в «Книжной летописи», и не выявлена в фондах библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы и Черкесска. Художественные произведения Б. Абдуллина были опубликованы под псевдонимом «Басир».

В годы культурного строительства книга должна была пропагандировать Советскую власть и социалистический образ жизни, тем не менее, несмотря на цензуру, Басиру удалось передать в своих произведениях самобытную культуру ногайцев.

¹ ЦГА РД – Ф. – П-1. – Оп. 1. – Д. 2473. – Л. 62.

В повести «Байлык эсириклигинде» («В опьянении богатством»), написанной на высокохудожественном уровне, Б. Абдуллин сумел мастерски описать свадьбу астраханских ногайцев. Он описал, как обряд сватовства невесты, так и свадьбу. Автор красочно изобразил все элементы свадебной обрядности, как подготовку приданого невесты, так и приезд сватов. Особенно интересны сцены первого посещения женихом невесты в доме её родителей. Басир подробно описал свадьбу и сопровождение жениха к невесте в первую брачную ночь и все обряды, связанные с данной традицией у астраханских ногайцев. В повести «Байлык эсириклигинде» («В опьянении богатством») автор мастерски показал социальное положение женщины в семье астраханских ногайцев.

Его художественные произведения наполнены глубоким содержанием, он ярко и красочно изобразил природу ногайской степи, описал этнокультуру и ментальность астраханских ногайцев. Сегодня по его повести «Байлык эсириклигинде» («В опьянении богатством») можно изучать ногайский национальный этикет и свадебную обрядность. Следует отметить, как скрупулезно и подробно описал Б.Абдуллин ногайский этикет приветствия и весь обряд приема гостей. Благодаря его точной передаче формы приветствия описан древний этикет ногайцев – целование руки старшего младшим. Данный обряд в настоящее время сохранился у ногайцев, живущих в Румынии, а у крымских ногайцев этот обряд бытует и в настоящее время, так как в 2005 году мы были свидетелями Симферополе на юбилее Дильявера Османова, как эту форму приветствия соблюдают и в XXI веке.

Басир внес значительный вклад в издание учебно-педагогической литературы на ногайском языке. В 1934 году им был подготовлен к печати и напечатан учебник «Книга для чтения для школ малограмотных», в том же году Б. Абдуллин перевел на ногайский язык и отредактировал учебники «Арифметический задачник для школ малограмотных» и «Краевую учебную книгу. 3-5 годы обучения» И.Алиева. Он перевел в этот год книги К.Е.Виклейна, А.И.Гаджиева «Зооправила по овцеводству» и К.Е.Виклейна «Зооправила по скотоводству», «Положение краеведческих организаций в ДАССР», рассказ А.П. Чехова «Ванька», Б.Ольхового «Азбука ленинизма. Вып. 4-5». В 1938 году в Ворошиловске (ныне г.Ставрополь) в Орджоникидзевском краевом издательстве вышла в свет его последняя книга «Хрестоматия по литературе. Ч.2. Для 4 класса».

В Советском Союзе вся книжная продукция была под контролем цензуры. В связи с этим ряд изданий на ногайском языке изымались цензурой из продажи и библиотек, против авторов возбуждались уголовные дела. В 1930 годах многие деятели книжного дела сидели в тюрьмах и некоторых расстреляли. В 1937 году цензура запретила пьесы Басира «Батрак» и «Как улучшился колхоз» и они были изъяты из библиотек, книжных магазинов и частных коллекций¹. В 1937 году Б.Абдуллин был обвинен как враг Советской власти и арестован, в 1938 году в Ворошиловске (ныне Ставрополь) его расстреляли. В Астрахани в конце 1938 года в семье Абдуллиных был обыск, арестовали Хадичу, супругу Басира Абдуллина, она провела в тюрьме два года. В 1940 году трагически погиб единственный сын Басира – Наджиб, выпускник химического факультета Казанского университета. В 1956 году Басир Маджитович Абдуллин был реабилитирован, и все обвинения с него были сняты².

¹ ЦГА РД. – Ф. П-1. – Оп. 1, 1937 г. Д. 3895. – Л. 10.

² Письмо С.К. Шабановой от 08.06. 2007 г. Хранится в личном архиве А.Х. Курмансеитовой.

Ногайцы высоко оценили художественные произведения Б.Абдуллина и его вклад в становление периодической печати и книжного дела ногайцев. К 100-летию Басира Абдуллина был подготовлен и издан сборник его произведений «Кыр баьтирлери» (Черкесск, 1991), транслитерацию текстов с латинской графики на кириллицу выполнила М.М. Султанбекова, она же написала послесловие. В Республике Дагестан в центре Ногайского района - с. Терекли-Мектеб в честь юбилея Б. Абдуллина была проведена межрегиональная научно-практическая конференция. Земляки глубоко чтят память писателя, переводчика и журналиста Б. Абдуллина, его имя носит школа в а. Каргалык в Приволжском районе Астраханской области. Произведения Басира вошли в программу ногайских школ и в университетах (Карачаевск, Махачкала), в которых готовят учителей ногайского языка и литературы, студенты изучают его творчество. Книги Б.Абдуллина нашли достойное место и в науке, так как стали объектом исследования литературоведов.

В годы культурного строительства активно работала в школе Аминат Абдуллина, супруга Кабира Абдуллина, внесшая значительный вклад в ликвидации неграмотности в Караногае. Она родилась в 1903 году в г. Астрахани в семье Газиза Юсупова, образование получила в женской гимназии Н.С. Шавердовой в Астрахани. Первые годы после окончания гимназии она работала учительницей. Когда Аминат вышла замуж за Кабира Абдуллина, то полностью разделила судьбу его семьи. Вместе с братьями, Басиром и Кабиром Абдуллиными, и их сестрой Рабигой она выезжала в 1920-1930 годах в Туркмению, а затем и в Дагестан. В годы культурного строительства А. Абдуллина заочно получила образование в Учительском институте им. Коста Хетагурова в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). В Терекли-Мектебе А.Г. Абдуллина работала завучем в школе. В то же время она успешно сотрудничала еще и в Ногайской секции Даггосиздата. Аминат Газизовна перевела на ногайский язык учебники «Сборник арифметических задач и упражнений. Ч. 1. 3 год обучения» (Махачкала: Даггиз, 1932), «Арифметический задачник для школ малограмотных» (Махачкала: Даггиз, 1934) и книгу И.Яковлева «Брюшной тиф» (Махачкала: Даггиз, 1932). Она является также автором нескольких программ для ногайских школ.

В 1938 году Аминат Абдуллина вместе с детьми вернулась в Астрахань и начала преподавать географию в школе имени В.М.Молотова. В это время её муж, Кабир Абдуллин, продолжал работать в Дагестане, он вернулся в Астрахань в 1939 году. В годы Великой Отечественной войны Кабир Абдуллин ушел на фронт, он погиб в 1942 году. Аминат Газизовна Абдуллина с 1941 года и до ухода на пенсию (январь 1958 года) работала завучем в начальной школе № 18 г. Астрахани. В годы Великой Отечественной войны она вместе с учителями «переносила на носилках с трусовской стороны по льду раненых советских солдат в госпиталь по улице Р.Люксембург»¹. За работу в тылу А. Абдуллина была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг.». Педагогическое мастерство А.Г. Абдуллиной было отмечено высшими государственными наградами, за добросовестный труд и значительный вклад в народное образование Астраханской области она была награждена орденами Ленина и «Трудового Красного Знамени».

Фарид Абубекиров, сын Рабиги Абдуллиной, в 1930-х годах работал учителем в сельской школе а. Терекли-Мектеб. В то же время он сотрудничал в авторской группе Ногайской секции Даггосиздата, его в 1934 году включили в «Список пере-

¹ Письмо С.К. Шабановой от 08.06. 2007 г. Хранится в личном архиве А.Х. Курмансеитовой.

водчиков, редакторов, рецензентов по партийно-массовой, художественной и научно-технической литературе» Ногайской секции Даггосиздата, в которой он активно работал¹.

Ф. Абубекиров в 1934 году в Махачкале в Даггосиздате издал книгу «Эл бала-сы» («Дитя страны»). Литературовед Абдул-Кадыр Губайдуллин дал положительную оценку данному произведению: ««Дитя страны» Ф. Абубекирова – книжка увлекательная для детского чтения и удачная по составлению и содержанию книжка-рассказ, написан[ый] хорошим литературным слогом, взят из быта караногайских пионеров»². Автор описал жизнь пионеров Караногая в интернате, в пионерском лагере и их поездку на слет. Писатель показывает, как Оспан с ранних лет помогал чабанам пасти скот, его героический поступок, когда он отогнал волков от отары. В рассказе последовательно показан жизненный путь пионера Оспана, его становление от школьного возраста до получения им диплома ветеринара, а также его трудовая деятельность в Ногайской степи. Фарид Абубекиров после возвращения из Дагестана в Астрахань работал юристом.

Книжное дело ногайцев, основанное ногайской интеллигенцией Нижнего Поволжья до Октябрьской революции, получила развитие и в годы Советской власти. В 1920-1930 годах в ликвидации неграмотности и в подготовке к печати и издании книг на ногайском языке активное участие принимали члены семьи Абдул-Маджида Абдуллина: Басир Абдуллин - ответственный секретарь Караногайской районной газеты «Кызыл байрак», писатель, переводчик и автор учебников для ногайских школ, Кабир Абдуллин – заведующий отделом народного образования Караногайского района ДАССР и Аминат Абдуллина – завуч школы а. Терекли-Мектеб, переводчик учебников и автор программ для ногайских школ, Рабига - учительница и Фарид Абубекиров – учитель и автор детской книги.

¹ ЦГА РД. – Ф. П-1. – Оп. 1. – 1934 г. – Д. 2482. – Л. 80.

² Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы. Дагестанский Научный Центр РАН. Научный архив и рукописный фонд. – Ф. 9. – П 1. – Д. 217. – Л. 34.

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ КАЗАХОВ

А.Ш. Курумбаев

В последние годы особое внимание уделяется казахстанскими учеными Б.Б. Ермухамбетовым, Т. Омарбековым, К.С. Салгариным на появление первых государственных образований на территории Северо-Западного Казахстана. Актуальным является формирование и развитие на этой территории Ногайской Орды в XIV-XVI веках, где основную роль играли ногаи.

В начале XIX века на этой территории из состава Младшего жуза появляется Букеевская Орда, которая отличалась не только особенностями территориального устройства, социально-экономического положения, но и этнического состава. Здесь наряду с родами Младшего жуза с единым языком и вероисповеданием проживали и представители разных ногайских групп.

Одним из крупных государственных образований, возникших на территории Дешт-и-Кипчака в ходе распада государства Джучи и ослабления Ак Орды, была Ногайская Орда. Основная территория Ногайской Орды находилась в степях между Эдилем (р.Волга) и Яиком (р.Урал), ее центр в низовьях Эдиля и в районе Сарайчика на Яике. Основателем Ногайской Орды считается Эдыге. Возглавляемая им Орда была одним из значительных независимых владений, обособившихся от Золотой Орды¹. В XVI веке устанавливаются торгово-экономические и политические связи с Московским государством. Во второй половине XVI века, после присоединения Казанского и Астраханского ханств к России, Ногайская Орда распалась на самостоятельные владения, в процессе ее распада часть населения вошла в состав Младшего жуза казахов². О присоединении этой территории к Казахскому ханству ногайский мырза Исмаил писал русскому царю Ивану IV: «Мои родичи остались за Яиком, и присоединились к Казахскому ханству»³.

В 40-х гг. XVIII царская власть стремилась переселить ногаев, которые бежали от крымского и калмыцкого ханов считая, что «их предки в казахской степи». Поэтому 1744-1745 гг. с Кубани переселились в Оренбургскую губернию к озеру Сакмар султанские аулы ногаев и астраханско-карагашские ногаи, которые вошли в состав Казахского войска. Астраханский историк В.М. Викторин утверждает: «до нынешнего времени в той местности проживают потомки двух групп ногаев, которые приняли татарский язык и культуру»⁴.

То, что ногаи в 1745-1747 гг. перекочевали к реке Сакмар, указывает А. Харузин: «Род ногай получил свое начало 1745-1747 гг., когда назначенный по подозрению, к переселению на р. Сакмар, к крепости Озерной 25 семей кундаровских татар бежали к киргизам (казахам - А.К., Н.К.) за Урал. Поймать их велено было Абулхайрову сыну Нуралы, но тот сего не исполнил». Кундровцы примкнули к киргизам, сплотились с ними⁵. До сих пор, в поселках Сайхин, Урда, Карасу Бокейординского района Западно-Казахстанской области ногаев дразнят: «Сакмардан кашкан ногай», что в переводе означает: «ногаи бежавшие с реки Сакмары»⁶.

¹ История Казахстана. – Алматы, 1997. – Т.2. – С.153-154.

² Казахская Советская Энциклопедия. – Алматы, 1981. – С. 167.

³ Бірімжаров Б. Кіші жуз калай қурылды. – Орал Онiрi. – 10.03.1999 ж.

⁴ Викторин В. Бокей Ордасына қошiп келеген рулар. – Орда жулдызы. – №51-52. 27.04.1991 ж.

⁵ Харузин А. Этнографическая книга. – Архив музея истории Букеевской Орды. – №201-1 – №10 – УИРМ № 3696.

⁶ Полевые материалы автора, 2001-2005 гг. – Фонд полевых этнографических материалов кафедры истории Казахстана – ЗКГУ им. М. Утемисова.

После перехода султана Букея на Самарскую сторону, он определяет каждому роду кочевья. В 1864 году в журнале «Эпоха» № 11 вышедший в Петербурге под руководством Достоевского, печатается статья «Внутренняя или Букеевская Орда», где приводится количество семей и скота на 1801 год: ... ногаев 1095 семей ...¹. По документам 1851 г. в Букеевской орде было 1093 кибиток, в 1889 их было около 2000 семей. По переписи 1926 г. по Уральскому округу (Таловский, Джаныбекский, Урдинский, Азгирский районах) было 5696 ногайских хозяйств². На увеличение числа ногаев, скорее всего, повлияло то, что они занимали высокое положение, были в доверии у султанов и были включены в состав войска хана. Во время правления хана Жангира им выделяется земля около Ханской ставки у близлежащих лиманов 1 млн. 800 тыс. десятин пастбищных и сенокосных угодий. Об их высоком положении говорило и то, что кояс-ногай Шомбал Ниязов был одним из двенадцати биев составлявших совет хана³. Хан Жангир не захотел, чтобы они жили как отдельный этнос, поэтому в официальных документах ногайцы были включены в состав казахских родов и записывались как ногай-казах. Причину этого мы видим в следующем: Жангир хотел увеличить число подданных, и стал раздавать земли ногаем. А по закону земли могут даваться только казахским родам, и он превратил ногаев в один из казахских родов. Об этом свидетельствует документ 1814 г. «Роды Букеевской Орды их зимовки и кочевки», род ногай – 620 кибиток; подотделения: 1. Куяс, 2. Казан-кулак, 3. Костамбалы, 4. Уйсын; места кочевья: зимуют в верхней части Рын песков, а летом кочуют в пределах Саратовской области. У каждого отделения своя тамга, так у Костамбалы и Казанкулака тамга «||» (двойная тамга), тамга Кояса «X», Уйсуня «=».

Русский исследователь А.Харузин приводит сведения об антропологических и этнографических особенностях ногайцев: «Они высокие, женщины также отличаются большим ростом, чем киргизы, худощавее и стройнее киргиза. Они носят плисовые кафтаны, род жилета с серебряными застежками, рубашка отличается непомерно длинным воротником и головные платки у женщин голубого цвета». Также он отмечает: «Что касается языка, то он чисто киргизский (казахский – А.К.), и, как передавали мне, несколько перемешан с татарскими словами»⁴. На сегодняшнее время язык ногаев чисто казахский, в нем полностью отсутствуют элементы татарского языка. Здесь можно говорить об ассимиляции данного этноса. Сегодняшними особенностями рода ногай является своеобразная надмогильные сооружения в п. Урда.

Следующей этнической группой Букеевской Орды являются карагаши. Группа карагашей образовалась от ногайцев, переселившихся с Северного Кавказа, вторая часть от татар-мишар, переселившихся с Казани. Их первое поселение было в Астраханской губернии местечке Кундрау, из-за этого их прозвали кундровские татары⁵. Такие же предположения высказывают и сами карагаши. По официальным документам того времени писалось кундровские татары.

Причиной появления карагашей в Букеевской Орде их потомки указывают на приглашение их ханом Жангиром для постройки домов в Ханской ставке. Приближенность ногаев и карагашей к ханскому двору, а также их близкие родственные

¹ Достоевский Ф. «Внутренняя или Букеевская Орда». – Эпоха №11. – 1864.

² Уральск и его округа. – 1926. г. – Уральск. – Таблица 1.

³ Полевые материалы автора, 2001-2005 гг. – Фонд полевых этнографических материалов кафедры истории Казанского государственного университета им. М. Утемисова.

⁴ Харузин А. Этнографическая книга. – Архив музея истории Букеевской Орды. – №201-1. – №10 УИРМ № 3696.

⁵ Шарипкалиев Т. Бокей Ордасына кошп келеген рулар. – Орда жулдызы. – 25.04.1999 ж.

отношения подтверждают кулпытасы (надгробные стелы – А.К.), которые расположены на одном холме вместе с могилой хана Жангира. Им тоже были выделены земли (Нарынбай, Сарсемали, Бабай сад), но бии были против этого, тогда их причислили к ханским толенгутам. Принадлежность их к туленгутскому роду подтверждает и то, что у них была схожая тамга¹.

Тамга туленгутов

Тамга карагашей

Карагашей местное население прозвало «балташы», что в переводе означает топор, и само слово можно перевести как «плотник». Сами карагаши также утверждают, что их предки построили большинство деревянных домов в Ханской ставке. Непосредственно само название «карагач» казахи Букеевской Орды называют дерево «вяз».

Занятие плотницким делом, работой по металлу, бахчеводством сохранилось у них и сегодня. Сейчас в Бокейординском районе в поселках Урда, Сайхин, Карасу живут потомки карагаш-татар. Они считают себя казахским родом «карагаш».

Сколько бы времени не прошло, сколько бы поколений сменилось их антропологические особенности сохранились, те же зеленовато-желто-карие глаза, высокий рост. Прошло два века, но эта этническая группа казахскую землю считает своей Родиной.

¹ Полевые материалы автора, 2001-2005 гг. – Фонд полевых этнографических материалов кафедры истории Казахстан ЗКГУ им. М. Утемисова.

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОГАЙСКИХ ДАСТАНОВ

Ф.А. Кусегенова

Наиболее популярными среди народных лиро-эпических поэм являются дастаны «Бозйигит», «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Шах-Исмаил», «Кунтуган и Колбике», «Тахир и Зухра», «Тёлеген и Кыз-Йибек», «Лайла и Межнун», «Ариз и Ханбер» и многие другие. Дастаны в основе своей раскрывают семейно-бытовые отношения народа, разоблачают косные устои патриархально-феодального общества, эта линия в сюжете является постоянной для всех сказителей.

Герои ногойских дастанов – молодая влюбленная пара – вступают в конфликт с различными социальными или религиозными нормами своего времени. Борьба молодых за свое счастливое будущее нарастает, переживания героев приобретают общественное значение.

Ногойские народные лиро-эпические поэмы имеют романическое содержание. В них рассказывается о трагической судьбе влюбленных, разлученных по воле родителей или в силу других обстоятельств. Нередко герой отправляется в далекую страну за красавицей, которую он полюбил с первого взгляда, увидев во сне или услышав о ней весть от других людей. Основная тема этих произведений – любовь, которая вступает в конфликт с общественным и семейным укладом, в результате чего получает трагическое свое завершение. Наравне с темой любви разрабатывается тема верности, дружбы, эмансипации женщин и т.д.

Дастан – это эпический жанр устного народного творчества, так называемый народный роман, который характеризуется твердой канонической системой традиционных форм, сюжетов, идей. Дастан воспринимается в неразрывной связи с творчеством певцов-сказителей. Творчество певцов-сказителей неразрывно связано с музыкальным исполнительством.

По ходу исполнения певец всякий раз как бы заново воссоздает текст. В зависимости от разных обстоятельств, в том числе и от личных данных сказителя, это воссоздание будет либо повторять, близко или буквально, прежние его исполнения, либо отходить от них, давать варианты.

Дастанный эпос – это важнейшая ступень в художественном развитии отдельных народов и всего человечества. Во многих отношениях он стоит у истоков ряда литературных жанров, влияет не только на национальную литературу, но и на другие сферы культуры, особенно – музыкальную и театральную. Как художественное наследие народа дастаны являлись в прошлом одной из главных форм художественного отражения действительности. «В течение веков поэтическое творчество народа служило средством самовыражения, оно заменяло народу почти все виды искусства»¹.

Исследователь азербайджанских дастанов Тахмасиб М.Г. условно расчленяет сюжет поэм на следующие структурные части:

- рождение героя, его обучение, воспитание;
- получение «буты» (нареченной или нареченного) во сне и возникновение пламенной любви;
- борьба с препятствиями на пути воссоединения влюбленных;

¹ Базарбаев М. Эстетическое богатство нашей литературы. – Алма-Ата, 1976. – С. 223.

– состязание, достижение цели и победа¹.

Композиционно ногайские дастаны расчленены в таком же порядке. Но отличительной чертой является то, что последний пункт «состязание, достижение цели и победа» надо заменить другим «гибель героев и моральная победа», то есть победа добра над злом.

Дастаны строятся по композиционной форме схемы «описательно-повествовательная часть плюс поэтический монолог или диалог». Все ногайские дастаны начинаются с прозаической части, в которой рассказывается о желании молодого человека жениться («Тёлеген и Кыз-Йибек»), о нарушении ханом данного им слова («Тахир и Зухра»), о сновидении героев («Бозйигит»), о рождении долгожданного ребенка в семье хана («Лайла и Межнун»), о договоре хана и его визиря женить детей («Ариз и Ханбер»).

Художественное назначение описательно-повествовательных частей состоит в том, чтобы придать выражаемым в дастане чувствам и мыслям более конкретный характер, так сказать, привязать эти переживания к каким-либо конкретным жизненным ситуациям и сделать их, таким образом, более убедительными и художественно-мотивированными.

Стихотворные партии поются под аккомпанемент домбры, кобызы, прозаические сказываются. Силлабичность стиха ногайских дастанов объясняется тем, что в ногайском языке (как и в других тюркских языках) нет четкого выраженного ударения и долготы и краткости звуков. Ногайский дастан пользуется двумя типами стиха: длинным 11-сложным и коротким 7-сложным. Реже можно встретить и 12-сложный стих. Стихотворная строка иногда интонационно делится цезурой на две части. Например:

*Бир туьс буюьгун / коьрдим мен,
Ярдынъ юзин / коьрдим мен,
Ушып тавга / кондым мен,
Экев болып / конаман,
Ушев болып / ушаман.
Сон сегодня видел я,
Лицо возлюбленной видел я.
Взлетевши, сел на гору я,
Сажусь, став двумя человеками,
Взлетаю, став тремя человеками.
(«Бозйигит»)*

*Кайгы мынан уяндым,
Тенъизге кеме салдым,
Сеннен айырылганлы,
Шырайсыз болып калдым.
Печальный проснулся я,
В озере корабль построил я,
После разлуки с тобою
На мне лица нет.
(«Тахир и Зухра»)
Или же:*

¹ Тахмасиб М.Г. Азербайджанские народные дастаны. – Баку, 1972. – С. 263.

*Агаштынъ басын кессень, туъби калар,
Экевдинъ биревви оьлсе, биревви калар,
Ялгыздынъ оьзи оьлсе, неси калар?
Спилишь дерево, пень останется,
Из двух один умрет, другой останется,
Одинокий если умрет, что его останется?
(«Бозйигит»)*

Стихи объединяются рифмами, которые служат фактором ритмического выражения, а также средством музыкальности речи. В отдельных строках рифма отсутствует. Это не приводит к нарушению звукоритмической организации стиха, так как компенсируется другими средствами: аллитерацией, ассонансом, анафорой, эпифорой и др. Большую роль в создании ритмики играют повторы, синтаксические параллелизмы.

Характерной особенностью композиции ногайских дастанов, как и всех тюркоязычных дастанов, является отсутствие описания (внешности действующих лиц, быта, жилища, утвари, костюма и прочих, а так же подробностей событий). Портретная характеристика героев в дастанах дана коротко, в нескольких словах, особых описаний здесь нет. Например, со слов Саибямал перед нами предстает облик Бозйигита:

*Йорга атай юриси,
Хан затыннан турысы...
Калканы бар басында,
Ян йолдасы касында,
Багдад шахар устасы
Аьзир келген болмасын.
Как у иноходца походка,
Ханская у него осанка...
Шлем на голове имеется,
Друг рядом имеется,
Багдадский мастер (уста)
Может пришел.*

При описании внешнего облика героев дастанов используются элементы разных стилей, связанных с космической, цветочной символикой, а также с символикой драгоценных камней.

А вот строки из дастана «Тахир и Зухра»:

*Ковзлеринъ – кара юзим,
Йокты сага да соьзим.
Зухра акылым алган,
Ондады эки коьзим.
Глаза твои – черный виноград,
Нет и для тебя слов.
Зухра разум мой взяла,
У нее мои глаза.*

Портретная характеристика героя дана и в народной лиро-эпической поэме ногайцев «Тёлеген и Кыз-Йибек»:

*Дурыс он доьрт ясында,
Дунья завкы басында.
Танъда тувган Шолпандай,*

*Шолпаннан тувган юлдыздай,
Сувда юрген кундыздай.
Ровно четырнадцати лет,
Огромной радости полна голова
Как утром появившаяся Шолпан (Венера),
От Шолпана родившаяся звезда,
Как плавающий в воде бобр.*

Одним из основных приемов построения художественного образа в дастанах ногайского народа является противопоставление. Мужественные и честные герои дастанов, как указано выше, наделены положительными качествами, и их внешность сравнивается со всем красивым в природе и ценным на земле. Резким контрастом положительным героям служат хан – отец девушки, соперники главных героев, которые изображены в отрицательном плане.

Ногайские дастаны, обладая своими специфическими особенностями, испытывали на себе влияние других жанров. Так, в текстах исследуемых нами народных лиро-эпических поэм мы находим многочисленные образцы народной мудрости: пословицы, поговорки, устоявшие в языке меткие выражения, песни различного содержания. Это обусловлено самой спецификой сложения дастанов «Тахир и Зухра», «Бозйигит», «Ариз и Ханбер», «Лайла и Межнун», которые не были отдалены от других жанров непроходимой стеной.

В эпизоде прощания возлюбленных Тахира и Зухры, Бозйигита и Саибямал или в раскрытии переживаний Ариз и Ханбера, Лайлы и Межнуна особенно удачно введены традиционные песни-жалобы. Нетрудно обнаруживаются в текстах дастанов вкрапленные в общий сюжет песни-проклятия, песни-плачи, хвалебные песни, что, несомненно, помогает ярче раскрыть чувства героев. Например:

*Юрегим меним биле эди
Сузык хабар келуьвин,
Бозйигиттен айырылып,
Яшав бизден кетуьвин.
Атанъ шыкса алдынъа,
Турмасынъ энди карап.
Гуьлдей юзинъ коьрмеспен
Алдынгындай яркырап.
Сердцем чувствовала,
Что ждать не хороших вестей,
Что останусь без Бозйигита,
Что он уйдет из жизни.
Когда отец выйдет встречать тебя,
Тебя уже не дождется.
Розовые щеки твои
Я больше не увижу.
(«Бозйигит»)
Или же:
Биринъиз алтын,
Биринъиз куьмис,
Куванынъыз ярув-яр.
Одна – золото,
Другой – серебро,*

Радуйтесь жизни, яри-яр.

(«Тахир и Зухра»)

Специфику поэтического стиля дастанов составляет широкое употребление обращений. Нередко встречаются обращения не к людям, а к разного рода предметам:

Алтын яга кой таслар,

Сизди кьер кисим йок,

Алтынлы бийик кенъ сарай,

Сага кирер кисим йок.

С золотыми воротниками овечьи шубы,

Одевать вас у меня человека нет,

С золотом высокий большой дом,

Зайти в тебя у меня человека нет.

(«Бозйигит»)

Можно встретить обращения и к животным, птицам:

Авадан ушкан алты каз,

Атайым десем – огым аз...

Кос-опкединъ коьлинде

Кус конмас,

Кула япан шобьде,

Оьли экенин билмейсиз,

Тири экенин билмейсиз,

Йылай-йылай бир ялгыз,

Дуньядан оьтти дегейсиз!

В воздухе летающие шесть гусей,

Выстрелить – стрел мало у меня...

У озера Кос-опке

Птица не сядет,

В безлюдной пустыне

Мертвый ли не знаете,

Живой ли не знаете,

Плача один

С мира сошел, скажете.

(«Тёлеген и Кыз-Йибек»)

Варианты дастана «Тахир и Зухра» состоят из обращений друг к другу, то есть поэтических диалогов. Диалоги состоят из четверостиший, реже – из восьмистиший. А в дастане «Бозйигит», а также в «Тёлегене и Кыз-Йибек» кроме диалогов в 4–20 строк можно встретить и монологи в 36 строк.

Основу рифмовых созвучий в дастанах обычно образуют тождественные суффиксальные элементы, совпадающие при условии синтаксического параллелизма стихов: *коьрди – келди, буьгилип – туьгилип* и т.п.

В ногайских дастанах особенно часто употребляются вспомогательные глаголы, стоящие как бы на границе самостоятельного слова и суффикса: например, *айтын озды (сказав...), яван берди (ответ дал)* и т.д., особенно часто с глаголом «*ден*» или «*деди*» (в значении «сказав», «сказал», «подумал»), когда передаются размышления действующего лица. Такие вспомогательные глаголы можно встретить и в других тюркоязычных вариантах дастанов (например, в татарском «*диде*»). Язык ногайских народных лиро-эпических поэм, безусловно, народный. От повседневно-

го языка он отличается более высоким стилем, красочностью. Изустный способ передачи эпоса способствовал тому, что в каждом новом поколении его лексика обогащалась новыми выражениями. В результате в дастанах встречаются и слова, редко употребляемые в современном языке. Язык дастанов выразителен и ярок. Переживания героев, их мир раскрываются посредством самых разнообразных сравнений и эпитетов. Девушки уподобляются розе, луне, звездам, ребята – орлу и т.д.

К традиционным элементам эпического стиля относятся также постоянные эпитеты и сравнения. Наиболее обычной грамматической формой украшающего эпитета в соответствии с характером языка является сравнение с помощью суффикса – «-дай», «-тай», «-дей», «-тей» («как»), иногда с добавлением к нему деепричастия вспомогательного глагола *болып* (буквально «сделавшись как»):

Авызынъ-бурунынъ оймактай

Айткан соьзинъ каймактай.

Рот-нос твои, как наперсток,

Сказанные тобою слова, как сметана.

(«Тёлеген и Кыз-Йибек»)

Как мы видим эпитеты и сравнения в эпосе сохранили сугубо национальный колорит, взяты из жизни народа, а жизнь эта, как видно из примеров, была тесно связана со скотоводством, что наложило свой отпечаток на дастанный эпос. Таким образом, мы можем отметить, что традиционными для всех ногайских, да и всех тюркоязычных, дастанов являются:

1. Темы, мотивы, идеи;
2. Структурно-стилистическая организация;
3. Художественно-выразительные средства.

ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАЛМЫЦКИХ И НОГАЙСКИХ ПЛЕМЕН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

У.Б. Очиров

Район Великой степи, расположенный между Доном, Волгой и отрогами Кавказского хребта, в истории кочевой цивилизации имел стратегическое значение с точки зрения геополитики. Кочевые племена, базирующиеся в этом регионе, получали возможность для господства над важнейшими торговыми путями между Средним Востоком и Восточной Европой, могли контролировать оседлые этносы в прилегающих районах, оказывали серьезное влияние на политическую ситуацию в западной части Великой степи. Хазары, кипчаки, монголы и многие другие племена, живя здесь, извлекали немало выгод из геополитического положения своего региона. С распадом Золотой Орды ситуация изменилась: в этот район началось проникновение оседлых этносов, а осколки кочевой цивилизации (племена ногайцев и татар) оказались слишком слабыми, чтобы противостоять растущему влиянию Русского государства и Османской империи.

Однако, с появлением нового кочевого этноса в Нижнем Поволжье в XVII в., расстановка сил существенно изменилась. Кочевые племена калмыков, время от времени подкрепляемые новыми вливаниями из Джунгарии, были достаточно серьезной силой как в военном, так и в политическом отношении. В случае объединения с ногайцами нижневолжские кочевники могли бы стать значительной силой на Северном Кавказе. Однако, в большинстве случаев их совместное проживание носило характер отношений «победитель-подчиненный», что отнюдь не способствовало развитию союзнических отношений между калмыками и ногайцами.

Поначалу отношения между этими племенами носили в большинстве своем враждебный характер: ногайцы не желали уступать пришельцам свои кочевья. Однако, их силы были разобщены, потому что к началу XVII в. ногайские племена распались на три крупных объединения: Больших ногаев (келенши, хатай, кипчак, барлак, мангут и др.), Малых ногаев (каспулат-улу, навруз-улу, солтан-улу) и едисанов¹. В конце 20-х - начале 30-х годов племена джембулуков, кочующие на Яике и Эмбе, были разбиты калмыками и попали под власть торгутских тайшей. В ходе военных кампаний 30 - 40-х гг. XVII в. ногайские племена, в том числе и едисаны, неоднократно переходили на сторону Дайчина и Даян-Эрке². Во время (*печально*) известного похода 1644 г. терские воеводы писали в Москву, что если «Большого Ногай мурзы сложатся с калмыцкими людьми», то сил для защиты у них будет недостаточно³. Однако, в той кампании Большие ногаи, в отличие от едисанов, выступили против калмыков.

Тем не менее, ряд племен Больших ногаев по-прежнему значились в числе данников калмыцких тайшей. Например, в шерти 1661 г. (декабрьской) Мончак присягнул не только за калмыцких нойонов, но и татарских и ногайских мурз, в том числе и «келечинских» (келенши)⁴. В этой шертной записи среди ногайских мурз, за которых присягнул Мончак, упоминались также едисаны и джембулуки. В.Н. Татищев позже (в 1744 г.) писал, что при Аюке было более 30 тысяч кибиток та-

¹ *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик, 1999. – С.291.

² *Митиров А.Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. – Элиста, 1998. – С.70-71, 76.

³ Там же. – С.77.

⁴ Там же. – С.85.

тар¹. Разумеется, под татарами подразумевались едисаны, джембулуки и часть Больших ногаев.

Однако, племена Малых ногаев по-прежнему сохраняли независимость. В период крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина, воспользовавшись ситуацией, Малые ногаи мурзы Ямгурчея ушли за Терек. В 1671 г. ногайские племена во главе с Ямгурчеем, создав большую коалицию с участием татар и черкесов, напали на приволжские кочевья калмыков и увели едисанов на Кубань. Между тем, в ходе последовавших ударов возмездия хана Аюки едисаны, джембулуки и часть Больших ногаев вновь оказались под контролем калмыков. Малые ногаи, оставшиеся у Терека, были вынуждены принять русское подданство². В 1696 г. Большие ногаи Джагмата и Агаша, соединившись с Малыми ногаями и частью едисанов и джембулуков, вновь бежали за Кубань³, тем не менее подвластными Аюке-хану оставалось еще 15 тыс. кибиток джембулуков и едисанов. Об этом свидетельствует договор 1708 г., заключенный Аюкой с губернатором П.М. Апраксиным, где наряду с ханскими калмыцкими улусами упоминаются также «едисанские и енбулуцкие».

В XVIII веке по мере развития отношений между кочевыми племенами, ведущих схожий образ жизни, характер контактов стал меняться. На наш взгляд, коренной перелом во взаимоотношениях между калмыками и ногайцами следует связывать с деятельностью кубанского султана Бахты-Гирея. Он был сыном крымского хана Девлет-Гирея, сместившего в 1708 г. Каплан-Гирея. Пока Бахты-Гирей был нурадыном кубанских татар, его контакты с калмыками в тот период носили враждебный характер. Во время русско-турецкой войны 1711-1712 гг. старший сын Аюки-хана Чакдоржаб нанес немалый урон кубанским татарам и захватил огромное количество скота. Кубанский султан, несмотря на заключение мирного договора в Константинополе и возвращение его врага Каплан-Гирея на Бахчисарайский престол, в 1715 г. нанес ответный удар по калмыцким улусам. При явном попустительстве царских властей в лице астраханского обер-коменданта М.И. Чирикова и руководителя «Хивинской экспедиции» лейб-гвардии капитана А. Бекович-Черкасского Бахты-Гирей разбил хана Аюку «под стеною астраханскою»⁴ и увел на Кубань оставшихся джембулуков (12 тыс. кибиток) и едисан (3 тыс. кибиток).

Этот инцидент в итоге осложнил отношения Аюки-хана и царских властей. Попытки калмыцкого хана вернуть отогнанные племена ногайцев при помощи дипломатических каналов России и Турции успеха не имели. Петербург явно игнорировал эти требования, так как, по мнению Н.Н.Пальмова, хотел взять эти племена под свое покровительство⁵. Тогда калмыцкие тайши связались с кубанским султаном напрямую и добились возвращения части едисан и джембулуков в 1717 г. В том же году Чакдоржаб вместе с Бахты-Гиреем ходил под Азов на хитай-кипчаков Большого Ногая, в результате чего оставшаяся часть едисан и джембулуков вновь перешла в подчинение к прежним владельцам⁶. В Бахчисарае в этот момент был затяжной правительственный кризис: на престоле за короткий срок побывало три хана (Каплан-Гирей, Кара-Девлет-Гирей, Саадат-Гирей). Кубанский султан, види-

¹ См.: *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII вв. События, люди, быт. – Элиста, 1993. – С.316.

² *Бларамберг И.* Указ. соч. – С.291-292.

³ Там же. – С.292.

⁴ Национальный архив Республики Калмыкия (Далее - НА РК). – Ф.Р.145. – Оп.1. – Д.199. – Л.11.

⁵ НА РК. – Ф.Р.145. – Оп.1. – Д.199. – Л.9.

⁶ *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории Приволжских калмыков. Астрахань, 1929. – Ч. III и IV. – С.37.

мо, предвидя будущую отставку, решил завоевать доверие и авторитет у калмыцких нойонов, избавившись от непокорных ногайцев.

В 1722 г. за убийство четырех мурз ногайцев Бахты-Гирей был лишен звания султана и отправлен в ссылку в Копыл. Тем временем, джембулуки и едисаны, воспользовавшись династическими ссорами между наследниками умершего Чакдоржаба, вновь бежали на Кубань. Когда умер Аюка-хан, Бахты-Гирей, нуждавшийся в сильной армии для восстановления своей власти, предложил его наследникам невиданный ранее проект: выйти из-под власти России и перейти на Северный Кавказ, где будет создано некое государство, в которое входили бы калмыки, ногайцы и кабардинцы¹. Эта идея очень заинтересовала калмыцких тайшей, тем более, что многие из них были недовольны усилением контроля царского правительства и действиями губернатора А.П. Волынского при выборе наследника Аюки. Нойоны Нитар-Дорджи и его злейший враг Дондук-Омбо неоднократно высказывали свои намерения об откочевке на Кубань. Однако, султану пришлось признать, что у него осталось всего 300 воинов² (1% от кубанской армии). Несмотря на это, контакты между калмыками и Бахты-Гиреем продолжали носить активный характер. После разгрома заговора 1724 г. против крымского хана Менгли-Гирея султан откочевал в район Яшкуля и выступил против пророссийской группировки Дасанга и Баксадай-Дорджи. В начале 1726 г. кубанский нурадын Салат-Гирей запер беглого султана в теснинах Малой Кабарды. Из тяжелой зимней блокады его выручили эркетени (один из ханских улусов). В октябре 1726 г. тысяча калмыков Дондук-Даши под командованием Бахты-Гирея ходила походом под Азов для захвата части едисанов и джембулуков.

Идея создания калмыцко-ногайского государства нашла немало сторонников среди тайшей. Основными союзниками Бахты-Гирея выступали его «побратим» Дондук-Даши и Дондук-Омбо. Даже некоторые ханские феодалы во главе с наместником Церен-Дондуком с интересом относились к этой идее. Слухи о создании некоего союза, независимого от России, достигли других племен, в том числе и башкиров, которые выразили готовность вступить в него в случае «антирусской направленности». Однако, Бахты-Гирей в тот период стремился к созданию собственного государства, а не к войне с Россией, поэтому он не проявил к этому предложению большого интереса. Кроме того, система сыска в этом случае сработала безукоризненно и вовремя предупредила уфимскую администрацию об этом заговоре.

В начале 1727 г. калмыцкие войска сосредоточились на реке Куме, но царской администрации удалось отговорить некоторых влиятельных феодалов от набега на Кубань. Обиженный Бахты-Гирей в описаниях своего государства летом 1727 г. исключил калмыков из его состава и предложил князю Голицыну проект создания крымско-кубанского ханства, вассального России³. Однако в начале 1728 г. калмыцкие войска вторглись на Кубань и в четырехдневной битве разбили хатай-кипчаков и салтанаульцев (солтан-улу)⁴. Джембулуки подчинились Бахты-Гирею без боя, но едисаны откочевали за Дон, в кочевья буджакской орды, где оставались до 1772 г.⁵ Остатки армии Салат-Гирея (10 тысяч едисанов, черкесов, запорожских и донских казаков-некрасовцев) укрылись на окраинах, ожидая (*скорого*) возмездия

¹ НА РК. – Ф.Р.145. – Оп.1. – Д.199. – Л.33.

² Пальмов Н.Н. Указ. соч. – С.175.

³ НА РК. – Ф.Р.145. – Оп.1. – Д.199. – Л.213.

⁴ Там же. – Л.277.

⁵ Бларамберг И. Указ. соч. – С.293.

Бахчисарая. Кроме того, хан в этот период был занят мятежом буджакского султана калги Адиль-Гирея, и Стамбул решил в 1729 г. оставить султаном Бахты-Гирея. В преддверии войны с Россией благодарный султан стал заманивать калмыков на Кубань. Ряд тайшей выразили готовность к откочевке на Кубань.

Из скудных описаний, сохранившихся с того времени, трудно определить предполагаемую территорию и структуру будущего государства. Положение серьезно осложняется тем, что участники этого необычного проекта имели разные точки зрения на эти проблемы, иногда даже противоречащие друг другу. Единственное, о чем можно было судить с уверенностью, так это вопрос вассалитета калмыцко-ногайского ханства. Предполагалось, что будущее образование будет независимо от Петербурга, Бахчисарая и Стамбула. С этим были согласны как калмыки, обиженные политикой Волынского, так и Бахты-Гирей, стремившийся вернуть себе власть на Кубани.

Но во многом их взгляды расходились. Например, Дондук-Даши, явно отражая мнение большинства нойонов, предполагал, что в будущем государстве Бахты-Гирей будет лишь кубанско-кабардинским султаном, подчиненным власти калмыков¹. Следует отметить, что Дондук-Даши не указал при этом имени будущего повелителя, ограничившись безличным «калмыки». Можно предположить, что кандидатура наместника Церен-Дондука как будущего хана его не устраивала. У Бахты-Гирея по этому поводу были совсем другие идеи, которых он не скрывал, тем более от «побратима» Дондук-Даши. Султан, даже будучи изгоем, укрывавшимся под защитой калмыцких сабель, предлагал калмыкам вступить в союз народов *своего* (выделено мною - У. О.) нового государства «на самых льготных условиях»².

Были серьезные расхождения и в вопросе о территории будущего ханства. Например, Бахты-Гирей видел свое государство на берегах Кубани, а с 1727 г. включил в проект и Крымский полуостров. Когда султан в 1728 г. захватил господство на Кубани, он не стал присоединять к своим владениям калмыцкие степи, а предложил калмыкам переселиться к себе. Дондук-Даши, по всей видимости, предполагал, что Крымское ханство будет постоянной угрозой их кубанским кочевьям, поэтому говорил, что если Крым завоевать не удастся, то кубанским татарам придется жить на берегах Волги. Подобные расхождения были и по другим вопросам.

Следует отметить, что Бахты-Гирей извлек немало пользы от идеи объединения. При помощи калмыцких войск он восстановил свое владычество на Кубани. Калмыки же вернулись домой фактически без добычи и на истощенных лошадях. Обещанные им джембулуки и едисаны оказались за Днепром в кочевьях буджакской орды. Мало того, один из нойонов - тай-ша цохуров Дондук-Омбо обещал перекочевать на Кубань и даже присягнул султану³. Однако, весной 1729 г. во время похода в Малую Кабарду Бахты-Гирей был убит пророссийски настроенными черкесами⁴. Следует заметить, что ни один из его преемников не имел подобного авторитета. Джантемира, соратника Бахты-Гирея, после гибели последнего, царская администрация не могла удалить из калмыцких кочевий более полутора лет, попросили переехать в Крым, а сыну кубанского султана наместник Церен-Дондук даже отказал в гостеприимстве. Со смертью Бахты-Гирея идея создания калмыцко-ногайского государства стала забываться.

¹ НА РК. – Ф.Р.145. – Оп.1. – Д.199. – Л.197.

² Там же. – Л.154.

³ Там же. – Л.302.

⁴ Емельянова Н. Мусульмане Кабарды. – М., 1999. – С.36.

Однако, спустя несколько лет эта идея вновь появилась и была близка к реализации. В начале 1731 г. правительство Анны Иоанновны решило возвести калмыцкого наместника Церен-Дондука в ханы. Но многие тайши, считавшие Церен-Дондука марионеткой, неспособной к управлению ханством, выступили против него. Во главе заговора встал Дондук-Омбо – один из близких друзей Бахты-Гирея. В ноябре 1731 г. в битве у озера Сасыколь его отряды разгромили ханские войска. Когда в степи прибыла карательная экспедиция князя Барятинского, Дондук-Омбо решил бежать из России. Ряд тайшей-мятежников предпочли вернуться в родные степи, несколько тысяч кибиток были отбиты экспедицией подполковника Ольца, но в начале 1732 г. 11 тыс. кибиток калмыков перешли в кубанские степи, которые к тому времени контролировались родственниками Бахты-Гирея. Видимо Дондук-Омбо надеялся, что планы Бахты-Гирея об объединении калмыков и кубанцев поддерживаются и его братьями, тем более, что здесь он мог опереться и на своих родственников-кабардинцев.

На Кубани улусы Дондук-Омбо не объединились с ногайцами и татарами, а стали кочевать отдельно, как союзники. Основные кочевья мятежных калмыков располагались вдоль границы с Россией, благодаря чему они могли легко производить набеги на улусы своих противников. За три года пребывания на чужбине Дондук-Омбо захватил более 5 тысяч кибиток калмыков, в том числе улусы эркетеней и бага-цатанов, а в 1734 г. на его сторону перешли влиятельные тайши Чидан (2 тыс. кибиток) и Дорджи Назаров с родственниками (более 10 тыс. кибиток). В результате этого, к началу 1735 г. под контролем мятежников оказалось более 28 тыс. кибиток. Помимо этого, Дондук-Омбо был замечен в действиях против российских войск. Например, в 1733 г., когда крупный корпус крымцев и кубанцев под командованием султана Фетис-Гирея шел в Персию, 10-тысячный отряд Дондук-Омбо фактически прикрывал его переход. В ходе столкновений казачий отряд полковника Борисова был уничтожен, а походный донской атаман Фролов попал в плен. Двум тысячам донских казаков, окруженных калмыками и татарами, удалось спастись только благодаря помощи кабардинцев М. Кургокина¹.

Однако, до воплощения идеи Бахты-Гирея было все же далеко. На Кубани Дондук-Омбо получил защиту местных властей и поддержку родственников-кабардинцев, но ни кубанский султан, ни крымский хан формально не приняли их в состав своих улусов. Мало того, когда мятежный тайша попросил у хана Каплан-Гирея разрешения перейти в Крым, то в ответ получил оскорбительное требование о передаче томутов и 200 детей в подарок, что гордый нойон расценил как требование дани. Многие татары и ногайцы относились к мятежникам крайне враждебно. Дворянин Семен Казанцов, ездивший с дипломатической миссией к Дондук-Омбо, вспоминал, что кубанцы из конвоя нурадына, когда тот приезжал в гости к тайшам, выливали на землю мясо и молоко, предложенные калмыками, называя их «гяурами»². Экономическое положение мятежных улусов было очень тяжелым: большое количество скота погибло, оставшийся скот расхищался кубанцами и черкесами. Некоторые тайши, например Данжин-Дорджи и Чидан, бежали на Кубань вовсе без скота.

Конечно, многие калмыки были крайне недовольны условиями жизни на Кубани и отношением к ним ногайцев. Даже верный соратник Дондук-Омбо, его родной

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до XVIII в. – М., 1988. – С.428.

² Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. – Элиста, 1995. – С.95.

брат Бокшурга говорил: «...лучше ему на Волге есть мелкую рыбу таранину, нежели на Кубани баранину»¹. Неудивительно, что, когда Анна Иоанновна в 1735 г. обещала прощение и пост наместника, Дондук-Омбо решил вернуться на Волгу. Узнав об этом, крымский хан Каплан-Гирей прислал тайше богатые дары и даже пообещал ему титул сераскера и «над всем кубанским и калмыцким народом главное правление..., токмо б он возвратился к Кубани»². Однако, все иллюзии, которые Дондук-Омбо, возможно, питал относительно объединения калмыков и ногайцев, окончательно рассеялись после трехлетнего пребывания на Кубани. Поэтому мятежный нойон предпочел присягнуть на верность России.

Уже через несколько месяцев в ходе русско-турецкой войны 1735-1739 гг. он жестоко отомстил своим бывшим «гостеприимцам». В кампании 1736 г. калмыцкие войска при поддержке отрядов Ефремова и Краснощекова «разорили весь край»³. Потери ногайцев и кубанских татар исчислялись десятками тысяч. Племена наврузулу и салтан-улу были вынуждены присягнуть России и платить дань Дондук-Омбо. Вся Кабарда отошла от Османской империи. Крымский хан Каплан-Гирей в том же году был низложен с бахчисарайского престола (в третий раз за 30 лет). Позже, когда из-за чумы контакты между Кавказом и Россией были прерваны, Фетис-Гирей с ордой мурзы Мусы и остатками наврузов пытался вернуть Кабарду в подчинение Стамбулу, но Дондук-Омбо совершил на ногайцев еще три опустошительных набега⁴ и подчинил России практически все Прикубанье.

Отношения между калмыками и ногайцами снова приняли характер «победители-подчиненные», но ненадолго. Ногайские племена, попавшие под контроль Дондук-Омбо, сочли дань свою наместнику слишком тяжелой и добились ее отмены уже в 1740 г.⁵. Спустя год грозный хан умер, ввергнув своих подданных в очередную междоусобицу. В конце концов, на ханский престол был возведен его враг Дондук-Даши. Дондук-Даши был «побратимом» Бахты-Гирея и часто поддерживал султана в его авантюрах, но, придя к власти, предпочел верную службу России. Что касается ногайцев, то после опустошительных набегов Дондук-Омбо они стали относиться к калмыкам с еще большей враждебностью. К середине XVIII в. все ногайские племена были выведены из-под власти калмыков и поставлены под контроль царских наместников и губернаторов.

Калмыцкие и ногайские племена в первой половине XVIII в. вели идентичный (полукочевой) образ жизни. Основой их экономики было пастбищное скотоводство. У этих этносов был схожий быт, уклад жизни; их культуры имели общие черты. Объединению калмыцких и ногайских племен благоприятствовала и геополитическая ситуация. Вместе с тем, на наш взгляд, попытки объединения кочевых племен не имели больших шансов на успех, т.к. калмыки и ногайцы исповедовали разные религии. Их культурно-поведенческие стереотипы во многом не совпадали; сами этносы входили в сферу влияния разных цивилизаций.

В подтверждение этого вывода приведем несколько примеров. В составе калмыцких улусов кочевало значительное количество (более 16 тыс.) туркменомусульман, попавших в Нижнее Поволжье еще в XVII в. Они проживали компактной группой, вели привычный образ жизни, сохраняя свою религию. Тем не менее, туркмены предпочли выйти из-под власти калмыцких тайшей и подчиниться цар-

¹ Бакунин В.М. Указ соч. – С.109.

² Там же. – С.149.

³ Широкопад А.Б. Русско-турецкие войны 1676-1918 гг. – Минск, 2000. – С.103.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до XVIII в. – С.431-432.

⁵ Бларамберг И. Указ. соч. – С.293.

ским властям¹. Аналогичный пример можно привести и в отношении мусульман-калмыков: томутов и шеретов. Например, томуты (потомки казахов и башкиров, бравших в жены калмычек) предпочли жить на Дону, среди оседлых народов, нежели вернуться к калмыкам-кочевникам. Шереты (группа дербетов, принявшая ислам в ходе одной из междоусобиц при Церен-Дондуке), которых с трудом удалось вернуть прежним владельцам, при первой же смуте откочевали к туркменам и ногайцам. В 1846 г. шеретам предложили выбрать место поселения. Они выбрали «магометан Северного Кавказа» и вновь переселились к туркменам и ногайцам².

Из всего этого можно сделать вывод, что в описываемый период религия являлась важнейшим элементом культурно-поведенческого стереотипа.

¹ *Паньков И.П.* Из истории ставропольских туркмен и калмыков в XVII-XVIII вв. Новые материалы. – Чарджоу, 1960. – С.5.

² *Борисенко И.В.* О расселении шеретов, томутов, гугуевских (*чугуевских*) и беляевских калмыков // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. – Элиста, 1983. –С.54.

«НОРМАТИВНЫЙ» ИСЛАМ И ТРАДИЦИОННЫЕ НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В. Сызранов

Ногайцы-карагаши (в дореволюционных источниках – «кундровские татары») появились в Астраханской губернии во второй половине XVIII в. Это были выходцы из Малой Ногайской (или Казиевой) Орды, располагавшейся в Прикубанье. По сохранившимся преданиям, предки карагашей кочевали в районе современного г. Пятигорска. От местности, изобиловавшей «известного рода породюю дерев карагач» и произошло название карагаш, что дословно можно перевести как «чернолесцы»¹. В 1723 г. эта группа была пленена калмыками и обложена данью. До конца XVIII в. они пребывали в составе Калмыцкого ханства, кочуя в зимний период с калмыками, а в летнее время отдельно достигая территории Астраханской губернии. После ухода большинства калмыков в 1771 г. обратно в Джунгарию, карагаши освободились и перешли непосредственно в российское подданство. Им отвели для кочевания земли в Красноярском уезде Астраханской губернии. В 1788 г. карагаши основали два селения – Сеитовку (на р. Ахтубе) и Ходжетаевку (на р. Берекет). В течение XIX в. путём выселения из этих сёл образуются другие аулы карагашей: Лапас, Ясын-Сокан, Малый Арал, Большой Джанай, Малый Джанай и др. В этих сёлах карагаши зимовали, а летом кочевали, живя в юртах. Скотоводство составляло основу их экономики. Известно также, что карагаши сеяли просо. Окончательное оседание карагшей на землю произошло только в период колхозного строительства, в 20-е гг. XX в.²

Астраханские ногайцы-карагаши издревле придерживаются ислама суннитского толка ханифитского *мазхаба*. Академик И.Г. Георги (1729-1802) пишет о российских ногайцах вообще: «...последуют Магометанскому закону Сунискаго направления»³. Предки ногайцев были исламизированы ещё в эпоху Золотой Орды.

Одним из первых, кто обратился к анализу религиозных верований карагашей, был российский этнограф П.И. Небольсин (1817-1893). Некоторые современные исследователи⁴ чаще всего обращают внимание на следующую его фразу: «молодёжь Кундровцев не тверда в вере в Магомета: редко ходят они в мечеть и не хлопчут о соблюдении предписанной Кораном чистоты телесной; они даже пятого намаза не исполняют. К муллам своим, которых всего шестнадцать, в каждом селе-

¹ Небольсин П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о Кундровских татарах // Вестник Русского географического общества. – СПб., 1851. – Т. 2. – Отд. V. – С. 2.

² Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. – Ч. II. – О народах татарского племени и других не решенного ещё происхождения северных сибирских. – СПб., 1799. – С. 44; Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. – СПб., 1852. – С. 76-79; Небольсин П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о Кундровских татарах. – С. 2-4; Викторин В.М. К этнической истории карагашей // // Вопросы социально-экономического развития и общественного движения в Поволжском крае / Поволжский край. – Вып. 8. – Саратов, 1983. – С. 150-161. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев. А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1988. – С. 50-51; Идрисов Э.Ш. К характеристике идентичности астраханских ногайцев // Проблемы межкультурной коммуникации: история и современность. Тезисы научно-практической конференции. – Вып. 6. 26-27 апреля 2004 г. Ростов-на-Дону, 2004. – С. 133; Он же. К этнокультурному развитию ногайцев-карагашей // Традиции живая нить (сборник материалов по этнографии Астраханского края). – Вып. 11. Астрахань, 2005. – С. 30.

³ Георги И.Г. Указ соч. – С. 30.

⁴ См., напр.: Викторин В.М., Нафтуллин А.Д. Ислам и население Астраханской области // Ислам и современность (методические рекомендации в помощь лекторам-атеистам). – Астрахань, 1988. – С. 33; Магомедов А.К., Маузузато К., Викторин В.М. Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферия» мусульманского пространства. – Ульяновск, 2006. – С. 29.

нии (Сеитовке и Ходжетаевке. – А.С.) по восьми, Кундровцы мало имеют уважения; полагают, что еслиб само начальство не назначало к ним мулл, то Кундровцы и позабыли бы об них»¹. Из этого следует вроде бы логичный вывод о слабой исламизации карагашей в XIX в. Однако, уже само упоминание Небольсиным карагашских мечетей и шестнадцати (!) мулл в двух аулах свидетельствуют об относительной справедливости подобных утверждений. Кроме того, исследователь сообщает, что карагаши отмечали мусульманский праздник разговения (араб. *Ид ал-фитр*, тюрк. *Ураза-байрам*), а, следовательно, некоторые из них соблюдали пост в священный месяц *рамадан*, совершали обрезание мальчиков (обряд *суннат*), брак, похороны и поминки в соответствии с шариатскими нормами². Так, в частности, Небольсин описывает вполне мусульманские похоронные обряды карагашей: «Похороны совершаются с одинаковыми обрядами, как и у всех мухаммедан: покойника обвёртывают белым бумажным полотном и опускают в яму, сбоку которой, в самом низу, подрывают особое отделение; нишу эту, по помещении туда трупа, закладывают жердочками, а самую яму зарывают и накидывают на неё невысокую кучку земли, в середине которой ставят или коротенькую жердь или... маленький деревянный столбик»³. Важным также представляется замечание Небольсина о том, что у карагашей «... обоюдные споры по имуществу кончаются домашним образом, или личными мировыми сделками, или частным разбором мулл по Шариату, или на основании положений Корана»⁴.

По архивным материалам известно, что в 1885 г. в селении Ходжетаевском было 8 мечетей, а в селении Сеитовском – 5 мечетей⁵. По сведениям информаторов, представители каждого рода ходили в свою мечеть⁶. Кроме того, некоторые мечети г. Астрахани были исторически связаны с карагашами. Так, на современной улице Менжинского, 90 (территория бывшей татаро-юртовской Царевской слободы (татар. Тияк, на р. Царёв), которая с середины XIX в. вошла в состав города как 6-ой полицейский участок) находится Зелёная мечеть, известная также как мечеть №8. Она была построена в 1831 г. неким Нураши Ниязовым. Сам же мусульманский приход образовался в начале XIX в. К этой мечети были приписаны жившие вокруг юртовские ногайские татары и ногайцы-карагаши⁷. В 1901 г. приход мечети состоял из 204 мужчин и 202 женщин, в т.ч. 142 домохозяина⁸. В 1898 г. имам-хатыбом и *мугаллимом* Зелёной мечети стал ногайско-татарский просветитель Абдурахман Умеров, или Габдрахман Гумари, Абд ар-Рахман б. Исмаил б. Умар ал-Хаджи-Тархани (1867-1933 гг.), карагаш по происхождению⁹. При мечети были *мадраса*/медресе (высшее мусульманское учебное заведение)¹⁰ и *мактаб*/мектеб (мусульманская школа начального уровня) для женщин¹¹. В 1938 г. Зелёная мечеть по решению Сталинградского облисполкома была закрыта и передана под «культурно-социальные нужды»¹². Известно, что в 1948 г. часть бывшей мечети исполь-

¹ Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852 – С. 106.

² Там же – С. 99.

³ Там же. – С. 100-101.

⁴ Там же. – С. 108.

⁵ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 9. – Д. 716. – Л. 17.

⁶ Полевые материалы автора.

⁷ *Абдурахман Умеров*: научно-биографический очерк /Авт.-сост. С.Т. Рахимов. – Казань, 2002. (на татар. языке). – С. 266.

⁸ ГААО. – Ф. 290. – Оп. 3. – Д. 312. – Л. 313-314.

⁹ ГААО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 54183. – Л. 2-2об., 19-19об.

¹⁰ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1294. – Л. 3об.

¹¹ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1730. – Л. 20.

¹² ГААО. – Ф. 1095. – Оп. 1. – Д. 213. – Л. 14.

зовалась как общежитие рабочих Каспфлота, а часть пустовала¹. По решению Астраханского облисполкома в этом году здание было передано под районную поликлинику². Сегодня мечеть заброшена и не функционирует. Среди ныне действующих мечетей г. Астрахани с ногайцами также связана Нугай-мечеть (т.е. «Ногайскую мечеть»), или мечеть №2 на улице Спартаковская, 21. До революции она имела порядковый номер «12»³. Название «Ногайской» получила оттого, что в неё приезжали молиться сельские ногайцы⁴. Мечеть сегодня также иногда называют Зелёной, видимо, из-за зелёного окраса деревянных стен. Нугай-мечеть была построена в 1825 г.⁵ или, по другим данным, в 1830 г.⁶ Продолжала функционировать в советское время. По архивным данным, в середине XX в. приход мечети составлял 250-300 человек, а по праздникам мечеть посещали 2000-2500 человек⁷.

В 1875 г. в Ходжетаевке насчитывалось 5 «татарских школ», в Сеитовке – 2⁸. «Учат в этих медресе (хотя, скорее всего, речь идёт о мектебах, а не о медресе. – А.С.) знанию молитв и первоначальным понятиям обряда магометанского закона, а потом чтению и письму на татарском языке. Родители обычно посылают своих детей к мулле своего рода или прихода в дом, где они и обучаются, за эти занятия с детьми муллы получают крайне скудные средства, в виде барана, телёнка или двадцати копеек за мальчика... Учатся же дети не все, и то лишь тогда, когда народы возвращаются с кочёвки на зимовье в селения, а это время бывает с ноября по апрель»⁹.

В 1927 г. у астраханских ногайцев-карагашей побывал этнограф В.Д. Пятницкий. В частности, он отмечает усиление исламизации карагашей: «Карагачи – мусульмане суннитского толка. Полный индифферентизм к исламу, отмеченный у них Небольсиным в шестидесятые годы прошлого столетия, в данное время места не имеет. С тех пор карагачи достаточно омусульманились. На место мулл, направляемых правительством, в каждом роде нашлись свои кандидаты, а теперь некоторые семьи гордятся наследственностью этого звания (в другом месте В.Д. Пятницкий сообщает, что большинство карагашских мулл «с домашней выучкой»¹⁰. – А.С.). Раскинутая муллами сеть мектебов (в 1877 году у карагашей было шесть мектебов), одно время завершалось открытие в Ходжетаевке медресе (! – А.С.). Впрочем, из-за банкротства своего попечителя медресе просуществовало недолго. Отдельные ревнителы по вере совершали хадж (т.е. *хаджж*/хадж – паломничество в Мекку, один из столпов ислама. – А.С.)»¹¹. Далее исследователь описывает мусульманские похоронно-поминальные обряды карагашей¹².

Однако, наряду с прочными позициями «нормативного», «официального» ислама, у ногайцев-карагашей Астраханской области по сей день сохранился широкий круг представлений и обычаев, восходящих своими корнями или тесно перепле-

¹ ГААО. – Ф. 3371. – Оп. 1. – Д. 213. – Л. 1.

² Там же – Л. 2.

³ Там же – Л. 94.

⁴ Викторин В.М., Нафтуллин А.Д. Указ соч. – С. 33.

⁵ Frank A.J. Muslim Sacred History and the 1905 Revolution in a Sufi History of Astrakhan // Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel / Ed. by D. DeWeese. – Bloomington, 2001. – P. 310.

⁶ ГААО. – Ф. 3371. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 94.

⁷ ГААО. – Ф. 3371. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 94.

⁸ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 11. – Д. 798. – Л. 7об.

⁹ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 11. – Д. 798. – Л. 13-13об.

¹⁰ Пятницкий В.Д. Карагачи (По материалам поездки в 1927 г.) // Землеведение. Географический журнал им. Д.Н. Анучина. – Т. 32. – Вып. 3-4. – М., 1930. – С. 162.

¹¹ Там же. Указ соч. – С. 159-160

¹² Там же. – С. 168-169.

тенных с доисламскими традициями, которые подверглись влиянию ислама¹. Это, прежде всего, исламизированное шаманство, анимистические верования, культ предков, обряды вызывания дождя и др. По меткому выражению В.Д. Пятницкого, «наряду с полным правоверием наблюдается компромисс религии и верований до-мусульманских»².

Подробный анализ «народно-мусульманских» верований карагашей конца XIX в. впервые мы находим в работе В.А. Мошкова. Так, в частности, он сообщает сведения об анимистических персонажах ногайцев (*шайтанах*, *албаслы*, домовых, леших – *тирэк-шайтанах*)³, традициях мужского и женского шаманства⁴. В.А. Мошков приводит интересное описание сеанса шаманского лечения, и, хотя он рассказывает о казахском шамане (*бахсы*), лечившем ногайца, подразумевается, что также лечили и ногайцы-*бахсы*. Вот что рассказал исследователю один красноярский ногаец-карагаш: «У нас в семействе был тяжкий больной, которого мы долго лечили разными домашними средствами, но совершенно безуспешно. Вдруг однажды, неизвестно откуда, к нам является совершенно незнакомый бахса-киргиз (т.е. казах. – А.С.) и прямо говорит: «у вас есть больной такой-то; я пришёл его излечить». Осмотрев больного, он велел отыскать в степи сухую лошадиную кость из лопатки. Когда кость была найдена и принесена, бахса развёл огонь, положил на него кость и кусок железа. Пока обжигалась кость и нагревалось железо, он, сидя на земле, качался всем корпусом и пел непонятные песни до тех пор, пока изо рта у него не пошла белая пена. Когда железо накалилось до красна, бахса приложил его к своему языку, так что язык его даже зашипел. Потом он ножом разрезал себе кончик языка и кровью своей капнул на раскалённое железо. Затем взял обожжённую кость, долго глядел на неё, истолок в порошок, насыпал в чашку с водой, прибавил туда соли и всё это размешал. Потом велел вывести больного на двор, сначала давал ему нюхать жжёную шерсть, а в заключении всего взял свою смесь из чашки в рот, и прыскавая этой жидкостью на раскалённое железо, дул паром на больного. В конце концов он бросил чашку с водой в одну сторону, а железо в другую, и объявил, что лечение окончено, но, что, если оно не поможет, он придёт в другой раз. Мы наградили бахсу деньгами и одеждой, рассказывал ногаец, сколько могли и через три дня наш больной действительно выздоровел, а бахсы мы с тех пор больше не видели»⁵.

Ещё об одних способах лечения, практикуемых ногайскими шаманками-*баксы* в конце 1920-х гг., рассказывает В.Д. Пятницкий: «... Есть и женщина-*баксы* – старуха в пос. Зайково... Применяемый ей способ лечения: учуклук – окуривание пациента, и кагынды – нахлёстывание по больному месту соответствующей частью, взятой от животного. Выбор животного зависит от аппетита духа: чаще всего идёт баран или бычок»⁶. Пятницкий также описывает обряд *кудай джол*, совершаемый

¹ Это явление получило в исламоведческой литературе название «народный ислам», под которым понимается синкретичный комплекс исламских и доисламских религиозных представлений. См., напр.: *Гольдциер И.* Культ святых в исламе (Мухаммеденские эскизы). – М., 1938. – С. 109; *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. – М., 1970. – С. 6; *Басилов В.Н., Снесарев Г.П.* Введение // Древние обряды, верования и Культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М., 1986. – С. 3; *Поляков С.П.* Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. – М., 1989. – С. 69; *Мустафина Р.М.* Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX – XX вв.). – Алма-Ата, 1992. – С. 3; и др.

² *Пятницкий В.Д.* Указ соч. – С. 160.

³ *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Мелодии ногайских и оренбургских татар // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – Казань, 1894. – Т. XII. – Вып.1. – С. 25, 27-28,

⁴ Мошков В.А. Указ соч.. – С. 30-32.

⁵ Там же. – С. 31.

⁶ *Пятницкий В.Д.* Указ соч. С. 160.

«для отвращения всяких бедствий, как например прилёт саранчи...»¹, приводит сведения об анимистических персонажах: демонах *шайтанах* и *албасты*, домовом - *джурт иеси*, духе воды - *су анасы* и др.²

Для астраханских ногайцев-карагашей и по сей день характерна вера в существование различных демонологических существ: *шайтанов*, *джиннов*, длинногрудую *албаслы*, многоголового змея *аждаха*, прекрасных *пери* и др.³

Духов ногайской мифологии можно, более или менее определённо, поделить на три категории: духи-покровители (*ауля/аулялар*, *арвахи/арвахлар*), духи-демоны (*шайтаны*, *джинны/жинны*, *албасты/албаслы*, *аждаха*, *пери*), духи-хозяева различных мест (*су иясе*, *иден иясе*, *урман иясе*, *джер иясе*). Основное различие между тремя категориями духов лежит в представлениях о различном характере взаимоотношений между ними и человеком. Духи первой категории по своей природе не только не враждебны человеку, но, в основном, покровительствуют ему, хотя иногда они могут наказывать людей за совершение неблагоприятных (с т.зр. этих духов) проступков либо принуждая таким образом исполнять их желания. Ко второй категории относятся злые духи, демоны, враждебные людям по самой своей природе. Считается, что независимо от поведения человека они, уловив момент, принесут ему вред – болезнь или смерть. Духи-демоны никогда не покровительствуют человеку, а если временами и оказывают ему помощь (иногда даже трудятся на него), то только будучи принуждёнными к этому силой. Третья категория представлена духами-хозяевами различных мест, которых обобщённо можно назвать *иясе* (тюрк. «дух-хозяин»). Вера в *иясе* восходит к мифологии древних тюрков⁴. Духи *иясе* связываются с определёнными элементами природы и жилищем человека. Под воздействием ислама *иясе* превратились в злых духов. Однако, по своей природе эти духи занимают промежуточное положение между духами двух первых категорий и могут как навредить человеку и даже иногда принести ему смерть, так и помочь ему по своей воле. Поэтому люди, с одной стороны, опасаются духов-хозяев, а с другой – стремятся умиловить их и приносят жертвы (правда, не всем). Таким образом, основное различие между тремя категориями духов лежит в представлениях о различном характере взаимоотношений между ними и человеком.

О почитании святых (*ауля*, *аулялар*) расскажем ниже. Несколько слов о культуре предков-*арвахов*. Карагаши всегда с почтением относились к памяти предков и местам их погребений. Сегодня даже простое чтение молитв у могил предков считается очень полезным. Распространены представления о том, что духи предков могут помочь своим потомкам в разных трудных ситуациях и в исполнении желаний.

Почитание предков наиболее отчетливо проступает в ногайской похоронно-поминальной обрядности. Особый интерес представляет поминальный обычай, связанный с принесением жертв душам умерших. У карагашей принято каждый четверг или пятницу жарить на растительном масле ритуальные пышки (*баурсаки*, *кайнары*) и готовить чай. По поверьям, в это время духи предков посещают дома своих потомков и принимают участие в трапезе, наслаждаясь и питаясь запахом печеного. Эти представления встречаются у многих мусульманских народов Средней Азии, Северного Кавказа и других регионов⁵.

¹ Пятницкий В.Д. Указ соч С. 160.

² Там же. С. 160-161.

³ Полевые материалы автора.

⁴ Басилов В.Н. Эе // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 632.

⁵ Басилов В.Н. Культ святых в исламе. – М., 1970. – С. 135; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и

Наиболее распространённым демоническим образом у ногайцев-карагашей является *шайтан*. *Шайтанами* обобщённо именуется все злые духи. В собственно арабо-мусульманской мифологии *шайтан* – одно из имён дьявола, а также одна из категорий *джиннов*. Слово «шайтан» родственно библейскому термину «сатана». По представлениям мусульман, каждого человека сопровождают ангел и *шайтан*, побуждающие его соответственно к добрым и нечестивым поступкам. *Шайтаны* могут являться в человеческом обличье, иногда имеют имена¹.

В.Д. Пятницкий сообщает: «Из существ, враждебных человеку, на первом месте стоит шайтан. Против козней шайтана помогают тумары (араб. *тумар* - «лист», «грамота», «письмо», «кусочек папирусного свитка». - А.С.) – амулеты в виде карманов, нашиваемые на платье со вложенными в них молитвами. Одинаковую силу с тумарами имеют перья филина. Впрочем, последние действительны только относительно ребят»². У тех же карагашей в конце XIX в. В.А. Мошковым была записана интересная легенда о *шайтане* Тажале: «Где-то далеко на западе, на конце земли, есть высокие горы Гафдаһа, за которыми кончается мир и начинается царство шайтанов. Один из шайтанов по имени Тажаль задумал ещё в детстве завоевать человеческий мир. Отец Тажаля стал возражать ему, за что и был убит сыном. За это великое преступление Бог велел приковать Тажаля к тому месту, на котором он родился. С тех пор Тажаль сидит на цепи и роет гору, отделяющую его от нашего мира. Целый день он роется, затем засыпает, а на утро гора опять такая же как была. Но он не унывает и продолжает работу... Ему всё хочется увидеть этот мир, и когда он увидит, то свет кончится. Старики говорят, что когда это и случится»³. Образ Тажаля явно восходит к Даджжалу (араб. «обманщик») – искусителю людей в мусульманской мифологии, который должен появиться перед концом света. Типологически и функционально Даджжал соответствует антихристу в христианской мифологии⁴.

Шайтанов огромное количество. Во главе их стоит Иблис-дьявол. *Шайтаны*, по мнению туркмен, обитают в нечистых местах: в туалетах, кучах навоза, на мусорках, скотобойнях (где много крови) и т.п. Особенно опасными *шайтаны* бывают во время сумерек, при закате солнца. Детей в это время обычно не выпускают на улицу или заводят домой. Также нежелательно ложиться спать в эти часы. Их основное занятие – вредить людям. Шайтаны могут принимать любое обличье, например собаки или коровы. Если человек увидит *шайтана*, то может заболеть. Повсеместно самым эффективным средством против козней демонических существ вообще и *шайтанов*, в частности, считается чтение Корана (особенно 36-ой суры «Йа син») и ношение амулетов, именуемых *дога* (или *догалык*; от араб. *дуа* – «призыв», «молитва») - кожаных прямоугольных или треугольных мешочков с зашитой внутри молитвой из Корана. Кроме того, по мнению старожил, *шайтаны* боятся острых железных предметов (например, ножа или ножниц)⁵.

Не менее распространённым персонажем является демон, именуемый *джинн/жин*, который был явно заимствован тюрками из арабо-мусульманской мифологии. В Аравии *джинны* были известны ещё в доисламскую эпоху (*джахилийя*) как неперсонифицированные божества, которых считали родственными Аллаху

обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969. – С. 117.

¹ Пиотровский М.П. Шайтан // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 618.

² Пятницкий В.Д. Указ соч. – С. 160.

³ Мошков В.А. Указ соч. – С. 26-27.

⁴ Пиотровский М.П. Даджжал // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 169.

⁵ Полевые материалы автора.

(Коран, 37: 158) и ставили рядом с ним (Коран, 6: 100); *джиннам* приносили жертвы, к ним обращались за помощью (Коран, 72: 6). Согласно мусульманской традиции, *джинны* созданы Аллахом из бездымного огня и представляют собой воздушные или огненные существа, обладающие разумом. Они могут принимать любую форму. Есть *джинны*-мусульмане, но большинство *джиннов* составляют воинство Иблиса¹. Духи *жин* в представлениях карагашей близки *шайтанам*. Они вредят людям, вызывая у них различные болезни и психические расстройства. Если увидишь *джинна*, то можешь тяжело заболеть.

Большое место в анимистических верованиях карагашей занимают поверья об *албасты/албаслы*. *Албасты* – злой демон, связанный с водной стихией; известен широкому кругу тюркских, иранских, монгольских и кавказских народов. Из работ В.А. Мошкова и В.Д. Пятницкого нам известно как представляли себе *албасты* астраханские ногайцы в конце XIX - первой половине XX вв. Так, В.А. Мошков сообщает: «Ногайцы Астраханские верят в существование водяного духа, которого они называют албаслы. Дух этот бывает обоих полов и плодится. Кроме воды, главного его местопребывания, он водится ещё в старых банях, в мельницах и на старых кладбищах. Видом он похож на человека, но у него нет носовых костей, а только одна ноздря. Тело его покрыто очень мягкой шерстью вроде пуха, а ноги обращены ступнями назад. Если его ухватить за волосы и привести домой, то он делается совсем как обыкновенный человек. У албаслы – необыкновенного размера груди, которые висят до земли и мешают ему бегать. Если человек застанет его в тот момент, когда груди у него впереди, то его легко догнать, если же он успеет груди перекинуть на спину, то тогда его нельзя догнать даже на лошади. Албаслы вредит человеку во-первых, тем, что стаскивает его в воду и топит, во-вторых, старается у беременной женщины, когда она родит, вынуть душу, что ему иногда и удаётся»². А вот что пишет об *албасты* В.Д. Пятницкий: «Женщинам особо вредит – албасты – существо женского же пола. Смертный исход во время родов – дело рук албасты. Водится в песках... Видеть её можно в полдень. Ростом в один аршин, ноги в один вершок. Безобразно отвисшая грудь при бегстве забрасывается за спину через плечи. Ходит пятками вперёд, ступнями назад»³.

Корме того, оба исследователя приводят рассказы о случаях подчинения *албасты* человеком. В случае, описанном В.А. Мошковым, один «знающий опытный человек» поймал демона, избил его гашником – ремнём от штанов (при этом исследователь отмечает, что *албасты* нужно бить только гашником) и вырвал два волоса из её головы, положив их в Коран. Тем самым этот человек приобрёл власть над *албасты*, и она около года вынуждена была работать на него, пока малолетний сын человека по незнанию не освободил демона, отдав ему те два волоса⁴. В.Д. Пятницкий сообщает о некоем Мурзали Салихове, который в молодости также поймал *албасты* и избил её поясом-гашником. «Та дала слово никогда не вредить его родственникам. Обещание выполняла честно. Больше того, если семья, в которой ожидается прибавление семейства, одолжится у старика Салихова чапашкой, роды в таком случае проходят весьма благополучно»⁵.

Современные ногайцы-карагаши Красноярского района Астраханской области считают, что *албаслы* может принимать облик человека, лошади, верблюда, выгля-

¹ Пиотровский М.П. Джинн // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 185-186.

² Мошков В.А. Указ соч. – С. 27-28.

³ Пятницкий В.Д. Указ соч. – С. 160.

⁴ Мошков В.А. Указ соч. – С. 28.

⁵ Пятницкий В.Д. Указ соч. – С. 160-161.

дочь как огонёк, но чаще она является в образе старой уродливой женщины с длинными волосами и такими длинными грудями, что она закидывает их за спину. У неё вывороченные ступни или копыта на ногах. При передвижении *албаслы* может развивать необычайную скорость. Живёт демон в степи, в старых заброшенных домах, в лесу. *Албаслы* может «путать» человека в дороге, наслать на него болезнь. Особенно она вредит женщинам; стоит женщине увидеть духа, как она тут же может заболеть¹.

Ещё один злой дух в традиционной демонологии карагашей – *айдахар*. Он представляется как чудовищный змей, дракон, «главный среди змей». Демон может иметь несколько голов. *Айдахар* живёт на кладбищах. Поэтому, приходя на кладбище, необходимо молиться, чтобы демон не появился. От него можно спрятаться под семью котлами-казанами. С *айдахарами* в древности сражались герои-батыры².

Образ *айдахара/аждахара* распространён в мифологии многих тюркоязычных и ираноязычных народов Малой Азии, Центральной Азии, Северного Кавказа, Поволжья и Западной Сибири. Он восходит к персонажу иранской мифологии Ажи-Дахака. В зороастрийской «Авесте» Ажи-Дахака – трёхглавый дракон, один из сильнейших демонов. Он был побеждён божеством Траэтаоной, закован в цепи и подвешен в вулканическом жерле священной горы Демавенд. Перед концом света Ажи-Дахака вырвется на волю и воцарится в мире на короткий срок³.

С иранской мифологией и «Авестой» связано происхождение и другого демонического образа – *пери*⁴. Представления о духах *пери* у карагашей в настоящее время весьма скудны и находятся на стадии исчезновения. Известно, что *пери* – это злые духи, имеющие много общего с *шайтанами*. Они могут так заколдовать человека, что он становится «бешеным», психически нездоровым, теряет память. Среди *пери* есть и мужчины и женщины. *Пери* «кружат голову» человеку, парализуют его⁵.

Образ *пери* находит аналогии в верованиях народов Малой и Средней Азии, Казахстана, Кавказа и Поволжья, испытавших влияние иранской традиции. У большинства народов Центральной Азии *пари* – одни из главных духов-помощников шаманов. Даже одно из наименований шамана – *порхан/парихон* содержит в себе слово «*пари*» и означает буквально «отчитывающий *пари*». Широко распространены поверья о том, что духи *пари* могут вступать в сексуальную связь с людьми⁶.

Карагашам известны также злые духи *жалмауз/жалмауыз* и *убыр*. Про *жалмауза* говорят, что это очень прозорливый демон-людоед; его имя с ногайского переводится как «обжора» (этимологически – «двадцать ртов»). В.Д. Пятницкий пишет: «Слово *джалмауз*, как глубоко обидное, фигурирует в ссорах и применяется к лицам, у которых подряд мрут дети»⁷. Сегодня слово «*жалмауз*» может употребляться как синоним слов «жадный», «прозорливый».

Жалмауз – чисто тюркский персонаж. Так, у казахов есть демон *желмауыз кемпир* – старуха-людоедка, которая похищает и пожирает детей. Таков и киргизский демон *желмогуз кемпир*. Аналогичные персонажи известны казанским татарам (*ялмавыз карчык*), уйгурам и башкирам (*ялмауз/ялмауыз*), узбекам (*ялмовиз кам-*

¹ Полевые материалы автора.

² Там же.

³ Лелеков Л.А. Ажи-Дахака // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 24.

⁴ Литвинский Б.А., Басилов В.Н. Пари // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 428-429.

⁵ Полевые материалы автора.

⁶ Басилов В.Н. Избранники духов. – М., 1984. – С.45; Литвинский Б.А., Басилов В.Н. Указ соч. – С.429.

⁷ Пятницкий В.Д. Указ соч. – С. 161.

пир)¹. Вопрос о происхождении этого образа сложный. Есть мнение о том, что образ *жалмауза* восходит к древнему культу богини-матери². Это предположение подтверждается карагашским материалом. По их представлениям *жалмауз* связан с Луной. Так, В.А. Мошков сообщает, что, по представлениям карагашей, солнце и луна есть большие полые шары, «внутри которых сидят две старушки, в солнце – Джилмаузкарт, а в месяце – Джилмауз. Они объезжают весь мир: одна днём, другая ночью, и смотрят, что делается на земле»³. Луна у многих народов являлась небесным символом богини-матери⁴. При исламизации благодетельная богиня, видимо, превратилась в злую старуху-людоедку.

О демоническом персонаже *убыр* нам удалось выяснить крайне мало; большинство информантов отождествляют его с *шайтаном*.

В третью категорию духов-хозяев определённых мест входят: *су иясе, идэн иясе, урман иясе, джер иясе. Идэн иясе* – дух-хозяин дома, домовый⁵. Его другое название *йорт/джурт иясе* – «хозяин двора». По мнению карагашей, *идэн иясе* невидим, а когда показывается людям, то выглядит как карлик или великан. В целом, домовый считается полезным духом, он «смотрит дом», охраняет его, следит за порядком в доме. Однако, если его побеспокоить, вызвать у него недовольство, то он станет буйствовать: стучать, вообще производить всякий шум, двигать предметы. Принято подкармливать домового. Для этого на печку или шкаф ему оставляют немного еды (хлеб, соль, чай). Домового, по их мнению, нельзя обижать и ругать. Он, в отличие от *шайтанов*, не боится Корана и не покидает дом, когда его читают. Существует обычай при переезде в новый дом приглашать домового переехать вместе с людьми⁶.

О том, как представляли себе домового в прошлом ногойцы-карагаши, есть сведения у В.А. Мошкова и В.Д. Пятницкого. По мнению В.А. Мошкова, сами представления о духе-хозяине дома были заимствованы карагашами у русских. «Они (карагаши. – А.С.) думают, - пишет исследователь, - что домовый живёт в щелях дома, а когда выходит оттуда, то из маленького делается большим. Он давит иногда человека во сне, но если его ударить рукой на отмашь, то он отойдёт и больше душить не будет»⁷. В.Д. Пятницкий сообщает о домовом следующее: «В противоположность шайтану и албасты, джурт иеси – домовый – благожелательно настроен к человеку. Бывает, вор подойдёт к стаду, глядь, а хозяин тут как тут. На самом же деле, хозяин спит себе дома, а это домовый, принявший его образ. По-видимому, дух этот склонен к осёдлости. Переселяясь на новое место, карагач на покидаемом пепелище должен оставить что-либо для домового. Чаще всего, знаком внимания бывает кол с торчащим на нём истоптанным валенком». Далее В.Д. Пятницкий, в отличие от В.А. Мошкова, отмечает, что домовому не свойственно душить по ночам спящих⁸.

Су иясе / су анасы – дух-хозяин воды. Имеет антропоморфный облик и бывает обоих полов, но чаще всего представляется в образе женщины с длинными волосами. Считается, что *су иясе* живёт на дне глубоких рек и озёр. Дух может схватить за ноги неосторожных купальщиков и утопить. Однако, по мнению ногойцев-

¹ Басилов В.Н. Жалмауыз кемпир // МС / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991. С. 214.

² Там же. С. 214.

³ Мошков В.А. Указ соч. – С. 24.

⁴ См. напр.: Грейвс Р. Мифы Древней Греции. – М., 1992. – С. 7.

⁵ Басилов В.Н. Ой иясе // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 413.

⁶ Полевые материалы автора.

⁷ Мошков В.А. Указ соч. – С. 29.

⁸ Пятницкий В.Д. Указ соч. – С. 161.

карагашей, духи-хозяева воды иногда помогают людям (например, при ловле рыбы). Образ *су иясе* известен казанским татарам и татарам-мишарям Среднего Поволжья и Приуралья, сибирским татарам, кумыкам, карачаевцам и др.¹

Урман-иясе (или ранее – *тирэк-шайтан*) – дух-хозяин леса, леший. Леший «путает» человека в лесу, т.е. сбивает его с пути, заманивает в чащу, может защекотать до смерти. Карагаши считают, что *урман иясе* выглядит как зелёный или красный свет. По материалам В.А. Мошкова, «Астраханские ногайцы (карагаши. – А.С.) называют лесного духа – тирэк-шайтан, а Оренбургские ногайцы – Шур-али. Первые говорят, что он является в разных видах: то человеком, то собакой, то просто огнём. Один Красноярский ногаец видел его раз ночью в виде огненной полосы, гнавшейся за ним. Полоса эта обратилась потом во что-то круглое, чёрное и катилось по его следам, пока он не доскакал до реки... Оренбургские ногайцы верят, что шур-али могут защекотать человека до смерти»².

У ногайцев-карагашей сохранились также представления о *джер иясе* – духе-хозяине земли в образе змеи. Интересно, что у турок аналогичный персонаж *тарла-бекчиси* — дух-хранитель поля также имеет облик змеи³.

Важным компонентом «народного» ислама у ногайцев-карагашей является культ мусульманских святых и их могил (в Астраханской области носящих название *ауля, авлия, эвлия* и др.)⁴. Самым известным и популярным карагашским святым Астраханской области является Сеид-баба Ходжетаевский, или Саййидд бин Кулвай Саййид Гали (ум. в 1812 г.) - святой-чудотворец, суфий; по преданиям - уроженец селения Ходжетаевское. В молодости он покинул родину, и долгое время путешествовал по Востоку с целью изучения исламских наук. Побывал в Египте, Аравии, в Средней Азии, Индии и др. Уже на склоне лет Сеид-баба вернулся в родное село, где стал проповедовать ислам и лечить людей. Согласно ногайским преданиям, он понимал язык зверей и птиц, мог путешествовать верхом на зайце. Из Аравии святой привез посох, Коран и кувшин с целебной водой.

Могила-*ауля* Сеид-бабы располагается на мусульманском кладбище у с. Малый Арал в Красноярском районе Астраханской области. На этом же кладбище хоронили и потомков святого - представителей рода (*пу*) сеит алтаяк, основателем которого считается Сеит-баба. Ранее, как следует из сообщения Вл. Пятницкого, за могилой Сеид-бабы ухаживал «можавир из потомков святого»⁵, т.е. *муджавир* (араб. «соседний», «живущий по соседству»; глагол *джавара* имеет также значение «заниматься делами благочестия» - со временем так стали называть тех, кто приезжал и жил поблизости от святых мест) - смотритель и хранитель *ауля*. Кроме того, на могиле святого устраивался ежегодный праздничный молебен *зийарат*⁶. По поверьям, дух святого и посещение его могилы помогает в излечении психических, желудочных, сердечных и других заболеваний. Рядом с гробницей Сеит-бабы находятся могилы его дочери Нур Джамал-ханым, Букей-хана (ум. в 1815 г.) - казахского хана, основателя Внутренней (Букеевской) Киргиз-Кайсацкой Орды, жены

¹ *Басилов В.Н.* Су анасы // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 514; Он же. Су иясе // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 515; *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. – Казань, 1993. – С. 182-183; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967. – С. 360. *Мухаммедова Р.Г.* Татары-мишари. – М., 1972. – С. 187.

² *Мошков В.А.* Указ соч. – С. 30.

³ *Басилов В.Н.* Жир иясе//Мифологический словарь/Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1991. – С. 215.

⁴ См. подр. о культе святых мест в Астраханской области: *Сызранов А.В.* Святые места мусульман Астраханского края: историко-этнографический очерк. – Астрахань, 2006; *Сызранов А.В.* Культ мусульманских святых в Астраханском крае // Этнографическое обозрение. – 2006. № 2. – С. 127-143.

⁵ *Пятницкий В.Д.* Указ соч. – С. 167.

⁶ Там же. – С. 160.

Букей-хана Гитаны-ханым и знахарки Айжамал/Нуржамал (или Зауршише-баксы) - специалистки по кожным заболеваниям, которую Букей-хан пригласил из Сирии. Все пять *ауля* образуют единый культовый комплекс, который сегодня имеет тенденцию к превращению в крупный центр религиозного паломничества. Так, в начале 2001 г. в с. Малый Арал был создан областной общественный благотворительный фонд «Сеид-бабы и Букей-хана» (председатель - Г.Н. Нугманов). На пожертвования были отреставрированы надгробия, построен дом для паломников, благоустроена территория. Активное участие в возрождении мусульманских святынь принимала областная администрация¹. Малоаральские *ауля* активно почитаются не только карагашами, но и казахами, и татарами.

С доисламскими верованиям связан и бытующий среди астраханских ногайцев обряд вызывания дождя – *кудай джол* («божий путь»). Обряд заключается в следующем: все жители села собирают деньги и покупают жертвенное животное (корова, овца, баран или бык), обязательно здоровое, иногда значение имеет черный окрас, символизирующий грозное небо. В назначенный день на краю села (на берегу реки, на территории святой могилы, мечети) животное приносят в жертву и готовят из него обрядовую пищу. В процессе приготовления или после него устраивается коллективное моление, которым обычно руководит мулла, а затем следует общественная трапеза. Часто в обряд входит посещение кладбища и моление на могилах предков или местных святых. Важно отметить, что подобные коллективные обряды жертвоприношения могут быть проведены и по поводу любого неординарного, экстремального случая, для отращения всяких бед и несчастий, таких как наводнение, пыльные бури, налет саранчи, война и т.п. Однако, преимущественно их практикуют весной или летом, когда возникает опасность засухи и необходим дождь. Интересно, что в с. Лапас данный обряд может проводиться и отдельной семьей².

Обряд вызывания дождя - важное и интересное явление в системе «народного» ислама астраханских ногайцев, сочетающее в себе магические приёмы и мусульманскую идеологию. Исламизация обряда выражается в участии мулл, чтении ими сур Корана. В сознании простых исполнителей и участников обряда молитвы и жертва обращены только к Аллаху, который, приняв их, мог пролить дождь. При таком осмыслении обряд уже давно воспринимается как часть ислама. Однако, несмотря на естественную исламизацию, обряд вызывания дождя сохранил некоторые пережитки архаических воззрений.

¹ Истилеев А. У святых могил Букей-хана и Сейд-бабы // Волга (Независимая газета Астраханской области). № 170 (24091). 16 ноября 2001 г. – С. 7.

² Полевые материалы автора.

КАЛМЫЦКО-НОГАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 40-Е ГОДЫ XVII ВЕКА

В.Т. Тепкеев

В истории калмыцко-ногайских отношений 40-е годы XVII века представляют особый интерес, поскольку именно в этот период происходит наиболее массовый приток ногайских улусов в состав Калмыцкой (торгутской) орды. В данной работе автор рассматривает на основе новых выявленных русских архивных материалов основные моменты отношений двух кочевых народов, серьезно повлиявших на политическую ситуацию в Северном Прикаспии и соседних регионах.

На рубеже XVI – XVII вв. произошла новая волна перемещения кочевников, где главными участниками выступают уже ойраты (калмыки). Монголо-ойратские войны второй половины XVI – начала XVII века стали главной причиной исхода большей части ойратов с территории Восточного Алтая в степи Юго-Западной Сибири. Столкнувшись с оборонительной линией Московского государства на сибирском направлении и находясь в условиях затяжного противостояния с монголами и казаками, калмыки не смогли здесь обеспечить себя привольными и безопасными кочевьями. Более успешными оказались их действия при продвижении в юго-западном направлении, в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов, где входят в соприкосновение с крупнейшим торговым и опорным пунктом России в Северном Прикаспии – Астраханью.

В первой трети XVII века устремления калмыков в этот район становятся все более настойчивыми, поскольку здешние степи представлялись весьма удобным местом для кочевок, главным образом по причине их слабой заселенности и благоприятных климатических условий. В 1630-е годы калмыки совершили несколько коротких налетов из-за Яика на ногайские улусы, и каждый раз большие ногаи в страхе перед этой грозной для них силой, бороться с которой они не были в состоянии, откатывались за Волгу, присоединяясь к малым ногаям, азовцам и кымцам. Но большинство ногайских улусов расположилось на правом берегу Волги: улусы мирз Урмаметевых (потомков Урус-Мухаммеда) расположились в Мочагах (в 6-7 днях от Астрахани), улусы Тинмамметевых (потомков Дин-Мухаммеда) – на урочищах Яшколь и Копчиклейке (в 5 днях от Астрахани). Исключение составляли юртовские татары и едисаны, жившие в непосредственной близости к Астрахани и под ее охраной¹.

Консолидация ойратского сообщества, последовавшая после монголо-ойратского съезда 1640 г. на территории Джунгарии, привела к временному отдалению торгутских улусов от астраханского направления. Но в Астрахани местные власти продолжали следить за перемещениями калмыков в степях Северного Прикаспия. В январе 1641 г. едисаны, прибывшие в Астрахань из калмыцких улусов, сообщали, что калмыцкие улусы кочуют в междуречье Яика и Эмбы в районе урочища Оилкарагол, алтыульцы – за Эмбой на Каракумских песках². По наблюдению русского посланца Алексея Казанцева, алтыульцев в начале 1641 г. насчитывалось примерно 600 человек. Также с ними кочевал и беглый сын Яштерека, мирза Батыр, крещенный незадолго до этого в Астрахани под именем Иван. Казанцев всячески агитировал алтыульских татар вернуться обратно к городу, обещая «государево

¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.-Л., 1948. – С. 224.

² Российский государственный архив древних актов (Далее – РГАДА). – Ф. 119 (Калмыцкие дела). – Оп. 1. 1641 г. – Д. 1. – Л. 1-4.

прощение» за прошлые грехи. В качестве одной из главной причины ухода на Эмбу алтыульцы называли «от изгони» (притеснения) едисанского князя Каная Тинбаева. Со слов алтыульских мирз, они были не прочь вернуться и расположиться кочевьем где-нибудь за рекой Бузан в 3-4 днях Астрахани, но, как сами признавались, «ныне живут у калмыцких людей за большим береженьем»¹. Алтыульцы во главе с мирзою Солтанаем попали под власть калмыков еще в конце 1620-х годов с приходом их на Эмбу, и именно они выступали главными проводниками калмыцких набегов на территорию ногайских улусов.

Первым крупным конфликтом в русско-калмыцких отношениях с начала 1640-х годов стало обострение так называемого «ногайского вопроса» в 1643 г., где главным действующим лицом стал молодой тайша Даян-Эрке, сын Дайчина. С.К. Богоявленский прямо указывает, что Даян-Эрке под видом охоты и ожидания своих торговых людей производил разведку для запланированного нападения на Астрахань². По другим сведениям, Даян-Эрке пришел под Астрахань «по ссылке» едисанского мирзы Юсупа Тиникеева, который шертовал перед тайшей в обязательстве кочевать с ним совместно³. В феврале 1643 г. Даян-Эрке возглавил войско из калмыков и алтыульцев в наступлении на окрестности Астрахани. Русские источники на основе сведений очевидцев указывают, что февральский поход возглавляли тайши Санжин, Даян-Эрке, Нима-Церен, Церен, Батур, а также алтыульский мирза Салтанай, джемболукские мирзы Шамамбет и Арслан⁴. По вопросу численности участников набег в 1645 г. в Астрахани едисанские мирзы, участники данного события, называли цифру в 3 тыс. калмыков и 100 ногаев⁵.

Из Астрахани навстречу калмыкам вышел отряд под командованием воеводы Ивана Никифоровича Траханиотова, и в районе реки Кутум начался ожесточенный бой. В разгар событий неожиданно для астраханцев 19 февраля значительная часть едисан, перебив предварительно стрелецкую охрану, и под прикрытием калмыцкой конницы начала переправляться с семьями и скотом через реку Кутум по направлению к Яику. Переправа проходила в спешке, что привело к гибели множества едисанских женщин и детей, утонувших в реке. Практически русским отрядам было нанесено поражение значительно превосходящими силами калмыков и ногаев. Стрельцы не смогли воспрепятствовать отгону калмыками большого количества лошадей и скота у астраханских жителей. Юртовские татары также намеревались пуститься в бегство к калмыкам, но не смогли преодолеть охрану стрельцов⁶. На первой же остановке в степи за рекой Бузан Даян-Эрке приказал своим людям весь захваченный под Астраханью ясырь и скот передать едисанским улусным людям. При этом тайша прилюдно поклялся едисанским мирзам, «что от него им... никакова дурна и обид и неволи не будет и деду своему, Урлюку тайше, и иным никому калмыцким тайшам от себя он их не отдаст». Своих же улусных людей Даян-Эрке предупредил «с пристрастием», чтобы самовольно не ездили в едисанские улусы. Местом кочевья для присоединенных мирз молодой тайша определил урочище Чегат⁷.

¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 9-12; *Пальмов Н.Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. – Элиста, 2007. – С. 403.

² *Богоявленский С.К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. – М., 1939. – № 5. – С. 79.

³ РГАДА. – Ф. 127 (Ногайские дела). – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 96.

⁴ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1643 г. – Д. 1. – Л. 26, 105; Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 96.

⁵ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 96.

⁶ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1643 г. – Д. 1. – Л. 106; *Богоявленский С.К.* Указ. соч. – С. 80; *Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. – Элиста, 1966. – С. 81.

⁷ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 96-97.

Но вскоре молодому тайше пришлось столкнуться с новой для себя проблемой. В улусе Лузана прошел съезд старших тайшей, где обсуждались последние действия под Астраханью молодого тайши, не согласованное со старшими тайшами. Деду Хо-Урлюку и дядям Даян-Эрке не понравилась та ситуация, когда молодой тайша единолично захватил и владел едисанами. Они выступали за то, чтобы присоединенные ногайские улусы были бы разделены между остальными старшими тайшами¹. В результате Хо-Урлюк, Елден, Лузан и Кирсан в жесткой форме потребовали от Даян-Эрке раздела едисан и джембойлуков между тайшами. Но Даян-Эрке срочно собирает все имеющиеся у него в наличии военные силы численностью примерно в 6 тыс. воинов и созывает уже свой съезд подвластных ему тайшей и мирз «на думу». Даян-Эрке оповестил едисанских мирз о требовании старших тайшей и спросил их мнения по данному вопросу. Мирзы попросили молодого тайшу держаться своего обещания относительно целостности едисанского улуса. Другого ответа Даян-Эрке от них и не ждал. Он отправил к старшим тайшам и четырех своих «лучших людей», передав буквально такие слова: «будет де Урлюк тайша ево, Эрке тайшу, почтет внуком, а Лаузан тайша з братею почтет ево племянником, и они б едисанцов и енболуков у него не просили, потому что де он, Эрке тайша, взяв едисанцов из-под Астарахани, дал им душу свою на том, что их никому не отдаст, и они б душе вредства ему не учинили». В случае прихода на него войной старших тайшей Даян-Эрке готов был защищать свои интересы и вооруженным путем. Причем на заставу ногайским мирзам со своими отрядами Даян-Эрке идти не велел, но приказал быть готовыми к худшему развитию ситуации и «лошадей держать на арканех»².

Хо-Урлюк был неумолим по вопросу раздела ногаев, выражая даже готовность взять их боем у своего внука. Однако более благоразумным в этой ситуации оказался Лузан, предупредив отца, что «им меж собою битца не надобно, а надобно де им битца с сторонними людьми, а не меж собою, а будет де они учнут меж собою битца и улусными де их людьми вперед учнут владеть иные люди, и они б де меж собою не враждовали и войны не вчинали». Хо-Урлюк в конечном итоге согласился с доводами своего сына и отменил военные приготовления против непокорного внука³. В отсутствии своего отца Дайчина, который в это время находился в Джунгарии, Даян-Эрке, видимо, планировал не только удержать за собой отцовский улус, но и приумножить его за счет ногайских кибиток, вступив, таким образом, в конфронтацию с царскими властями и старшими тайшами. Позже молодой тайша отправил письмо в Астрахань, объясняя воеводам свой военный приход именно просьбой едисанских мирз⁴.

Последние активные действия калмыков под Астраханью привели к тому, что Москва кардинально поменяло свое отношение на астраханском направлении. Воевода Федор Андреевич Телятевский, на которого постоянно сыпались жалобы из Астрахани в Москву, был смещен со своей должности. Большинство мирз освобождалось из крепости и Аманатного двора. Татары и ногаи на какое-то время успокоились, но бегство из-под Астрахани усилилось. Некоторые мирзы с улусами удалились на крымскую сторону Волги ближе к Тереку, другие направились на север к калмыкам, кочевавшим у Царицына и Саратова. Астраханские власти со своей сто-

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 99.

² Там же. – Л. 99-101.

³ Там же. – Л. 101.

⁴ Кичиков М.Л. Указ. соч. – С. 81-82.

роны усилили стрелецкую охрану оставшихся ногайских улусов и никого не выпускали оттуда даже ночью¹.

По вопросу численности калмыков и ногаев, то здесь вполне интересны сведения татар в Астрахани. Согласно им, численность торгутов в 1643 г. составляла примерно 20 тыс. человек, джембойлуков – 700, а едисан – 5 тыс. человек². Стоит отметить, что здесь указана не общая численность людей, включая женщин и детей, а только количество глав семейств, так называемых «улусных людей». Таким образом, если посчитать приблизительную численность в соотношении 1 к 5, то получается всего чуть меньше 30 тыс. ногаев в составе Калмыцкой орды. Учитывая постоянную миграцию кочевников, связанную с различными политическими обстоятельствами, цифра эта регулярно менялась. Но уже во второй половине XVII века, судя по архивным документам, численность ногаев в составе Калмыцкой орды по разным оценкам увеличилась в несколько раз.

Став фактически хозяевами левобережья Нижней Волги, калмыцкие тайши все свое внимание теперь обратили на правобережье или, как в то время называли, «крымскую сторону». Весной 1643 г. тайши отправили посланцев к так называемым «воровским» ногаям (в русских документах они фигурируют также под именем «ногайские казаки»), кочевавших в Мочагах. Ранее они жили под Азовом и охраняли границу Османской империи с Московским государством, но впоследствии самовольно ее оставив. Калмыцкие посланцы заверили ногайских «казаков», чтобы они «от них (калмыков – *В.Т.*) и от едисанских татар ни в чем не боялись и обиды де им ниотково и дурна никакова не будет и жили б де с ними в совете безо всякого опасенья, и старые де их кочевья, где они жили наперед сего, они им очистят, а русских де людей им будет в те поры боятца нечего, потому что они будут все в соединенье». Ногайские «казаки» пообещали посланцам, что в случае выполнения калмыками своих условий, они договорятся на том, чтобы «жители в совете ради душами своими и в соединенье к ним пойдут тот час и во всем им будут послушны». В ответ ногайские «казаки» отправили к тайшам своего представителя Ярмечена Полевана с 9 сопровождающими лицами «учинить договор». После предполагалась присылка к ним от калмыков и едисан «добрых и лутчих людей», и тогда они «подлинно договора укрепятца и по своей вере дадут между собою души и укрепят пойдут к ним в соединенье»³.

В то же время были попытки отдельных калмыцких тайшей договориться с ногайскими мирзами, кочевавших на Кубани. Например, к Даян-Эрке прибыли послы от ногайского мирзы Карашеима с предложением присоединиться к калмыкам. Молодой тайша сразу же отправил к нему «для договору» своего посланца – татарина Бердембета. Весной 1643 г. он вернулся, сообщив об отказе ногаев от своего предложения. Мотивировали они это тем, что присоединенные к калмыкам едисаны заняли их старые кочевья на урочище Чегат. Но большинство ногайских мирз были вполне готовы присоединиться к тайшам, но только в том случае, если русские власти не возвратят им их жен и детей, находившихся на Аманатном дворе в Астрахани. В результате переговоров ногайские «казаки» и калмыки договорились о совместном походе на Казыевский улус Малого Ногая. Тайши также получили заверение от мирз о помощи в случае прихода войной на торгутов со стороны чаккарских калмыков⁴.

¹ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1643 г. – Д. 1. – Л. 381-382; Кичиков М.Л. – Указ. соч. – С. 82.

² РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 102, 105.

³ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1643 г. – Д. 1. – Л. 288-289.

⁴ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 97; Ф. 119. – Оп. 1. 1643 г. – Д. 1. – Л. 290, 318-319, 345.

Появление ногайских улусов в Калмыцкой орде неоднозначно воспринималось многими тайшами, поскольку вскоре они столкнулись с новой для себя проблемой. В условиях, когда торгуты имели неопределенные отношения с русскими властями и одновременно испытывали постоянное военное давление с востока со стороны чакарских калмыков, ногаи начали совершать нападения на русские селения. Весной 1643 г. отряды едисан по 100-300 человек совершают набеги на российские селения по Каме, Волге и приводят в свои улусы полоняников, состоящий из русских, мордвы и казанских татар. Калмыки зачастую насильно отбирали у них захваченных пленников, но иногда и покупали. Например, побывавший в калмыцком плену Дмитрий Ермолин сообщал летом 1643 г., как некий тайша отнял у едисан 50 пленных стрельцов, поскольку «ходят едисаны в войну на государеву украину воровством украдкою бес калмыцково ведома». Ермолин был также свидетелем, как едисаны приводили продавать тайше захваченных в плен 8 астраханских и царичинских стрельцов, но тайша не только их не купил, но и своим улусным людям запретил это делать, выговаривая едисанским мирзам: «что они были под государскою рукою, и они де сабаки и государю изменили от Астарахани отошли, а ему да и самому от них какова добра чаят и готово де им ему изменит же». Неизвестный тайша, со слов Ермолина, сам желал быть под «государевой рукою» и выслал тех едисан подальше от своего улуса. Едисаны также активно вели торговлю «живым» товаром с башкирами. Весной этого года калмыцкие едисаны своими набегами тревожили окрестности Саратова, а под Самарой отогнали стада и захватили языков¹.

Несанкционированные (или санкционированные) набеги едисан на русские поселения были не единственной причиной недовольства ими определенной части калмыцких тайшей. Известно, что большинство старших владельцев продолжало оставаться недовольным политикой Даян-Эрке, открыто выражая ему свое недовольство. Как выяснилось, молодой тайша самовольно объявил себя покровителем присоединенных ногайских улусов, взяв с мирз в качестве дани 300 золотых и не поделившись деньгами со старшими и уважаемыми тайшами². Практически едисаны жили одним улусом и подчинялись только Даян-Эрке, что впоследствии закончилось для молодого тайши трагическим последствием.

Все эти действия возле русских городов наряду с февральскими событиями под Астраханью значительно подпортили репутацию калмыков в глазах русских властей. Вместе с тем давление на торгутов с восточного направления со стороны чакарских калмыков продолжало оставаться сильным, что привело к концентрации их улусов в междуречье Яика и Волги. Хо-Урлюк со своим улусом располагался в окрестностях Самары, Сюнке кочевал по реке Чагра, Лузан и Даян-Эрке со своими улусами находились по рекам Узени и Камыш-Самаре. Алтыульцы и едисаны также кочевали вверх по Волге³. Летом 1643 г. калмыцкие тайши во главе с Хо-Урлюком попытались пять раз вступить в переговоры с самарским воеводой Тимофеем Шушеринным по вопросу нормализации отношений и торговли с приволжским населением. Но царское правительство жестким образом отреагировало на эти попытки, поставив для тайшей неприемлемые условия: выдачи аманатов, возвращение ногайских «изменников» и откочевки за Яик. Как результат, в Самару не

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1643 г. – Д. 1. – Л. 102, 402-404.

² Богоявленский С. К. Указ. соч. – С. 81.

³ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1643 г. – Д. 1. Л. 441-443; Богоявленский С.К. Указ. соч. – С. 81; Кичиков М.Л. Указ. соч. – С. 82.

были допущены 150 торговых калмыков, и на этой почве вновь возникли вооруженные столкновения¹.

Все эти события создали ситуацию, когда калмыцкие тайши серьезно озаботились поисками новых и безопасных мест для кочевий. Правая сторона Волги или, как еще ее называли в то время «крымская сторона», казалась для торгутов спасительной от возможного двойного удара астраханских стрельцов и чакарских калмыков. Именно сюда по всей вероятности и планировали переселиться тайши, обезопасив, таким образом, свои кочевья. Для проверки военно-политической ситуации в этом регионе мог послужить серьезный военно-разведывательный набег. По мнению М.М. Батмаева, поход имел несколько конкретных целей, одна из которых заключалась в нанесении решающего удара по улусам Малого Ногая, наиболее упорно сопротивлявшегося натиску калмыков². Целью этой миграции, подтверждает В.В. Трепавлов, было не только расширение кочевого пространства, но и погоня за ногайскими улусами, которых тайши стремились убедить или заставить перейти к себе в подчинение³. По всей видимости, у калмыцких тайшей накануне вторжения на Северный Кавказ наибольший интерес представлял договор 1643 г. с большими ногаями о совместных походах на Казыевский улус Малого Ногая. Именно объединение под своим началом всех ногайских улусов являлось главной целью торгутских тайшей. Часть больших ногаев уже находилась в орбите их политического влияния, и последними в этой череде оставались кубанские и терские ногаи. В случае успешного развития такого плана калмыцко-ногайская орда могла бы существенно доминировать в регионе.

Из новых архивных материалов Ногайского фонда известно, что первыми в поход на Северный Кавказ осенью 1643 г. выступила воинская группа, возглавляемая Лузаном. Сюда входили тайши Санжин, Мерген, Ергелды, а также едисанские мирзы Сююнча Абдулов (старший сын Абдуллы Тиникеева), Солтанай Рохмангулов (сын Рахманкула Тинбаева), Келимбет Абдулов (брат С. Абдулова), Навруз Шигаев и джемболукский мирза Урак. Всего численность этой группы составляла 2 тыс. калмыков и 500 ногаев. Перейдя Волгу выше Царицына, они совершили молниеносный набег на Кубань, разгромив Казыевский улус мирзы Карашеима, и захватили большое количество ясыря, скота и лошадей. Лузан также захватил у Карашеима брата Идиля-мирзу, сына Чораш-мирзу, жену и 40 его улусных людей⁴.

Успешные действия Лузана на Кубани, в ходе которых были захвачены большие трофеи, вдохновили и других калмыцких тайшей. Следующей в поход в конце 1643 г. вышла уже группа тайши Даян-Эрке, и направилась она к Тереку с намерением присоединить к себе ногаев, кочевавших на правом берегу Волги. Из Ногайского фонда удалось выявить и сведения о причинах к выступлению указанной группы. Как выяснилось, незадолго до этого ногайский мирза Каспулат Мамаев, направлявшийся с «крымской стороны» Волги в улус тайши Лузана, был задержан людьми Даян-Эрке. При встрече молодой тайша объяснил Каспулату, что «у них, у калмыцких людей, ведется так, к кому наперед кто приедет, у того и жить станет»⁵. Каспулат Мамаев сообщил Даян-Эрке о нахождении в Мочагах на правом берегу дельты Волги его и улусов других ногайских мирз. На просьбу мирзы перевести их в калмыцкие кочевья братья Даян-Эрке и Нима-Церен во главе 10-тыс. войска дви-

¹ Кичиков М.Л. Указ. соч. – С. 82-83.

² Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. – Элиста, 1993. – С. 94.

³ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2002. – С. 429.

⁴ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1644 г. – Д. 1. – Л. 13; 1645 г. – Д. 1. – Л. 107; 1646 г. – Д. 2. – Л. 104.

⁵ Там же. – Л. 108.

нулись на «крымскую сторону», перейдя Волгу в районе урочища Ичик-боре в 70 верстах выше Астрахани. Но в Мочагах калмыки не обнаружили указанных ногайских улусов, кроме двух конских «сакм», одна из которых вела к Сарпе, а другая – на Терек. Узнав от Каспулата, что к Сарпе направился улус мирзы Солтаная Келмаметева (Султан-Ахмед, сын Аксака Кель-Мухаммеда), Даян-Эрке отправил за ними 20 человек с требованием немедленно присоединиться к тайшам. Основные силы калмыков и ногаев отправились дальше на Терек, а затем они двинулись в горы по направлению к селению Эндери, где по дороге сумели захватить всего 100 кибиток из улуса ногайского мирзы Чобана Иштерекова¹.

Главные же силы калмыков были сосредоточены под началом Хо-Урлюка. Согласно сведениям едисанских мирз в Астрахани в 1645 г., непосредственно участвовавших в указанных событиях, воинская группа Хо-Урлюка насчитывала 12,5 тыс. человек². Несколько дней спустя после ухода на Терек войска Даян-Эрке, группа Хо-Урлюка выступила по направлению на Северный Кавказ. Калмыцкие тайши предварительно вступили в переговоры с малыми ногаями и кабардинцами, по всей вероятности, стараясь добровольно привлечь их на свою сторону, но не имели успеха. Кабардинцы же выступили на стороне ногаев, что, по всей видимости, и объясняет вторжение калмыков непосредственно на их территорию. В «Книге путешествий» Эвлия Челеби есть свидетельства участников тех событий, записанные автором во время его пребывания в Кабарде в 1660-е гг. Во многом они проливают свет на причины калмыцкого вторжения, согласно которым калмыки Хо-Урлюка пришли на Северный Кавказ, преследуя ногайский улус мирзы Арсланбека, сына Каспулат-мирзы и внука Касая, который пришел сюда из-под Астрахани. На требование тайшей выдать им ногайский улус кабардинцы ответили решительным отказом: *«Арсланбек – птица, он обрел пристанище, придя на звуки нашего пения. Мы дали ему юрты, сделались братьями. И это племя ногай мы вам не отдадим»*³. Получив информацию о готовящемся нападении калмыков, терские казаки, кабардинцы и ногаи предварительно составили план совместных действий, что позволило в конечном итоге подготовиться накануне калмыцкого вторжения, избежать больших потерь, нанеся сокрушительное поражение противнику⁴. Таким образом, в улусы вернулись из злосчастного для калмыков похода примерно 2,5 тыс. человек, а около 10 тыс. погибло или попало в плен, в т.ч. Хо-Урлюк, сын Кирсан и внук Церен.

После погрома на Северном Кавказе калмыцкие тайши не стали в срочном порядке отводить свои улусы в дальние кочевья на восток. В это время, как свидетельствуют источники, внутри Калмыцкой орды сформировались две враждебно настроенные друг другу «партии», в одной из которых состояли Лузан, Елден и Сюнке, а в другой – Даян-Эрке и молодые тайши. Лузан и Сюнке предложили едисанским мирзам добровольно отойти от Даян-Эрке и примкнуть на их сторону в случае возможной битвы между двумя партиями. Но мирзы решили благоразумно самоустраниться, заявив только, что, «только б у них был бой с сторонними какими людьми и они б им помогали, а что они калмыки станут биться меж себя и им, едисанцам, помогать им нельзя»⁵.

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 109-111.

² Там же. – Л. 113.

³ Эвлия Челеби. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 87.

⁴ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 2. С. 242-244.

⁵ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 114-116.

В ответ на действия калмыков зимой 1643/44 г. царское правительство в Самаре, Астрахани и других поволжских городах в срочном порядке сосредотачивает против них войска. Командовать этими полками назначаются самарский воевода Лев Афанасьевич Плещеев и астраханский воевода кн. Федор Федорович Меринок-Волконский. Летом 1644 г. удар по калмыцким улусам, видимо, произошел одновременно с двух направлений – астраханского и самарского. В результате калмыцкие улусы потеряли более 20 тыс. лошадей и пленными до 3 тыс. человек. Калмыки отступили за Яик, лишившись огромных пастбищных территорий. По сообщению полоняника Арсения Серебряка в Астрахани, в июле 1644 г. торгутские тайши, опасаясь нового прихода царских войск, с улусами начали отходить за Яик, перейдя реку в ее верховьях. Улусы двигались по направлению к Бухаре, а проводниками служили бухарские купцы. Впереди шли калмыки и джембойлуки, за ними – едисаны. Прикрывали отход с тыла улусы Даян-Эрке и Лузана, как отмечал очевидец, «для береженья, чтоб нагайцы и едисанцы не ушли». По наблюдениям Серебряка, всего калмыков и ногаев насчитывалось примерно 15 тыс. кибиток¹. В целях предотвращения дальнейших эксцессов в отношениях с русскими властями Даян-Эрке запретил своим подвластным ногаям под страхом конфискации имущества, жен и детей совершать набеги под русские города для захвата скота и полона².

В условиях кризиса в калмыцких улусах большинство ногайских мирз всячески пытались покинуть тайшей, но последние, прекрасно осведомленные о таких настроениях, с помощью военных застав жестко контролировали их улусы. Например, в сентябре 1644 г. на астраханскую заставу из калмыцких улусов вышли 20 ногаев, сообщивших, что едисанские мирзы изъявляют желание откочевать к Астрахани, а джембойлуки – к Ургенчу. Ногайские мирзы Салтаналы и Каспулат боялись возвращаться под Астрахань из-за мести местных едисан, мирз которых они убили. Но улусные люди указанных мирз были также настроены вернуться под Астрахань. Другие ногайские мирзы Навруз, Кантемир и Салтамурат, втайне от калмыков уже вели переговоры с воеводами о своем возможном возвращении под Астрахань³. Некоторым мирзам все же удалось вырваться от калмыков. Например, в ноябре 1644 г. в Астрахань вернулся ранее кочевавший с калмыками едисанский мирза Кантемир Канаев⁴.

Мирзы сознательно пытались дистанцироваться от калмыков при перекочевке на восток. Боярский сын Ларион Бухаров, живший в улусе тайши и считавшийся царской администрацией «государевым изменником», высказал Даян-Эрке предположение о намерении мирз откочевать к Астрахани. Молодой тайша срочно приказал собрать войско, чтобы двинуться на ногайские улусы. Мирзы сразу же поспешили отправить к Даян-Эрке 20 посланцев во главе с Сююнчой Абдуловым, но буквально за несколько дней до их приезда молодой тайша при загадочных обстоятельствах неожиданно умирает⁵. После смерти племянника Лузан воспользовался ситуацией и в разговоре с Сююнчой Абдуловым предложил едисанским мирзам уже свое покровительство. Он указал им ближайшей зимой кочевать за Эмбой на урочище Каракамыш с запретом переходить на правобережье Яика. К едисанам и джембойлукам на Эмбу пришел и ногайский мирза Каспулат с вестью об отгоне у него 500 лошадей астраханскими ратниками. Спустя какое-то время именно этот

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 49, 64-65, 119.

² Там же. – Л. 11, 44.

³ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1644 г. – Д. 1. Л. 12-14; Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 5-10.

⁴ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 40, 49.

⁵ Там же – Л. 50, 116-118.

мирза со своим улусом перешел под покровительство Лузана¹. Едисанские и джемболукские улусы после смерти Даян-Эрке сразу же откочевали к «Теплому морю» (Аралу) по направлению к Ургенчу². Скорее всего, это было вызвано опасением мирз вероятной калмыцкой усобицей из-за ногайских улусов, которая назревала и могла бы последовать после смерти Даян-Эрке. Один лишь мирза Салтанай отправил своего посла в Уфу с просьбой признать его прошлую вину и разрешить кочевать под Астраханью или Уфой. Но мирзе велели кочевать на прежних местах, а под Уфой, как посчитали местные власти, ему находиться «не пристойно»³. Слишком одиозная фигура мирзы не позволила царским воеводам простить Салтаная за его прошлые антирусские выступления.

Но переговоры астраханцев с мирзами вызвали старые противоречия в ногайской среде. Когда отправленные из Астрахани в ноябре 1644 г. боярский сын Афанасий Енин и толмач Андрей Сафонов находились у мирзы Янмамета Янаева с предложением вернуться под «государеву руку», на улус совершили нападение люди мирз Абдулы и Юсупа Тинекеевых, Сююнчи, Келмамета и Урака Абдуловых, захватив в плен послов и стрельцов. Только вмешательство в конфликт калмыцкого тайши Сюнке позволило русским посланцам вернуться в Астрахань⁴.

Постоянное политическое давление более многочисленных чакарских калмыков заставило торгутов снова опасаться их военного прихода. Зимой 1644/45 гг. в улус Нима-Церена прибыли 20 чакарских послов с требованием передать им всех едисан, но молодой тайша отказался, заявив послам, что «едисанцы пришли к ним кочевать своею волею»⁵. По данным Сафонова, если по многим вопросам торгутские тайши ради заключения мира склонялись к положительному решению, то передавать чакарским калмыкам едисан и ногаев они категорически отказывались⁶. Стоит отметить, что и ногаи, в свою очередь, были обеспокоены переговорами торгутских тайшей с чакарцами. В ногайских улусах ходили слухи о возможном уходе торгутов на восток на свои старые кочевья. Едисанские мирзы пришли к решению, что в случае развития подобной ситуации, то они, «пометав животы (имущество – *V. T.*) свои», побегут в Астрахань, невзирая на наличие калмыцкой заставы. В то же время ногайские мирзы надеялись и на успешный исход переговоров калмыцких послов в Астрахани⁷.

В условиях политического давления со стороны чакарских тайшей торгуты вынуждены были искать соглашения с царским правительством. С этой целью предводитель торгутов Дайчин из Джунгарии отправил посланцев в Москву. На обвинения в погроме и присоединении ногайских улусов калмыцкие послы ответили, что ногаи пришли сами «от насильства астраханских воевод» и кочуют с калмыками «в своей же воле», часть же из них, кто пожелал, вернулись обратно под Астрахань⁸. Касательно событий 1643 г. в дальнейшем на переговорах с русским посланцами калмыцкие тайши неоднократно отмечали о добровольности прихода едисан: «они у нас не в неволе живут, не как у вас, аманатов их у нас нет»⁹. Тайши соглашались вернуть ногаев на условия, если царские власти предоставили бы

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 51-52, 114.

² РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1644 г. – Д. 1. – Л. 34.

³ Там же. – Л. 20-21.

⁴ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1646 г. – Д. 1. – Л. 26, 85; Ф. 127. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 57, 64, 70-71.

⁵ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 83.

⁶ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 1. – Л. 109; Ф. 127. – Оп. 1. 1646 г. – Д. 2. – Л. 56, 83-84.

⁷ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1646 г. – Д. 1. – Л. 61, 77.

⁸ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1644 г. – Д. 2. – Л. 48, 61; Кичиков М.Л. Указ. соч. – С. 87.

⁹ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1645 г. – Д. 2. – Л. 284-284, 286-287, 290-291.

калмыкам кочевья между Яиком и Волгой. Однако это касалось только тех, кто добровольно пожелал бы вернуться под Астрахань. Воеводы отказались соглашаться на подобных условиях, аргументировав это тем, что едисаны и джембойлуки еще до прихода калмыков были под «государевой рукой».

После смерти Даян-Эрке на первую роль в отношениях с ногаями выходит его дядя Лузан. Именно этот тайша в ноябре 1645 г. неоднократно призывал братьев Елдена и Санжина, кочевавших в это время за Яиком, идти в набег на ногаев, обитавших на крымской стороне Волги. Все это время Лузан внимательно отслеживал передвижения ногайских улусов на крымской стороне Волги. Еще в августе тайша отправил своих посланцев к казыевским мирзам с предложением присоединиться к нему в обмен на возвращение захваченного у них полона в 1643 г. Такие же призывы адресовались и ногаем, кочевавшим в Мочагах. В противном случае, он обещал прийти на них войной и насильно присоединить к себе. Но мирзы, арестовав посланцев, выдали их астраханцам. Внимание Лузана также привлекала к себе и так называемая «половина» ногайского улуса Урмаметевых, отошедшая из-под Крыма и кочевавшая недалеко от Дона¹.

По договоренности с чакарскими калмыками торгуты должны были к ним присоединиться. Но отход от Астрахани, где оставались еще останки Хо-Урлюка, Кирсана и Церена, а также задержанные калмыцкие послы, был в принципе невозможен. Общий план калмыцких тайшей заключался в совместном подходе с отрядами к Астрахани и новой попытке договориться с воеводами о возвращении останков тайшей и послов. Если попытка договориться оказалась бы неудачной, то калмыки планировали захватить астраханских татар и ногаев, кочевавших по крымской стороне для дальнейшего обмена. Причем тайши предполагали отдавать на обмен только малоимущих татар и ногаев. В случае если ногаи бы согласились добровольно присоединиться к калмыкам, то планировался уже совместный набег на Казыевский улус, чтобы затем казыевцев обменять на «кости» тайшей. Возвращение останков тайшей для торгутов был принципиальным вопросом: «однолично добиватца, потому что де им без Урлюковых костей к дальним калмыкам некоторыми делы идти не уметь»².

В декабре 1646 г. ногайские мирзы Аксак Келмамметев и Каспулат Мамаев совместно с калмыками Лузана и Сюнке на крымской стороне совершили набег на ногайские улусы мирз Ямгурчя и Салтанаша. Это сразу вызвало новую волну паники среди астраханских мирз, до которых дошел слух о возможном нападении калмыков на ногайские улусы, расположенных в морских косах и Мочагах. В результате полученной информации в Астрахани один только Лузан отправил в набег 200 своих воинов, а всего в нем участвовало около тысячи человек, включая и ногайских мирз, кочевавших с калмыками. В итоге у ногаев на крымской стороне Волги нападавшая сторона захватила 200 кибиток и 2 тыс. голов скота³.

Но в калмыцком обществе были и те, кто давно для себя определил характер будущих отношений с русскими властями, заключающийся в их мирном развитии на основе сотрудничества. К ним с полной уверенностью можно отнести тайшу Сюнке, чьи посланцы в ноябре 1647 г. передали астраханским воеводам письмо Сюнке на татарском языке, где тайша, в частности, жаловался на едисан, которые, якобы, подговаривают калмыков участвовать в набегах на русские селения, затем продают

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1646 г. – Д. 2. – Л. 15-17, 19, 93.

² Там же. – Л. 107.

³ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1647 г. – Д. 1. – Л. 34, 37, 40, 66.

полон, а потом они же отгоняют у калмыков лошадей и продают их в Астрахани. На этом основании тайша предостерегал астраханцев не верить особо едисанам¹.

Кардинальным изменением в решении «ногайского вопроса» стал приезд Дайчина из Джунгарии в 1647 г. В целях устранения отходнических настроений у ногайских мирз тайша сразу своим подчиненным ногаям, как отмечали свидетели, «учинился добрым и во всем им ласку и повольности дал». Если раньше калмыки могли всячески безнаказанно обижать ногаев, отнимая у них лошадей и скот, то Дайчин разрешил своим ногаям «по татарскому обычаю» возвращать насильно у обидчиков свое отобранное имущество. Калмыкам же запрещалось совершать по этим делам сыск. Ногайские мирзы были довольны таким решением Дайчина и отложили свои планы ухода под Астрахань. Более того, созвав братьев, Дайчин устроил с ними совет, где обсуждался и вопрос о закреплении подчиненных им ногаев. В результате они договорились и пришли к единому решению, заключавшемся в установлении династических браков: Дайчин выдал свою дочь замуж за едисанского мирзу Салтамурата Каспулатовича Тинбаева, Лузан также выдал свою дочь за едисанского мирзу Сююнчу Абдулова, другим калмыцким тайшам также рекомендовалось теперь брать в жены дочерей ногайских мирз. Подобная практика распространялась и на простых улусных людей. Как отмечали очевидцы, ранее подобного между калмыками и ногаями не наблюдалось².

В политическом и экономическом отношении тайши также сделали определенные уступки для мирз. Дайчин назначил Аблу-мирзу Тинбаева князем, Абдулмирзу Тиникеева – нуредином, а Юсупа Тиникеева – кейкуватом. Подобные назначения среди ногаев находились, как правило, в компетенции крымского хана и царского правительства. Отсюда можно предположить о наличии ханского статуса у Дайчина после возвращения с Тибета. Сбор пошлины с проезжавших и торговавших в калмыцких улусах купцов Бухары, Ургенча и Туркмении также был возложен на калмыцких ногаев³. Все эти меры были направлены, в первую очередь, на создание благоприятных условий для ногаев в составе калмыцкого общества, что должно было пресечь, по мнению тайшей, у них всякие сепаратистские настроения.

Следующим крупным событием, последовавшим в конце 1647 – начале 1648 гг., стал так называемый «крымский поход». Данное направление получило поддержку у калмыцких тайшей в результате полученной разведывательной информации о нахождении Урмаметева улуса недалеко за Доном, и что они «государю не послушны». У тайшей возник довольно смелый и дерзкий план – захватить данный ногайский улус, овладеть их конскими табунами и уже на свежих лошадях вторгнуться непосредственно на крымский полуостров. Именно захват ногайского конского состава, по мнению тайшей, позволял калмыкам достичь Крыма, поскольку на своих лошадях и в зимних условиях сделать многокилометровый марш-бросок было весьма сложным мероприятием⁴.

Из отписки донских казаков в Москву стало известно, что во главе калмыцко-ногайского войска, появившееся в окрестностях Черкасского городка 29 января 1648 г., стояли 8 тайшей: Дайчин, Лузан, Сюнке, Чукур, Нима-Церен, Шарап Кучаров, Солюнтюр, Далантай Чукурев, а также едисанские мирзы Абдулла Теникеев и Теникей Абдыков, джембулукский мирза Шамамбет с братьями и малибашский мирза Аксак Кель-Мухаммед с братьями. Тайши предложили казакам присоеди-

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1647 г. – Д. 1. – Л. 93, 96, 99, 104-105.

² РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 1. – Л. 27-28, 30.

³ Там же. – Д. 1. – Л. 372.

⁴ Там же. – Л. 132, 155.

ниться к ним против крымских татар и Урмаметевых улусов Большого Ногай. Но донские атаманы отказались¹. В Черкасском городке прошли калмыцко-донские переговоры, в результате чего между сторонами впервые был заключен мирный договор. В составе калмыцкой делегации, помимо тайшей Сюнке и Нима-Церена, находились и ногайские мирзы – джемболукский Шамамбет и едисанский Сююнча Абдулов, каждый из которых казакам дал шерт по своей вере². Всего в крымском походе приняло участие приблизительно 40 тыс. калмыков и ногаев³.

В «Ногайских делах» обнаружены более подробные сведения о переговорах атаманов с тайшами. Согласно им, калмыки были в курсе об отправке русских послов к ногаям Урмаметева улуса. На основании этого тайши планировали перейти к наступательным действиям против указанных ногаев в случае отказа их принять русское подданство. При детальном расспросе очевидцев Дайчину удалось выяснить, что ногайские мирзы Урмаметевы отказались возвращаться под Астрахань и, таким образом, «не учинились в холопстве» у царя. Отправленные к ним ранее для переговоров из Астрахани боярский сын и 20 стрельцов были Урмаметевыми ограблены и захвачены в плен. Это стало сигналом тайшам для продолжения намеченного похода против указанного ногайского улуса⁴.

Однако дальнейшему походу не способствовала сложившаяся на то время погода. Наступили сильные морозы, глубокий снег накрыл выжженную траву, практически лишив конский состав подножного корма. Вдобавок ко всему сбежавший татарин из улуса Лузана, находившийся в передовом отряде, предупредил ногаев Урмаметева улуса о приближении калмыков, что лишало удар фактора внезапности. Достигнув реки Миус, тайши все-таки приняли решение повернуть обратно, но к Урмаметевым отправили четырех татарских посланцев с требованием присоединиться к калмыкам. В противном случае калмыки угрожали прийти на них войной уже ближайшим летом после весеннего половодья⁵.

Еще в 1647 г. Крым подвергся нашествию саранчи, которая поела всю траву и хлеб, вызвав настоящий голод на полуострове. Практически все крымские татары и подвластные им ногаи вышли к северу за Перекоп и кочевали на реках Конских, Молочных, Овечьих и Псонских Водах. Ногаи Урмаметева улуса испытывали довольно стесненное положение возле Крыма, и они также рассматривали варианты откочевки под Астрахань, ухода к калмыкам или в Белгородскую орду. Но известие о массовом движении калмыков на Крым вызвало сильную панику среди крымцев и ногаев, со своими улусами бежавших к Днепру и за Перекоп. Крымский хан Ислам-Гирей III (1644-1654 гг.) открыто и незаслуженно подозревал в организации указанного похода московское правительство⁶.

Дайчин практически находился в курсе всех событий в Астрахани. Информацию из города, как правило, привозили ногаи, в большинстве случаев остававшихся на постоянное жительство у калмыков. Дайчин щедро предоставлял им в качестве «подъемных» лошадей и скот. Сохранились также сведения, что калмыки и ногаи вели-

¹ Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук / Под ред. Н.А. Попова. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1639 гг. – СПб., 1894. – С. 196, 198.

² РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 1. – Л. 24.

³ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 1. – Л. 155-156.

⁴ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 1. – Л. 22-23.

⁵ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 2. – Л. 17; Ф. 127. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 1. – Л. 25; Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 26. Донские дела. – Кн. 3. – СПб., 1909. – С. 841-843.

⁶ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 1. – Л. 26; Новосельский А.А. Указ. соч. – С. 394.

чали Дайчина ханским титулом¹. Летом 1648 г., судя по документам, умирает один из младших братьев Дайчина, Сюнке, а также джемболукский мирза Урак².

Калмыки внимательно следили и за событиями на крымской стороне Волги. Эту территорию они давно уже рассматривали как потенциальный район своих будущих кочевий. На переговорах Дайчин спросил у русского посланца Сулова, насколько «послушны» астраханским воеводам терские ногаи мирзы Чобана Иштерекова. Посол ответил, что они «послушны», но у Дайчина была другая информация о набегах указанных ногаев под Астрахань. Выяснилось, что Чобан-мирза находился в ссоре с другим ногайским мирзою Ямгурчи Тинмаметевым, совершавших друг против друга постоянные набеги³.

В дальнейшем астраханские власти смирились с присутствием ногайских улусов в составе Калмыцкой орды. И на последующих русско-калмыцких переговорах вопрос стоял только о недопустимости новых откочевок к калмыкам ногайских улусов из-под «государевой руки». Например, в феврале 1649 г. в Астрахани калмыцкие посланцы дали по своей вере шерть за всех тайшей, где в тексте относительно «ногайского вопроса» следовала фраза: «... и вечных холопей, нагайских и едисанских и юртовских татар, в улусех и на проездах и промыслов, нигде не побивати и в полон не имати и не грабити, и к себе в улусы от Астрахани и от иных городов их не призывать и не подговаривать, а будет кто отъедет, и тех не принимати»⁴.

В заключение относительно калмыцко-ногайских отношений в указанный период можно сделать несколько замечаний. Во-первых, именно в 1640-е годы большинство ногайских улусов впервые добровольно вливаются в состав Калмыцкой орды, в то время как в 1630-е годы присоединение в основном носило насильственный характер; во-вторых, калмыцким тайшам так и не удалось достичь главной цели, заключающейся в объединении под своим началом всех ногайских улусов; в-третьих, «ногайский вопрос» создал конфликтную ситуацию как внутри калмыцкого общества, так и серьезно подорвал в целом русско-калмыцкие отношения; в-четвертых, противоречия внутри ногайского общества приобрели новую стадию развития, но уже с учетом так называемого «калмыцкого фактора». В целом исследование истории отношений двух кочевых народов требуют более детального разбора с учетом всех подробностей, происходивших как внутри калмыцкого, так и ногайского обществ.

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 1. – Л. 370-371.

² Там же. – Л. 418.

³ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1649 г. – Д. 1. – Л. 142-143.

⁴ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1650 г. – Д. 1. – Л. 6-9; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т. 4. 1645-1676. – СПб., 1842. – С. 112-113.

ЭРС МАГОМЕТ МУЛЛА – АГЕНТ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В СРЕДЕ НОГАЙЦЕВ

(к вопросу о поселении салтанаульцев
в Астраханской губернии в 1740-х годах)

И.В. Торопицын

Русско-ногайские отношения имеют многовековую историю. Согласно официальным источникам, в российских правящих кругах в XVIII в. укрепилось представление, что ногайцы, кочевавшие в пределах бывшего Астраханского ханства, с середины XVI в. являлись российскими подданными. Не повлиял на эту позицию даже факт длительного пребывания их за пределами территории России. В документах XVIII в. отмечалось, что во время восстания С. Разина ногайцы откочевали с Волги на Терек. Впоследствии отдельные ногайские орды перешли реку Кубань, служившую границей между российскими и турецкими владениями на Северном Кавказе, и «поддались ханам крымским». В этом статусе они оставались до начала русско-турецкой войны, вспыхнувшей в 1736 г., во время которой часть малых ногайцев (салтанаульцы и каспулатовцы) была возвращена калмыками и донскими казаками в российское подданство: их перевели для кочевья «на прежние их места» в междуречье Терека и Кумы¹.

С этого времени взаимоотношения российских властей и малых ногайцев перешли в другую плоскость. Формально присматривать за ногайцами должен был калмыцкий хан Дондук Омбо, которому они платили подати, но он поручил эту задачу своим родственникам по линии жены кабардинским князьям баксанской партии: Атажукиным и Кургокиным. Впрочем, этот контроль нельзя было назвать надежным. Салтанаульские мурзы Мансур и Арасламбек доказали это в 1740 г., сбежав со своими людьми из России в крымские владения. И это несмотря на то, что о намерении ногайцев уйти из российского подданства властям в Астрахани неоднократно поступали сведения, в том числе от калмыцкого хана².

После смерти Дондука Омбо в 1741 г. среди калмыков начались кровавые междоусобные столкновения в борьбе за власть. Кочевавшие в предгорьях Кавказа ногайцы, оказались предоставленные сами себе. Этой ситуацией решили воспользоваться салтанаульские мурзы, сбежавшие годом ранее из России. 26 февраля 1742 г. российский разведчик, посланный в Крым, доставил на Дон сведения, что ушедшие за реку Кубань салтанаульские мурзы намерены вернуться в Кабарду за своими семьями во главе сильного войска³.

Российское правительство, заинтересованное в том, чтобы утвердить ногайцев в своем подданстве, направила к ним подполковника К. Цейдера. Круг его полномочий, по-видимому, заключался в том, чтобы наблюдать за обстановкой в аулах и дипломатичными мерами удерживать ногайцев от ухода из России. В этой беспокойной обстановке К. Цейдеру удалось убедить салтанаульских мурз, чтобы те направили в Санкт-Петербург своих посланцев с прошением о нуждах, обнадеживая их положительным результатом. Повод для поездки был весьма удобный – в

¹ ГААО. – Ф. 435. – Оп. 1. – Д. 294. – Л. 2; Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. – СПб., 1861. – С. 461; Бугков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1801 год. – Ч. I. – СПб., 1869. – С. 169-173.

² Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). – Ф. 129. – Оп. 1. 1740 г. – Д. 1. – Л. 1-2об.

³ РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 113. – Ед. хр. 84. – Л. 13.

Санкт-Петербурге намечались торжества по случаю вступления на престол императрицы Елизаветы Петровны.

В 1742 г. салтанаульцы направили в российскую столицу своих посланцев. О цели их миссии, сроках визита и даже составе известно немного. П.Г. Бутков выделяет только социально-экономические аспекты, которые преследовали салтанаульцы. Он указывает, что их посланники добились освобождения от подати, которую платили калмыкам. Обсуждался также вопрос предоставления ногайцам права беспошлинно продавать в российских городах лошадей, скот и товары¹. П.Л. Юдин справедливо усматривает в этом визите еще и общеполитические цели, отмечая, что через своих посланцев салтанаульцы подтвердили свое российское подданство². Как отмечал по этому поводу в январе 1743 г. астраханский губернатор тайный советник В.Н. Татищев: «Ко двору ея и. в. оне от всего Малого Ногай присланы были засвидетельствованием и обнадеживанием всеподданнейшей их всех мурз к ея и. в. верности»³.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении документам, посланцами салтанаульцев были три человека: мурзы Тогай и Казбулат и мулла Эрс Магомет, которого причисляли также к разряду салтанаульских старшин. Они прибыли в Санкт-Петербург в апреле 1742 г. В период своего пребывания в столице салтанаульцы наряду с калмыцкими, казахскими и джунгарскими послами поздравили императрицу Елизавету Петровну с вступлением на престол⁴.

Однако, в Санкт-Петербурге салтанаульские посланцы участвовали не только в официальных приемах при Дворе, но и в переговорах с российскими дипломатами. В ходе них, как предполагал П.Г. Бутков, поднимались жизненно важные для салтанаульских мурз вопросы. Хотя посланцы и были награждены «особой ея и. в. милостью», им не удалось решить всех своих вопросов. Так, их просьба о возвращении им христианских пленников («ясырей христианского закона»), которые сбегали от них в русские города и селения, не была уважена. «По всем светским правам таковых отдать к ним возвратно невозможно, – пояснил позицию российских властей на встрече с посланниками губернатор В.Н. Татищев, – а естли мусульманского закона кто уйдет, тех возвращать к ним велено»⁵. На этот счет Сенат 19 января 1743 г. издал указ, согласно которому выходящих из салтанаульских аулов и из Кабарды пленников или желающих креститься следовало не оставлять на жительство в Астрахани, а отправлять в казачьи городки на Дон и Волгу, или отсылать в города Воронежской губернии⁶.

Однако, гораздо более существенное значение имел для российских властей вопрос о внешнеполитической ориентации малых ногайцев. Несмотря на полученные от салтанаульских представителей заверения в верности их народа Российской империи, правящие круги России не исключали измены с их стороны. Поэтому 29 мая 1742 г. в Астраханскую губернскую канцелярию был направлен императорский указ, в котором давались четкие инструкции, как следует поступать губернатору в случае, если ногайцы дадут повод подозревать их в побеге на Кубань (так называлась историческая область на Северном Кавказе, власть над которой принадлежала

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. – С. 174.

² Юдин П.Л. Калмыки в борьбе с Турцией // Русский архив. – М., 1915. – Вып. 6. – Кн. 3. – С. 169.

³ АВПРИ. – Ф. 77. – Оп. 1. 1743 г. – Д. 12. – Л. 48.

⁴ РГАДА. – Ф. 156. – Оп. 1. – Ед. хр. 224. – Л. 1-1об.

⁵ АВПРИ. – Ф. 77. – Оп. 1. 1743 г. – Д. 12. – Л. 49.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (Далее - ПСЗРИ). – СПб., 1830. – Т. XI. – С. 753.

крымскому хану, вассалу Османской империи) «или куда в другое место за границу»¹.

При этом российскими властями придавалось большое значение мерам предупредительного характера. В связи с этим они были заинтересованы в том, чтобы иметь надежных сторонников среди ногайцев, которые имели бы вес в своем народе и могли силой своего авторитета влиять на общественное мнение. Таким человеком стал для них Эрс Магомет мулла. Находясь в составе посольства салтанаульских мурз, он согласился активно помогать российским властям в утверждении ногайцев в российском подданстве. Как следует из донесения Коллегии иностранных дел в Сенат от 7 июня 1742 г., к этому времени переговоры с муллой Эрс Магометом уже завершились. Детальное их содержание не раскрывалось российскими дипломатами. Было упомянуто лишь, что мулла Эрс Магомет отправляется с императорской грамотой к салтанаульцам и ему «учинено... чрезвычайное награждение, чтоб он возымел охоту и прочих солтон ульцов к поселению на показанном им месте» утвердить².

Согласившись оказывать важные услуги российским властям, мулла Эрс Магомет попросил взамен предоставить его родственникам особые условия содержания в России. Свою просьбу он изложил в прошении, которое подал 31 мая в Коллегию иностранных дел. Он указал в нем, что у него имеются сестра Тотанай и два взрослых племянника Хусейн и Отеген с их детьми и служителями. Незадолго до того они «пришли из калмыцких улусов» в Астрахань и стали жить у сына мурзы Исмаила, с которым вместе «служат и подати платят». Он просил, чтобы его родственники «за скудостью их» от тех служб и податей были уволены и отданы ему, «обещая оных употребить в секретные ея и. в. службы»³.

Указание муллы Эрс Магомета на секретный характер комиссии, которую он принимал на себя в связи с этим, весьма показательно. Учитывая тот факт, что другие салтанаульские посланцы в донесении Коллегии иностранных дел в Сенат даже не упомянуты, можно предположить, что подобная договоренность была достигнута только с ним. Однако, российские дипломаты решили подстраховаться. Коллегия иностранных дел считала возможным «во удовольствие оного муллы» освободить на время его племянников от службы и податей, которые они несли в Астрахани. «А впредь, – полагала Коллегия, – когда в поселении солтан ульского народу и в протчем вышеписанной мулла покажет свою верность и прилежность и тогда по поселении того народа оных его племянников с женами и з детьми и с служителями их за ту его муллы верность к нему мулле отпустить. В противном же тому случае тех его племянников по прежнему в Астрахани употребить в службу»⁴.

Как видим, последняя фраза свидетельствует, что российские дипломаты не были полностью уверены в том, что усилий, которые собирался предпринять Эрс Магомет мулла, будет достаточно для выполнения намеченных планов. Тем не менее, уже 11 июня 1742 г. в Астраханскую губернскую канцелярию был направлен соответствующий секретный сенатский указ, предписывавший местным властям уволить от служб и податей племянников посланца салтанаульских мурз Эрс Магомета муллы⁵.

¹ АВПРИ. – Ф. 115. – Оп. 1. 1742 г. – Д. 2. – Л. 6об.-7.

² РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 113. – Ед. хр. 90. – Л. 1-1об.

³ Там же. – Л. 1.

⁴ Там же. – Л. 1об.

⁵ Там же. – Л. 4.

О практической стороне деятельности муллы Эрс Магомета в исторических источниках сведений не встречается. По всей видимости, он оперативно был отправлен из столицы на Северный Кавказ. Об этом свидетельствует тот факт, что другие салтанаульские посланцы мурзы Тогай и Казбулат задержались с возвращением в родные аулы до начала следующего года. 13 ноября их принял вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин¹, а в январе 1743 г. они встречались в Астрахани с губернатором В.Н. Татищевым².

Ко времени этих встреч уже было известно, что в сентябре 1742 г. часть салтанаульских аулов во главе с Муса-мурзой бежала из России. Астраханский губернатор В.Н.Татищев докладывал в Санкт-Петербург, что после побега зимовать на реке Малке и в некоторых других местах остались салтанаульские владельцы Саадет-Гирей, Бий-мурза, Муратша-мурза и Азамат-мурза с некоторыми другими владельцами. При них по одним данным осталось 13, по другим от 30 до 50 больших аулов³.

Для российских властей причины ухода ногайцев из России, еще недавно приносивших клятву в верности российскому престолу, остались непонятными. Но не меньший интерес вызывал и другой факт: что удержало остальных салтанаульцев последовать за соплеменниками? В переписке центральных и местных властей объяснение данному факту мы не находим. Но вряд ли их мог сдерживать военный фактор. На тот момент в салтанаульских аулах находилась немногочисленная команда Тенгинского пехотного полка. К тому же военная команда располагалась лагерем, как правило, по соседству со стоянкой главного правителя народа. У салтанаульцев им являлся Муса-мурза, но он, как известно, увел свой аул из России. Следовательно, не военные, а иные меры удержали других салтанаульцев от побега во владения крымского хана. Учитывая эти обстоятельства, а также принимая во внимание характер переговоров российских дипломатов с муллой Эрс Магометом и принятые по их итогам решения, рискнем предположить, что именно его пророссийская агитация способствовала тому, что некоторая часть салтанаульских аулов не присоединилась к Мусе-мурзе в его побеге из России.

Весной 1743 г. астраханский губернатор спланировал военную акцию с привлечением сил местного гарнизона, Донского казачьего войска и Калмыцкого ханства, которая завершилась в апреле захватом находившихся в урочище Карагат салтанаульских аулов и их переводом к Кизляру⁴. В период своего нахождения на Северном Кавказе в пределах России салтанаульские мурзы предприняли попытку убедить российские власти в том, что их народ необходимо оставить кочевать в предгорьях Кавказа. В апреле 1743 г. они направили прошение на имя императрицы Елизаветы Петровны, в котором просили разрешить им зимовать вместе с кабардинцами, а летом кочевать «по нашей воле». Мурзы убеждали, что это будет способствовать возвращению обратно других ногайцев. «Ушедшие в кубанскую сторону из нашей стороны мурзы, – писали они, – видя такую высочайшую милость, смотря на нас, к нам придут, а ежели утеснение будет, то они, ушедшие мурзы, устрасясь, возвратитца не могут»⁵. В июне в Астрахани был получен указ, разрешавший отправить ко Двору салтанаульских посланцев с данным прошением.

¹ РГАДА. – Ф. 156. – Оп. 1. – Ед. хр. 224. – Л. 27об.

² АВПРИ. – Ф. 77. – Оп. 1. 1743 г. – Д. 12. – Л. 48-48об.

³ АВПРИ. – Ф. 115. – Оп. 1. 1742 г. – Д. 2. – Л. 3об.-4.

⁴ *Торопцын И.В.* Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009-2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов / Ин-т восточных рукописей РАН. – М.: Вост. лит., 2011. – С. 340-342.

⁵ ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1 доп. – Д. 26. – Л. 153-153об.

С этой миссией в столицу выехали Эрс Магомет мулла и Хан-мурза с двумя служителями¹.

Но, несмотря на предпринятые салтанаульскими мурзами шаги, осенью всех их перевели от Кизляра к Астрахани. Общее количество захваченных в результате этой операции салтанаульцев – 2809 человек – неоднократно уже упоминалось в исторической литературе². Из переписки астраханских властей с правительством России мы узнаем, что среди них находился и мулла Эрс Магомет, который в декабре 1743 г. был приведен вместе с соплеменниками к Астрахани «с фамилиею, с служители, с багажом и с скотом»³, что свидетельствует о том, что его родные, окружение и имущество не пострадали в ходе проводившейся российскими властями акции. В отношении этой небольшой группы ногайцев российские власти придерживались ранее данных мулле Эрс Магомету обещаний. Их не стали никому передавать, как остальных салтанаульцев, а разместили отдельно от остальных в окрестностях Астрахани.

Позднее появление ногайцев на Волге не позволило им сделать необходимых запасов на зиму, поэтому в декабре 1743 г. Эрс Магомет мулла обратился с жалобой к астраханскому губернатору, что его люди «не имея себе никакого пропитания» умирают от голода, скотине и лошадям нечем кормиться. Он писал, что его люди уже пришли в «конечное разорение» и впредь российской императрице «служить не в состоянии»⁴. Данный факт красноречиво свидетельствует о том, что Эрс Магомет мулла серьезно отнесся к выполнению данных российским властям обязательств. Он высоко оценивал свои услуги («службу») и требовал, чтобы ему создали должные условия для проживания вместе с его людьми.

Весьма показательно, что российские власти признавали факт значимости услуг, которые оказал мулла Эрс Магомет. На этот счет в императорском указе об отправке ногайцев в Казанскую губернию от 14 января 1744 г. астраханскому губернатору было приказано мулле Эрс Магомета «за прежде показанную его к нам верность и впредь со обращающимися при нем людьми содержать в Астрахани в особливом призрении и смотре»⁵. Таким образом, небольшая часть салтанаульцев во главе с муллой Эрс Магометом получила постоянную прописку в Астраханской губернии, как самостоятельная группа служилых людей ногайского происхождения.

Следует также отметить, что люди Эрс Магомета муллы оказались не единственными ногайцами, которые остались на территории Нижнего Поволжья в результате предпринятого в 1740-х гг. по решению российских властей их переселения с Северного Кавказа. В исторической литературе на этот счет сформировалось представление, что большая часть салтанаульцев досталась калмыцким владельцам. П.Г. Бутков пишет, что после перевода на Волгу в калмыцкие улусы были распределены 2809 салтанаульцев, «а прочих удержано при Астрахани 1162 человека; сверх того отобрано от них детей их 126 человек, считая и бывших в Кизляре в аманатах мурзинских детей 8 человек». Такими же сведениями оперируют П. Кеппен и П.Л. Юдин⁶.

¹ ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1 доп. – Д. 26. – Л. 157.

² Кеппен. И. Указ. соч. – С. 462; Бутков П.Г. Указ. соч. – С. 176; Юдин П.Л. Указ. соч. – С. 170.

³ АВПРИ. – Ф. 129. – Оп. 1. 1743-1744 гг. – Д. 10. – Л. 4.

⁴ АВПРИ. – Ф. 129. – Оп. 1. 1743 г. – Д. 11. – Л. 2.

⁵ АВПРИ. – Ф. 129. – Оп. 1. 1743-1744 гг. – Д. 10. – Л. 28.

⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. – С. 176; Кеппен П. Указ. соч. – С. 462; Юдин П.Л. Указ. соч. – С. 170.

Как известно, источником по данной теме для П.Г. Буткова послужила архивная «Историческая выписка о ногайцах, сочиненная в августе 1754 г.». П. Кеппен при рассмотрении взаимоотношений с салтанаульцами опирался на указ 1777 г., в котором излагались основные события того периода. П.Л. Юдин также ссылается на донесение Коллегии иностранных дел Сенату от 1774 г. и другие документы из астраханского губернского архива. Аналогичные исторические сведения о салтанаульцах содержит и сенатский указ Кавказскому наместническому правлению от 29 октября 1786 г.¹

Это позволяет утверждать, что традиционный взгляд на российско-салтанаульские отношения сформировался во второй половине XVIII в. под влиянием официальной историографии. Однако, известно, что в ходе операции по захвату салтанаульских улусов, проведенной в 1743 г., в Россию было приведено всего 2809 ногайцев. Откуда же тогда могли взяться дополнительные люди, о которых упоминают цитируемые авторы?

Ответ на этот вопрос дает донесение астраханского губернатора В.Н. Татищева императрице Елизавете Петровне от 13 декабря 1743 г. Из него следует, что первоначально российскими властями планировалось передать калмыцким владельцам всех захваченных салтанаульцев (2809 человек). Но, впоследствии, губернатор решил внести коррективы в это решение. Он посчитал неудобным подчинить калмыкам наряду с рядовыми салтанаульцами («аульными людьми») их мурз со старшинами и их родственников. Поэтому предложил поселить их «с фамилиями» отдельно от остальных в окрестностях Астрахани. Кроме того, он считал целесообразным выбрать из числа салтанаульцев, которые подлежали распределению в калмыцкие улусы, группу молодежи и определить их в различные службы, в том числе на местные фабрики. Таким образом, губернатор исключил из передачи калмыкам, которая состоялась после перевода салтанаульцев через реку Терек, в общей сложности 982 человека, включая 126 молодых салтанаульцев.

Кроме того, В.Н. Татищев принял решение причислить к местным татарам «для облегчения их тягостей» еще 306 человек из числа приведенных к Астрахани с Северного Кавказа. Но были ли это салтанаульцы, в документах не уточняется. Проблема в том, что вместе с ними к Астрахани были приведены кочевавшие при Тереке аульные татары Касая мурзы Арсланова. Судя по всему, их изначально планировалось перевести к Волге и соединить с местными татарами, чтобы облегчить тем службу². Однако, точного количества аульных татар К. Арсланова не упоминается.

Но и на этом приключения салтанаульцев в России не заканчиваются. В 1744 г. Сенат распорядился выслать на поселение в Казанскую губернию оставленных при Астрахани салтанаульцев, а молодых и малолетних определить в архангельский и рижский гарнизоны и в школы. Согласно ведомости, составленной астраханским губернатором, переселению подлежали 1119 человек. Из них в казанской Татарской слободе планировалось поселить 568 мурз и старшин с женами и служителями; еще 261-го человека из числа «мурзинских и старшинских служителей» намерено было передать свияжским мурзам в вечное владение. Кроме того, подлежали выселению из Астраханской губернии 290 аульных людей³.

¹ ГААО. – Ф. 435. – Оп. 1. – Д. 294. – Л. 2-3.

² АВПРИ. – Ф. 129. – Оп. 1. 1743-1744 гг. – Д. 10. – Л. 1-2, 24-25об.

³ Юдин П.Л. Указ. соч. – С. 171; Кеппен П. Указ. соч. – С. 462.

Анализ этих данных позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, количество салтанаульских мурз и их служителей, подлежащих переселению, оказалось меньше на 29 человек, чем их было на момент появления в Астрахани. Как известно, на этапе переселения в Нижнее Поволжье из их числа не выделялась группа Эрс Магомета муллы, так как всех их В.Н. Татищев планировал расселить вне калмыцких улусов. Но, так как было принято решение об их выселении из Астраханской губернии, то из ведомости должна была быть исключена группа Эрс Магомета муллы, которую оставляли при Астрахани. Это позволяет установить ее численность в 29 человек.

Во-вторых, ведомость точно называет количество переселяемых аульных людей. Как известно, все рядовые салтанаульцы были переданы калмыкам. Отбирать их из улусов для переселения не предполагалось. Но среди приведенных с Северного Кавказа и удержанных при Астрахани ногайцев были аульные люди Касая мурзы Арсланова. По всей видимости, именно их и переселили в Свяжский уезд.

В-третьих, ведомость упоминает еще 73 человека – это дети и молодые ногайцы, определенные в школы и в армию. Как уже упоминалось, первоначально астраханским губернатором планировалось удержать при Астрахани 126 малолетних салтанаульцев, из которых один к моменту подготовки донесения уже успел сбежать, другие были крещены. Но среди них, по всей видимости, были не только мальчики, но и девочки. Не случайно в императорском указе астраханскому губернатору предписывалось «крещеных девок» отдать местным офицерам и дворянам, «которые суть нашего закона». Очевидно, что принявших крещение ногайских детей не стали бы высылать в населенные мусульманами селения Казанской губернии.

В свете этих данных, устоявшиеся в исторической литературе представления о количестве салтанаульцев, переданных в 1743 г. российскими властями калмыкам, а впоследствии переселенных в Казанскую губернию, следует признать не вполне достоверными. Не все салтанаульцы были выселены из Астраханской губернии. Это коснулось только семей мурз и старшин и их служителей, большинство же салтанаульцев оказалось в калмыцких улусах, а небольшим группам этих ногайцев выпала судьба стать служилыми людьми или приобщиться к новому образу жизни после принятия крещения.

Остается ответить на вопрос, сохранились ли следы пребывания салтанаульцев в Нижнем Поволжье? Насколько известно, исследователи не упоминают о них, выделяя лишь группу ногайцев-карагашей, отождествляя иногда ее с кундровцами¹. Характерно, что уже И.Г. Георги в своих трудах не упоминал о салтанаульцах при описании народов Российской империи².

На наш взгляд, утрата самоидентификации у оставшихся в Нижнем Поволжье салтанаульцев произошла в силу ряда причин. Во-первых, им не позволили сохранить в составе Калмыцкого ханства своей аульной системы, которая могла бы служить сплачивающим ядром для будущих поколений. Во-вторых, салтанаульцев еще в 1743 г. разделили по социальному признаку: рядовые ногайцы оказались среди калмыцких улусов, а большинство мурз и старшин были выселены в начале 1744 г. в Казанскую губернию. В результате этого оставшиеся на Волге салтанаульцы лишились своей национальной элиты, которая, как и у всех народов, явля-

¹ Howorth H.H. History of the Mongols from the 9th to the 19th century. Part II. The so-called tartars of Russia and Central Asia. Division II. – London, 1880. – P. 1055-1056; Небольсин П. Очерки Волжского низовья. – СПб., 1852. – С. 77.

² Georgi J.G. Russia: or, a compleat historical account of all the nations which compose that empire. – Vol. I. Tartar nations. – London, 1780. – P. 71-88; Georgi J.G. Russia: or, a compleat historical account of all the nations which compose that empire. – Vol. IV. Mongol nations. – London, 1783. – P. 11.

лась хранителем традиций и исторической памяти. Не случайно переселенные в 1768 г. из Казанской в Оренбургскую губернию салтанаульцы¹ (мурзы, старшины и их служители) сохранили свое самоназвание.

Но, несмотря на это, отголоски исторических событий, связанных с переселением салтанаульцев с Северного Кавказа в Нижнее Поволжье, нашли отражение в их новом самоназвании – карагаши, которое, как справедливо указывают исследователи, произошло, по словам самих ногайцев, от названия местности, из которой они были переведены.

¹ ПСЗРИ. – СПб., 1830. – Т. XX. – С. 575; Кеппен. И. Указ. соч. – С. 462; Ден В.Э. Население России по пятой ревизии: Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. – М., 1902. – Т. 2. – Ч.2. – С. 316.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Викторин В.М., кандидат исторических наук, руководитель Научно-исследовательского центра этнополитических исследований Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Грибовский В.В., кандидат исторических наук, докторант Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины.

Идрисов Э.Ш., кандидат политических наук, заместитель директора Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Идрисов Ю.М., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры историко-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

Имашева М.М., кандидат исторических наук, доцент Астраханского филиала Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова.

Каноква Ф.Ю., доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

Кидирниязов Д.С., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.

Курмансеитова А.Х., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований.

Курумбаев А.Ш., член Союза краеведов России, директор профессионального лицея №18 с. Сайхин Бокейординского района Западно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Кусегенова Ф.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры литератур народов Дагестана Дагестанского государственного университета.

Очиров У.Б., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской Академии наук.

Сызранов А.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения Астраханского государственного университета.

Тепкеев В.Т., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской Академии наук.

Торопицын И.В., кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела приграничного сотрудничества министерства международных и внешнеэкономических связей Астраханской области, доцент кафедры Истории России Астраханского государственного университета.

**Ногаеведческий сборник:
сборник научных статей. Вып. 1.
Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев.
Астрахань, 2013.**

**Редакционная коллегия:
Э.Ш. Идрисов, кандидат политических наук (главный редактор);
В.М. Викторин, кандидат исторических наук;
И.В. Торопицын, кандидат исторических наук;
В.В. Грибовский, кандидат исторических наук;
Э.М. Идрисова (корректор)**

**Рецензенты:
В.В. Трепавлов, доктор исторических наук;
А.А. Курапов, кандидат исторических наук**

**Отпечатано в типографии «Color», г. Астрахань, Б. Хмельницкого, 35,
тел. 8 (8512) 33-44-48. Заказ № 232. Печать электрографическая, формат 42 х
29.7 с материала заказчика, 124 с., доп. тир. 30 экз.
Дата сдачи заказа 31.05. 2013**